

А. Н. БЕРНШТАМ

**Археологический Очерк
Северной Киргизии**

КОМИТЕТ НАУК ПРИ СНК КИРГИЗСКОЙ ССР
ФРУНЗЕ 1941

Археологический Очерк Северной Киргизии

А. Н. Бернштам

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Комитета Наук
при СНК
Киргизской ССР

КОМИТЕТ НАУК ПРИ СОВЕТЕ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
КИРГИЗСКОЙ ССР

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОРИИ КИРГИЗ
И КИРГИЗСТАНА

А. Н. БЕРНШТАМ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
СЕВЕРНОЙ КИРГИЗИИ

ИЗДАНИЕ КОМИТЕТА НАУК ПРИ СНК
КИРГИЗСКОЙ ССР

ФРУНЗЕ

1941

Ответственный редактор К. И. МАЛЫШЕВ.

Редактор издательства П. П. ПЛЮЩЕВ.

ПРЕДИСЛОВИЕ

„Археологический очерк Северной Киргизии“, написанный членом Комитета наук А. Н. Бернштамом, руководителем археологических исследований в Киргизии, представляет собой первый итог деятельности археологических экспедиций Комитета наук при СНК Киргизской ССР и Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра Академии наук СССР за 1938—1940 гг.

Комитет наук всемерно развивает археологические исследования в Киргизской ССР. Для древних эпох археологический материал является единственным источником прошлой исторической действительности. В условиях Киргизии, где сведения письменных источников чрезвычайно недостаточны, археологические источники сохраняют свою силу чуть ли не до средневековья, вплоть до XVI века. Вместе с тем территория Киргизии весьма богата памятниками старины, но эти памятники систематически, под углом зрения истории, были исследованы чрезвычайно слабо. Экспедиции 1938—1940 гг. как раз поставили перед собой основное условие—исследовать памятники Киргизии с целью создания точных представлений об историческом развитии Киргизии. В этом направлении экспедиции, проведенные под руководством А. Н. Бернштама, дали ценный вклад

в науку о прошлом Киргизии, в том числе истории народов СССР. Они дали возможность (пока в пределах двух тысяч лет) наметить основные этапы развития Северной Киргизии: сакский, усуньский, гуннский, тюрко-согдийский, саманидский, караханидский, каракитайский, монгольский и тимуридский. Целый ряд частных вопросов разрешен или поставлен проведенными работами. Вместе с тем экспедиции дали основу для составления более развернутого археологического обследования и других частей Киргизии — Тянь-Шаня и Южной Киргизии. На очереди стоят задачи и большего территориального охвата памятников, и более широкой тематики, например: специальные исследования по изучению древнейших этапов первобытнообщинного строя — эпохи камня и бронзы.

Комитет наук наметил ряд мероприятий по развитию археологической науки в Киргизии. В числе этих мероприятий стоят задачи создания местных археологических кадров, развитие экспедиционных работ, организация исторического отдела Музея краеведения, образование Комитета по охране памятников старины, подготовка к изданию археологических публикаций. Археологические публикации Комитет наук рассматривает как важнейшую задачу обнародования первоисточников, которую он проводит совместно с Институтом истории материальной культуры имени Н. Я. Марра и Казахстанским филиалом Академии наук СССР. Так, Институтом истории материальной культуры имени Н. Я. Марра сдан в печать I том трудов экспедиции — „Таласская долина“, составленный под общим руководством А. Н. Бернштама, и готовится к печати II том — „Археология Северного Притяньшанья“.

Предполагается опубликовать отдельной книгой результаты археологического надзора на строительстве Большого Чуйского канала. Готовится и ряд других, частных публикаций, предварительных отчетов и т. п.

С целью доведения до широких масс советских читателей результатов археологических экспедиций издается и настоящая брошюра. Автором не только дается сводка трехлетних исследований экспедиций с учетом ранее проделанных работ, но в то же время на основе письменных источников дается постановка ряда исторических проблем, подсказанных автору археологическими памятниками. В известной мере брошюра А. Н. Бернштама явится пособием для изучения древней и средневековой истории Киргизстана. Однако не все поставленные проблемы в настоящей брошюре могут быть приняты, как окончательно решенные (например, вопрос о переселении киргиз на Тянь-Шань), тем не менее ценность брошюры этим не умаляется, ибо она толкает мысль исследователя истории Киргизии к разработке ряда вопросов, являющихся весьма актуальными для истории древних киргиз и Киргизстана.

К. И. Малышев.

ВВЕДЕНИЕ

В течение трех лет—1938—1940—Комитет наук при СНК Киргизской ССР совместно с Институтом истории материальной культуры имени академика Н. Я. Марра Академии наук СССР проводил археологические исследования Северной Киргизии. Работы велись под руководством автора настоящей брошюры. В работах экспедиции принимали участие сотрудники института: Л. Г. Розина (1938—1940 гг.), Н. П. Кипарисова (1938 г.), А. М. Беленицкий (1938 г.), М. В. Луппиан (1939 г.), И. В. Щербаков (1940 г.); работники Комитета наук при СНК Киргизской ССР и Киргизского педагогического института: Б. М. Зимма, Джамгурчинов, Сыдыков и Худайбергенев (1938 г.), Егизов и Байтыгулов (1940 г.); студенты археологического отделения исторического факультета Ленинградского государственного университета: Е. И. Агеева, И. К. Бенедиктов, Г. Л. Михельс, И. А. Рошин, О. М. Зубакина (1939 и 1940 гг.). Фото-работы вели Ф. И. Бальдерман и И. В. Щербаков. Исследования, проводимые Комитетом наук и Институтом истории материальной культуры, велись в тесном контакте с археологическими работами, которые осуществлялись на территории Казахстана почти тем же составом научных работников. Последние работы были организованы еще с 1936 г. Казахстанским филиалом Академии наук и Институтом истории материальной культуры. Работы всех экспедиций развернулись по трем речным долинам: Таласской, Чуйской, Илийской, и прилегающим местностям, а также в Иссык-Кульской котловине. В основном маршруты экспедиций 1936—1940 гг.

охватили территорию от Таласской долины до р. Кегень (с запада на восток) и от долины р. Каратала и Коксу до Кочкара и Верхнего Таласа (с севера на юг).¹

В 1940 г. была закончена археологическая разведка по Семиречью. Разведка сочеталась с большими раскопными работами на наиболее важных в историческом отношении объектах. В результате была составлена археологическая карта, датированы памятники, установлена стратиграфия наиболее сложных городищ, собран огромный, порой уникальный, исторический материал, разработана схема исторического развития Киргизии с древнейших времен до XIII в.

Эти экспедиции положили начало планомерному изучению края, показали исключительное богатство Семиречья, особенно Северной Киргизии, памятниками старины, среди которых следует отметить гуннский могильник рубежа н. э. на Таласе (Кенкол), согдийскую культуру древнего города Сарыга, каракитайскую—Баласагуна в Чуйской долине, и многие другие. Несомненно, что дальнейшее изучение этих объектов откроет еще не мало страниц интереснейшей истории Киргизстана, уточнит сделанные наблюдения и выводы.

Эта брошюра является лишь первым опытом обобщения археологических исследований Северной Киргизии, которые строятся на основе взаимного оплодотворения данных археологии и письменных источников. Только как первый итог этих больших работ и предлагает автор вниманию читателей настоящую работу.

¹ См. наши краткие отчеты и сообщения об этих работах в журн. „Вестник древней истории“, 4, (9), 1939; там же, 2 (11), 1940; „Краткие сообщения Института истории материальной культуры“, 4, 1940.

Памятники старины Таласской долины. Издание Казахстанского филиала Академии наук. Алма-Ата, 1941. Обзоры работ см. „Краткие сообщения ИИМК“, № 1; „Вестник древней истории“, 2, 1940; англ. журн. „Antiquary“, декабрьская книжка 1940 г.

I. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СЕВЕРНОЙ КИРГИЗИИ

Археологическое изучение Северной Киргизии было недостаточным. Наиболее „старым“ объектом интересов исследователей был Иссык-Куль. Сведения о нем и его древностях, главным образом о подводных развалинах у Койсары, появляются в сообщениях путешественников, не специалистов-археологов. Так, Голубев в 1859 г. сообщает о древностях Иссык-Куля, главным образом Тюпа, встреченных им во время экспедиции.¹

Аналогичного типа упоминания в 1865 г. П. Семенова — о подводных развалинах Койсары.²

Независимо от П. Семенова повторяют сведения о Койсаре в 70-х гг. Л. Костенко³ и геолог И. Мушкетов.⁴

Более полные сведения об археологических памятниках дает французская научная экспедиция, которую возглавлял Уйфальви Мезо Ковешд.⁵ Перечисленные им некоторые памятники по Чу и рисунки находок весьма еще не совершенны и недатированы, чем вообще отличались сообщения того времени. Аналогич-

¹ См. „Вестник РГО“, 1860, ч. 28.

² См. его Географическо-статистический словарь Российской империи, т. II, СПб, 1865.

³ Очерки Семиреченского края, „Военный сборник“, т. XXXVIII, 1872. № 11—12.

⁴ Краткий отчет о геологическом путешествии по Туркестану в 1875 г. (см. Собр. соч. И. Мушкетова, в. 1, 1910).

⁵ Le Syr-Daria. Le Zérafchâne le pays des sept-rivières et la Sibéria-occidentale avec quatre appendices par Ch. E. de Ujfalvy de Mezö-Kövesd, Paris, 1879.

ные замечания имеются и у А. Краснова и Д. Иванова,¹ Н. Сорокина,² Н. Ядринцева,³ И. Игнатьева.⁴ В отличие от названных авторов в „Трудах IV археологического съезда“ появляется упоминание уже не о памятниках Иссык-Куля, а о турткуле около Токмака.⁵

В 80-х гг. XIX в. наиболее крупным открытием является обнаружение несторианского кладбища у Пишпека Пантусовым и у Токмака Поярковым в 1885 г.,⁶ совпавшее с организацией крупнейшего русского востоковедческого журнала — „Записки Восточного отделения Русского археологического общества“. Открытия Пантусова и Пояркова составили целую эпоху в археологическом изучении Северной Киргизии. Раскопками Пантусова 1886 г. на Пишпекском и Токмакском кладбищах⁷ было собрано несколько сотен надгробий, 167 из которых были описаны и переведены Хвольсоном.⁸ Сравнительно скоро, в 1890 г., Хвольсон издает еще 206 надписей, а в 1895 г. еще 12.⁹ Открытие Пояркова и Пантусова и работы Хвольсона вызывают интерес к несторианским памятникам и других ученых. Помимо В. Радлова, тюркской лексикой эпитафий интересуется А. Корш,¹⁰ армяно-сирийской — Н. Марр.¹¹

В исследовании новых эпитафий и их переводе особое участие принимает в 90-х гг. С. Слуцкий,¹² который переводит 308 надписей и критически оценивает своего предшественника Хвольсона. Переводят

¹ В снегах и льдах Восточного Тяньшани, 1837, № 8; „Известия РГО“, т. XXI, 1885, в. 3.

² „Известия РГО“, т. XXI, 1885.

³ „Восточное обозрение“, 1885, № 3.

⁴ „Известия РГО“, т. XXII.

⁵ См. Протоколы съезда, стр. XIV.

⁶ См. сообщения в „Записках ВОРАО“, т. I, 1886 и в „Записках АН“, 52, кн. 2; „Восточное обозрение“, 1885, № 44 от 14 ноября. Ср. также в „Протоколах ТКЛА“ статью А. Корчагина.

⁷ См. его Сообщение на правах рукописи, Верный, 1887.

⁸ Mémoires de l'Académie imper. des Sciences de St. Pétersbourg, VII serie, т. XXXIV, № 4; его же — в „Записках ВОРАО“ т. I, 1887, стр. 84—109, 217—222; там же стр. 303—308.

⁹ Syrisch-nestorianische Graninschriften aus Semirjetchie (совместно с В. Радловым), СПб, 1890; „Восточные заметки“, 1895.

¹⁰ См. „Древности восточные“, т. I.

¹¹ „Записки ВОРАО“, т. VIII.

¹² См. его статьи в „Древностях восточных“, тт. I и II.

надписи Никольский¹ и в начале XX в. П. Коковцев.²

Попытки заняться за границей переводами вывезенных из Семиречья надписей были незначительны, хотя и живо интересовали зарубежную науку.³

Открытие несторианских кладбищ привлекло интерес востоковедческой науки к Семиречью.

Поступают новые сведения об отдельных археологических памятниках—городищах и курганах, причем до 90-х гг. XIX в. науке о них становится известно главным образом по материалам В. Флоринского.⁴ Мелкие сообщения содержатся и в работах Н. Зеланда.⁵ Продолжает свои работы Поярков, который открывает ряд каменных баб в ущелье Кегеты.⁶ В конце 90-х гг. работы востоковедов увенчались новыми открытиями. Прежде всего надо отметить усилившееся внимание к Семиречью Русского археологического общества, по заданиям которого работают Фетисов, Поярков и Пантусов.⁷ Кроме публикаций сообщений в „Трудах Археологического общества“ о раскопках курганов, Поярков, Пантусов и др. печатают материалы о своих археологических разведках—главным образом о буддийских памятниках Северной Киргизии.⁸ Также публикуется целый ряд сообщений местных исследователей и путешественников, среди которых следует отметить сообщения Дьячкова,⁹ Селиванова,¹⁰ Хафаньона¹¹ об

¹ См. „Древности восточные“, т. II.

² „Записки ВОРАО“, т. XVI; „Известия АН“, сер. VI, т. I, 1907; „Известия АН“ за 1909 г.

³ См. статью Hjelet в „Annales Akademae Scientiarum Fennicae“, Helsinki, 1909; Devèria в „Comptes rendus des sciences de l'année“, 1890, т. XVIII, сер. IV, 1891.

⁴ См. „Известия Томского ун-та“, кн. 1, 2; его же—Археологический музей Томского ун-та, Томск, 1888.

⁵ „Записки Западно-Сибирского отдела РГО“, кн. IX.

⁶ „Записки ВОРАО“, т. I.

⁷ См. Отчеты Археологической комиссии за 1891, 1892, 1895, 1897, 1898 гг.

⁸ Памятная книжка Семиреченской обл. на 1898 г., т. II; А. Пантусов, „Древности Средней Азии“, Казань, 1897.

⁹ Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии за 1896—1897 гг.

¹⁰ „Археологические известия и заметки“, 1896, № 7—8.

¹¹ В „Nouvelles archives des missions scientifiques et littéraires“, t. IX, Paris, 1899.

Иссык-Куле, Ландснела,¹ Шнейдера,² Трутовского,³ главным образом о памятниках, связанных с несторианскими надписями.

В непосредственной связи с общим подъемом интереса востоковедения к Семиречью организуется в 1893—1894 гг. по инициативе Н. Веселовского и В. Радлова поездка В. Бартольда, с которой связана новая эпоха в историко-археологическом изучении Семиречья. В. Бартольд объезжает Северную Киргизию, Иссык-Куль и долину Нарына и первый показывает единственно научный метод исследования края путем параллельного изучения как памятников старины, так и письменных известий о крае. В последнем случае он дает непревзойденные поныне образцы тщательного и полного ознакомления научного мира с данными письменных источников о Семиречьи.⁴ Непосредственным продолжением этой поездки явилась его работа—„Очерк истории Семиречья“⁵ и целый ряд специальных статей.⁶ Работа В. Бартольда вызвала к жизни деятельность Туркестанского кружка любителей археологии (организован в Ташкенте в 1895 г.), который через своего представителя Каллаура, аулие-атинского уездного пристава, обращает много внимания на памятники Семиречья. Каллаур обследовал ряд развалин городов, зарегистрировал клады, каменные бабы и отдельные находки, открыл рунические эпитафии в Верхнем Таласе; его публикации⁷ вызвали новый интерес к краю со стороны русского и западного востоковедения. Была органи-

¹ Chinese Central Asia, London, 1893.

² „По окраине“, Путевые очерки, СПб, 1893.

³ В „Древностях восточных“, т. I.

⁴ Ср. его Отчет о поездке с научной целью в Среднюю Азию в 1893—1894 г. „Записки АН“ за 1897 г., т. I, вып. 4.

⁵ Верный, 1898.

⁶ См. „Записки ВОРАО“, тт. VIII, XI, XII; ср. там же полемику Бартольда с Петровским. Обобщающие работы Флоринского—„Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни“, Томск, 1894—1896, тт. I и II, которая как бы подытоживает интерпретацию памятников добартольдовского периода, и работа Лыкошина в „Средне-азиатском вестнике“ за 1896 г., дающая формальную сводку полевых исследований,—не могут идти ни в какое сравнение с работой Бартольда.

⁷ См. его статьи и заметки в „Протоколах ТКЛА“ за 1896—1897, 1897—1898, 1901 и 1909 гг., а также „Записки ВОРАО“, т. XI.

зована специальная экспедиция по обследованию района нахождения рунических памятников.¹

В начале XX в. могут быть отмечены: новые находки Пантусовым христианских кладбищ,² обследование им древних развалин,³ главным образом Северного Тянь-Шаня, и отдельные находки вещей мусульманской⁴ и скифской⁵ эпох. Как бы отдавая дань прошлому, Л. Берг снова возвращается к иссык-кульским развалинам.⁶

С 1910 г., после подведения итогов исследования края Кастанье,⁷ вплоть до Великой октябрьской социалистической революции почти совсем исчезает археологическая литература о Северной Киргизии.

В первое десятилетие Советской власти археологические работы в Киргизии представлены сравнительно небольшими поездками, связанными с ремонтом архитектурных памятников и производством археологических разведок. За эти годы были сделаны отдельные публикации о вещах и монетах.⁸

Значительного оживления археологическая работа приобретает с 1929 г., когда М. Воеводским и М. Грязновым⁹ проводится ряд планомерных

¹ См. информацию о находке и первые попытки чтения надписей Радловым и Мелиоранским в „Записках ВОРАО“, т. XI; „Протоколы ТКЛА“ за 1896 г. с письмом Розена; Donner в „Fenia“, 18, № 4 и в „Трудах XIII Интернационального восточного конгресса“; отчет Heikel'я в „Travaux Ethnographique“, VII, Helsinki, 1918. Новейшие чтения надписей Nemeth'ом в „Körfösi Czoma-Archivum“ II, вып. 1—2, Budapest, 1926 и С. Малова в „Известиях АН“, 1929; „Материалы Узкомстариса“, вып. 6—7, М.—Л., 1936.

² „Протоколы ТКЛА“ за 1907 и 1909 гг.

³ „Известия Арх. ком.“, вып. 12.

⁴ „Протоколы ТКЛА“, 1903—1904; ср. „Записки ВОРАО“, т. XVII, вып. 4.

⁵ Там же, за 1900—1901 гг.

⁶ Поездка на озеро Иссык-Куль, Ташкент, 1904; ср. „Землеведение“ за 1904 г.

⁷ „Труды Оренбургской ученой архивной комиссии“, вып. 22. Компильацию по Кастанье см. у Ходжикова в его статье, помещенной в „Трудах Казахского научно-исследовательского института национальной культуры“, т. I, 1935.

⁸ „Известия Средазкомстариса“, вып. 1 и 3, сб. „Таджикистан“, статья Семенова; см. статьи М. Массона в журн. „Научная мысль“ за 1930 г., № 1; „Материалы Узкомстариса“, вып. 5; ср. также „Известия Турк. отд. РГО“, т. XVII; „Вестник Центр. музея Казакстана“, № 1, 1930.

⁹ „Вестник древней истории“ 1/2, 1938; „Наука и техника“, 1929, стр. 20; „Вестник древней истории“, 3/4, 1938; Ср. Умняков, Архитектурные памятники Средней Азии, Ташкент, 1929.

археологических разведок и раскопок, посвященных изучению культуры ранних кочевников, и Тереножкиным—городищ.¹ Большую работу по обследованию Северной Киргизии, регистрации и описанию отдельных памятников проводит М. Массон.² Особый интерес привлекает история горного дела, отраженная по вещественным памятникам в работах Массона,³ Иванова,⁴ Королева.⁵ П. Иванову^{*} принадлежит и описание древностей Верхнего Таласа.⁶ Изучению эпиграфического материала с Северной Киргизии посвящены работы С. Малова.⁷

В 1937 г. кафедра истории Киргизского педагогического института провела обследование значительной части Киргизии—южной и северной, причем удалось собрать весьма интересный в историческом отношении материал. Среди собранных материалов особое значение имеют выявленные экспедицией случайные находки бронзовых вещей (жертвенники, светильники, котел) сакского периода; собраны коллекции по средневековому периоду. Большую научную ценность имеют фотографии экспедиции с памятников старины Киргизии.

Археологические экспедиции советских исследователей привлекают внимание зарубежных ученых—Фильда и Простова,⁸ которые освещают археологические работы, в частности Северной Киргизии, в иностранной печати.

С 1938 г. начинаются планомерные исследования Северной Киргизии с частичными вскрытиями памятников, их датировкой с подробным обследованием, согласно требованиям современной науки, организованные Комитетом наук и Институтом истории материальной культуры имени Н. Я. Марра, но о них мы говорили выше.

¹ „Проблемы истории докапиталистических обществ“, № 5—6, 1935.

² СОНАТ, № 11, 1936; „Материалы Узкомстариса“, № 6—7, М.—Л. 1936.

³ „Червоный Схид“ 1—2, 1931; Бюллетень Ср.-аз. районного геолого-разведочного управления, № 2, 1930; Таджикско-Памирская экспедиция, 1934, вып. XXXVIII.

⁴ К истории развития горного промысла в Средней Азии, 1932.

⁵ Бюллетень Ср.-аз. ГРУ, № 2, 1930.

⁶ См. Сборник, посвященный С. Ф. Ольденбургу, Л., 1934.

⁷ Из них см. „Известия АН“ за 1929 г.; „Материалы Узкомстариса“, вып. 6—7.

⁸ „Ars Islamica“, 1933.

Подведем итоги краткому изложению археологических исследований Северной Киргизии.

Существенной чертой дореволюционной археологии являлось накопление и регистрация вещественных памятников.

Эта работа велась малоподготовленными людьми, в результате чего материал был в научном отношении недостаточно обработан, зачастую недатирован. Лишь эпиграфические материалы были подвергнуты высококвалифицированному обследованию. Поэтому поездка В. Бартольда имела особое значение не только с точки зрения исследования края, она наметила пути систематического исследования, которые впоследствии проводили Каллаур, Пантусов и Поярков.

Всё же археологическое исследование Северной Киргизии оставалось вещеведческим и на много отставало как по методике исследования, так и по освещению материала от общего уровня русской дореволюционной археологической науки. В. Бартольд оказал большее влияние в области истории, чем в археологии, где сам не отличался высоким уровнем исследования, хотя был исключительно прозорлив в области исторической топографии. Наибольший подъем дореволюционных исследований археологических памятников Северной Киргизии падает на 1886—1898 гг.

После Великой октябрьской социалистической революции археологические исследования обогащаются новой методикой, исследования разворачиваются планомерно и тематически. В публикациях советских археологов наличествует не только датировка памятников, но в большинстве случаев и увязка их с историческим прошлым страны. В этом отношении попытки В. Бартольда воспроизведены ныне на более расширенной археологической основе и, естественно, с более действенным историческим методом.

Работы советских исследователей, можно сказать, только начинаются и особенное развитие получили лишь в последнее десятилетие 1930—1940 гг.¹

¹ При составлении настоящего обзора использованы „Материалы к библиографии по истории, археологии и этнографии Кыргыз и Киргизстана“, составленные под нашим руководством Н. Винберг. В предисловии к этой библиографии нами дан общий очерк литературы по вышеназванной тематике библиографии, и читатель может в нем найти дополнительно интересные сведения.

II. ДРЕВНЕЙШИЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ СЕВЕРНОЙ КИРГИЗИИ

На территории Киргизии еще не известны памятники далекого прошлого человеческой истории—палеолита и неолита. Это, однако, говорит не о том, что Тянь-Шань в глубокой древности был необитаем, а о том, что край по сей день еще недостаточно изучен. Прекрасные природные условия горных долин давали все возможности для существования здесь человека. В аналогичных природных условиях в 1938 г. А. Окладниковым на территории Узбекистана были обнаружены остатки неандертальского человека с инвентарем мустьерского типа почти 100-тысячной давности.¹ В 1939 г. А. Окладников открыл еще ряд стоянок мустьерского времени, так называемый грот Амир Тамир.² В лёссовых отложениях в центре г. Самарканда в 1940 г. Г. Григорьев нашел мустьерский остроконечник и отщеп. Эти находки указывают на заселение речных долин Средней Азии в мустьерское время, т. е. 30—100 тысяч лет тому назад.³ С другой стороны, к северу от Киргизии отмечены также отдельные находки эпохи палеолита. Так называемый мустьерского типа нуклеус был обнаружен на Курдайском перевале при прокладке Туркестано-Сибирской железной дороги. Более значительное количество памятников этой эпохи открыто

¹ А. Окладников, Мустьерская стоянка в гроте Тешик-Таш в Узбекистане, „Краткие сообщения ИИМК“, № 2, стр. 8; Г. Дебен, О черепе из Тешикташской пещеры, там же, стр. 97.

² А. Окладников, Амир Тамир, новый памятник каменного века в горах Байсунтау, „Краткие сообщения ИИМК“, № 6, стр. 67 и сл.

³ См. „Краткие сообщения ИИМК“, № 8.

по Иртышу, хотя все они еще не составляют больших коллекций и носят единичный характер.¹ Однако в соседних с Киргизией и Казахстаном районах, в Южной Сибири и на Алтае в верховьях Оби (Сростки и др.) нам известны палеолитические стоянки. Из этих фактов следует два характерных вывода: во-первых, все находки эпохи палеолита тяготеют к горным районам и предгорьям крупнейших массивов Средней Азии, область же современных пустынь и полупустынь, геологически относительно молодой, не знает этой культуры; во-вторых, по мере продвижения с юга на север возраст палеолитических находок уменьшается, т. е. на юге палеолит старше, чем на севере. Эти два факта говорят о том, что, видимо, заселение этого района шло с юга на север, вдоль гор, где человек мог рассчитывать на богатую охотничью добычу, а в лесах горных ущелий мог найти растительную пищу. Слабость плохо вооруженного человека была причиной тому, что он не уходил в степи и избрал местом своего пребывания предгорья и горные ущелья. Размещение палеолитических памятников указывает также на то, что на территории Киргизии, как северной, так и южной, несомненно, в эпоху палеолита обитал человек. Быть может, свидетельством этому является находка кремневых отщепов под г. Фрунзе в 1929 г. М. В. Воеводским.²

Аналогичное положение—со сведениями о памятниках эпохи неолита. Кроме случайных единичных находок поделок из кремня, других следов этой культуры на территории Северной Киргизии пока нет. Однако многочисленные микролиты с Кара-Тау, находки из Бетпак-дала говорят о том, что Северная Киргизия, в частности Чуйская долина, была заселена людьми в эпоху неолита.³ В этих районах следует ожидать неолит степного типа, так называемую микролитическую индустрию, связанную с изобретением лука, которая была распространена от левого берега Днепра до Северного Китая. Мелкие кремневые поделки слу-

¹ Г. Сосновский, О поисках палеолита в Казахстане. „Известия Казахского филиала Академии наук“, № 2.

² Об этом см. упоминание в статье А. Тереножкина—„Археологические разведки по р. Чу в 1929 г.“, „Проблемы истории докапиталистических обществ“, № 5—6, 1935 г., стр. 138.

³ Коллекции по микролитам Казахстана не изданы и находятся в музейных хранилищах.

жили наконечниками стрел, а комбинация микролитов в деревянной или костяной рукояти образовывала целую серию разнообразных режущих, пилящих и иных орудий. Изобретение лука и стрел было весьма важным этапом в развитии человеческого общества. „Переход от грубых каменных орудий,—пишет И. В. Сталин,— к луку и стрелам и в связи с этим переход от охотничьего образа жизни к приручению животных и первобытному скотоводству...“¹— вот что, в частности, документирует микролит. Микролитические находки в Северной Киргизии крайне немногочисленны и о них еще нельзя сделать каких-либо определенных выводов. Надо еще оговориться, что возможно бытование микролитовидных форм также и в эпоху бронзы, поэтому отдельные находки еще окончательно не утверждают вопрос о микролите в Киргизии. В данном случае общие соображения и выводы, построенные на материале сопредельных территорий, являются более основательными.

Если микролитическая культура указывает на формирование уже патриархальной семьи, то бесспорными памятниками последней является бронза, по определению Ф. Энгельса „плавка металлических руд и обработка металлов“² являются показателями средней ступени варварства. „Медь и олово—говорит Ф. Энгельс,— и выплавляемая из них бронза имели наибольшее значение“³. Из памятников этой эпохи с территории Северной Киргизии известна одна группа бронзовых вещей, обнаруженных случайно во время строительных работ в районе пос. Кагановича⁴ на правом берегу р. Сукулук. Обследование нами места находки бронзовых вещей показало, что, по всей вероятности, этот комплекс является кладом. Никаких следов культурного слоя непосредственно около места находки нет. Не исключена возможность, что жилье было где-нибудь по соседству. Такое залегание вещей, называемое кладами, широко известно археологам. В обнаруженном кладе имелось 17 предметов: три вислобушных топора, три клиновид-

¹ Сталин, Вопросы Ленинизма, изд. 11, стр. 554.

² Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Сочинения, т. XVI, ч. I стр. 136.

³ Ф. Энгельс, ук. соч., стр. 136.

⁴ Б. Зимма, Сукулукский клад (печ.).

ных тесла (типа известных плоских бронзовых топори-ков), три долота, три зеркала, два наконечника копья лавролистной формы, две проколки и одна коническая втулка-наконечник. Сукулукский клад содержал весьма типические по форме вещи, которые могут быть отнесены к так называемому андроновскому этапу развития бронзовой культуры.¹ Однако подмеченная Б. М. Зимма разнохарактерность техники изготовления топоров и наконечников копий заставляет предполагать, что вещи сукулукского клада относятся к разным временам.

Одиночные находки были обнаружены и в других местах Северной Киргизии: так называемые бронзовые ножи были найдены на Иссык-Куле, один кельт у с. Лебединовки и др. Наибольшую важность имеет поселение, следы которого были обнаружены А. Тереножкиным у Карагачевой роши, на правом берегу р. Аламедын, у г. Фрунзе.² Обломки керамики на Аламедиинской стоянке весьма сходны с керамикой андроновского типа, найденной в погребениях Западного Казахстана М. П. Грязновым,³ что позволяет датировать ее также серединой II тысячелетия до н. э. Все эти факты: находки единичных предметов бронзового века, сукулукский клад и стоянка у Карагачевой роши, на территории от Иссык-Куля до Сукулука, позволяют утверждать, что в эпоху бронзы вся Северная Киргизия была заселенной территорией.⁴ Видимо, в эту пору происходила стабилизация патриархальной семьи и сложение тех форм скотоводческого хозяйства, которые получили свое максимальное развитие позднее, в эпоху ранних кочевников (см. гл. IV).

К памятникам эпохи бронзы, весьма вероятно, должны быть отнесены и ряд наскальных изображений Северной Киргизии. Впервые такую датировку выдвинул Б. М. Зимма, который указал там группу акуленских изображений — козлов и оленей, преследуемых на-

¹ Ср. М. Грязнов, Казахстанский очаг бронзовой культуры (отд. отт.). См. сб. „Казаки“, вып. 15.

² А. Тереножкин, ук. соч., стр. 139—140.

³ М. Грязнов, Погребение бронзовой эпохи в Западном Казахстане, сб. „Казаки“, вып. 11.

⁴ В 1941 г. стали известны еще находки в г. Фрунзе двух кельтов, а около ущелья Аларча — наконечника копья. Кельты найдены вне культурного слоя (гравий).

гой мужской фигурой с луком. Изображение фаллоса на одном рисунке имело своей целью подчеркнуть мужской характер охоты. Изображения сделаны точечной техникой. Животные выполнены тeneвым рисунком. Эти наскальные изображения отличаются от минусинских изображений, например: боярской писанницы,¹ по технике и стилю, но, вместе с тем, подобно орудиям труда аналогичны алтайским² и степным казахским изображениям, например: тургайским. Видимо, эту группу надо относить к тому же андроновскому этапу развития бронзы. Количество известных нам изображений такого типа в Северной Киргизии невелико. Основная масса относится к более позднему периоду. Разбираемая акуленская группа также обрастала более поздними наслоениями, и лишь часть изображений, связанная композиционно (сцена охоты), общей техникой (точечная) и стилем выполнения (плоскостной рисунок), принадлежит к наиболее ранним образцам изобразительного искусства Северной Киргизии.

Трудно говорить ввиду чрезвычайной скудности материала о типических сторонах северно-киргизской бронзы. То, что нам известно по материалам из Киргизии Алма-Атинского музея (узунагачская бронза), позволяет связать, в частности, сукулукский клад с казахстанским очагом бронзовой культуры. Так, например, по форме и размерам абсолютно сходны долота и вислообушные топоры, которые М. Грязнов выделяет как характерное явление эпохи бронзы для Казахстана. Эта общность форм, в частности, показательна для датировки, ибо только на андроновской стадии развития бронзы наблюдается сходство форм бронзовых орудий для всего Казахстана. Обилие коллекций эпохи бронзы по сравнению с каменным веком позволило выделить казахстанский очаг бронзовой культуры, а близость к нему форм орудий сукулукского клада и единичных находок эпохи бронзы дает возможность присоединить к этому значительному ареалу еще одну территорию — Северную Киргизию. В известных пока образцах нет данных для выделения северно-киргизских находок в

¹ М. Грязнов, Боярская писанница, „Проблемы истории материальной культуры“, № 7—8, 1933.

² Г. Сосновский, Писанница на горе Кизех-таг, „Краткие сообщения ИИМК“ № 6, 1940.

особую группу. Это подчеркивает известное единство исторического процесса от Алтая до Волги, и не случайно впоследствии, при переходе к железу, на территории Северной Киргизии мы наблюдаем ряд общих черт в развитии уже кочевых, скотоводческих обществ. Однако с этой поры все более и более нарастают свои локальные особенности.

III. СКИФЫ-САКИ СЕВЕРНОЙ КИРГИЗИИ VII-IV ВЕКОВ ДО НАШЕЙ ЭРЫ

Непосредственным результатом развития пастушеских обществ эпохи бронзы являются кочевники I тысячелетия до н. э. Переходные этапы в ряде случаев прослежены довольно точно, но далеко не по всем районам Азии. В условиях Киргизии это тем более трудно проследить, ибо здесь, как это явствует из предшествующей главы, материала для суждения почти нет. Так, например, в условиях Минусинского края, где лучше всего изучена бронза, прослежен следующий за андроном карасукский этап бронзовой культуры X-VIII вв. до н. э. и так называемая тагарская культура VII-I вв. до н. э., или, по другой терминологии, — „минусинская курганная“. В соседних с Семиречьем районах, в Карагандинской области, обнаружены лишь единичные погребения карасукского типа.¹ Возможно, к переходному этапу от бронзы к раннему железу относятся курганы, раскопанные нами (во время работ экспедиции Казахстанского филиала Академии наук и ИИМК) в 1940 г. около ущелья Каргалы, Узунагачского района. Эта культура представлена погребениями под каменной насыпью кургана (насыпь в виде сегмента шара), в каменных ящиках, расположенных на глубине 3—3,5 м от вершины кургана. Инвентарь погребений весьма беден. Так, например, в одном каменном ящике, перекрытом каменными же плитами, лежал костяк, ориентированный головой на северо-восток. Около правой руки его лежал маленький бронзовый ножик 10 см длиной, листовидной фор-

¹ „Работы ИИМК на новостройках“, вып. 2, Л., 1934.

мы, в ногах круглое в сечении шило, у головы небольшой глиняный горшочек без орнамента, с дырочками для подвешивания.

Такого типа погребения тесно связаны с раннесакскими погребениями, и лишь инвентарь дает возможность выделить хронологически разные группы погребений. Возможно, что каргалинская культура каменных ящиков является типичным переходом к культуре сакского типа, известной уже по памятникам Северной Киргизии. По всей вероятности, захоронения относятся к I тысячелетию до н. э. (VIII-VII вв. до н. э.).

Весьма выразительны, хотя и немногочисленны, памятники сакской культуры, найденные в Северной Киргизии. К ним относится одно погребение, раскопанное в Верхнем Таласе Гейкелем.¹ В грунтовой яме под каменной насыпью находился один костяк, вытянутый с запада на восток. Этим оно напоминает погребения каргалинской группы — в 55 км к западу от г. Алма-Ата. Вместе с керамикой Гейкелем был обнаружен один небольшой бронзовый нож, железные украшения и сосуд со сферическим дном. Инвентарь позволяет датировать это погребение VII-VI вв. до н. э.

К более позднему времени (V-IV вв. до н. э.) следует отнести несколько предметов, найденных во время строительных работ у Нарына. Здесь были найдены скифского типа стрела, пряжка от конской сбруи и глиняная чаша со сферическим дном. Стрела и пряжка — бронзовые, литые. Бронза в скифскую эпоху сохраняется для стрел и, главным образом, украшений, пряжек и т. д. Пряжки имеют форму овала с трапециевидной рамкой. На обратной стороне две массивных шпильки для прикрепления к сбруе.

Третью группу вещей составляют случайные находки, хранящиеся в Государственном историческом музее в Москве, привезенные с Тюпского залива Иссык-Куля. Здесь есть украшения в виде блях, на которых барельефом даны в реалистической трактовке, характерной для скифского звериного стиля, изображения антилоп и львов. Эти украшения имеют нечто общее с литой бронзовой поясной пряжкой с изображением головы льва, найденной в более позднем могильнике в Таласской до-

¹ Н. Heikel, Die Altertümer aus der Tale des Talas in Turkistan, „Travaux Ethnographiques“, 1918, табл. II.

лине (Беркаринский могильник, Казахской ССР). К этому времени—V—IV вв. до н. э., относится и одно погребение, раскопанное нами около ур. Кара-Чоко (Илийская долина),—земляной курган с грунтовой ямой, где были найдены втульчатые бронзовые стрелы скифского типа.

Наиболее выразительная группа вещей, происходящая из долины Кырчин около с. Семёновки, на северном берегу оз. Иссык-Куль. Клад вещей, здесь обнаруженных, состоит из двух котлов, двух жертвенников в виде столов и двух курильниц.¹ Предметы эти являются принадлежностью зороастрийского культа. Вместе с тем украшения на этих предметах состоят из изображений животных: быка-яка в лежачей позе, процессии львиц и сцен борьбы тигров с горными козлами. Ножки столов также трактованы под лапы хищников.

Звериные изображения на иссык-кульских жертвенниках теснейшим образом связаны с кругом сибирского звериного стиля и тематически и стилистически. Особенное сходство имеют парные сцены борьбы тигров с козлами. Аналогии этому сюжету мы найдем в многочисленных памятниках сибирского и северо-китайского звериного стиля.

Процессия животных известна, прежде всего, на жертвеннике, найденном под г. Алма-Ата, на чертомлыкском сосуде, на котлах, найденных в Фергане и в ряде других памятников.

Несколько одиноко выглядит лежачая фигурка быка-яка. Однако следует вспомнить изображения яка на поинулинских фаларах². Характерно, что здесь бык трактован также в стиле сибирской звериной тематики. Его ноги подогнуты также как в известных позах бегущего оленя, например, как на бляхе из катадинского кургана³. Характерны изображения спирали—символа солнца, расположенные на бедрах быка. Такие спирали нам

¹ Б. М. Зимма, Иссык-кульские жертвенники, под редакцией и с предисловием К. П. Малышева (Материалы по истории киргиз и Киргизстана), Изд.-во Комитета наук при СНК Киргизской ССР, Фрунзе, 1941.

² К. Trever, Excavations in Northern Mongolia, Л., 1932; ср. „А. Бернштам, Изображение быка на бляхах Ноин-Улпинских курганов, Проблемы истории докапиталистических обществ“, № 5—6, 1935.

³ Rostovtzeff, The Animal Style in South Russia and China, Princeton, 1929, табл. XXVIII, p. 8.

известны на одной плакетке из Северного Китая, находящейся в частной коллекции.¹ Трактовка ножек стола под лапы хищников напоминает манеру литья и украшения ножек котлов, хранящихся в Алма-Атинском музее.

Вопрос о том, что жертвенные столы и курильницы являются атрибутами зороастрийского культа не вызывает сомнений. Таковы изображения жертвенников в ахеменидском Иране и позднее при Сасанидах, даже на монетах Бухархудатов. О том, как зороастризм проник к жителям Иссык-Куля, мы коснемся несколько ниже. Сейчас остановимся на другом вопросе. Среди вещей, принадлежащих к этому времени, наибольшее распространение имеют бронзовые котлы. В Минусинской котловине они известны, начиная с эпохи бронзы. Для скифской поры котлы имеют огромное распространение — от Маньчжурии до степей Восточной Европы (Чертомлык) и на север заходят до Прибайкалья. Значительную и весьма интересную группу составляют семиреченские котлы, прекрасная коллекция которых (24 экземпляра) хранится в Центральном музее Казахстана в г. Алма-Ата. Среди них имеются котлы, происходящие из Северной Киргизии — с Иссык-Куля, и один, найденный в Таласской долине в 1939 г. (хранится в Эрмитаже). Семиреченские котлы отличаются несколько своей формой, в частности положением ручек, попеременно чередующихся попарно, — две вертикальных и две горизонтальных. Отличаются семиреченские котлы от алтайских и маньчжуро-монгольских тем, что вместо одной массивной конической сплошной ножки они имеют иногда три отдельно прикрепленных ножки. Этого типа котлы ведут свое происхождение от китайских сосудов эпохи Чжоу, называемых „дин“, а жертвенные столы имеют большое сходство с китайскими аналогичными изделиями Чжоусской эпохи, так называемыми „фу“.²

Если в самих котлах наблюдаются локальные особенности, по которым можно выделить семиреченский тип бронзового котла, то еще резче выделяются комплексы находок этих котлов, когда они идут с другими вещами. Находки семиреченских котлов сопровождаются

¹ Rostovtzeff, *ук. соч.*, табл. XXV, p. 6.

² В. Karlgren, *Jiu and Chou in Chinese Bronzes. The Museum of far Eastern Antiquities*, Bull. 8, ср. табл. XXX.

жертвенными столами и светильниками и часто являются составным элементом зороастрийского культа. Только в условиях Семиречья сопутствуют котлам жертвенные столы. Последних мы вообще не знаем за пределами Семиречья. Отсюда вытекает первый и чрезвычайно важный вывод — среди кочевников Семиречья, в том числе Северной Киргизии, был распространен культ зороастризма. Обладая техникой литья крупных бронзовых предметов — техникой, общей для значительной и весьма распространенной группы кочевников, они, кочевники Семиречья, наряду с котлами изготавливали необходимые для них зороастрийские культовые предметы. Они, видимо, и распространяли в сопредельные территории литые котлы, но для светильников и жертвенников не было спроса, ибо эти громоздкие и специфические предметы не могли быть оправданы в кочевом быте номадов, не поклоняющихся учению зороастра. Отсюда следует, что семиреченские комплексы, в том числе и иссык-кульские находки 1937 г. характеризуют специфические местные особенности зороастрийского культа.

Следует отметить и другую весьма важную черту этих находок. Если взять культовые предметы раннего и даже позднего сасанидского зороастризма, то мы не найдем среди них того звериного обрамления, которое наблюдаем на иссык-кульских предметах. В них кочевник внес свои идеологические представления, окружил своим идеологическим миром тотемных существ, миром скифского звериного стиля. Этим можно объяснить обрамление столов-жертвенников, светильников процессиями животных или парными сценами борьбы тигров и козлов. Подобно тому, как украшались (и отнюдь не только по эстетическим требованиям) седло, вооружение, костюм, подобно этому и на зороастрийских культовых предметах кочевник посадил знакомый и близкий ему пайтеон зверей. Возможно, что впоследствии он пытался по-иному осознать эти изображения, наделить их функциями существ, бытующих в зороастризме, но вряд ли наличный материал дает возможность проверить это предположение. В изображениях на иссык-кульских жертвенниках, равно как на большом алма-атинском жертвеннике, этого проследить нельзя. Темы групп и позы зверей найдут себе аналогии в

таких далеких областях, где ни о каком зороастризме думать и не приходится. Особенностью звериного стиля Семиречья является то, что в основе своей изображения животных реалистичны. За исключением, пожалуй, единичных предметов (один из котлов с Иссык-Куля и алма-атинский жертвенник), изображения не несут на себе черты фантастики, как это нам известно по памятникам такого рода. Даже в сценах борьбы зверей, как, например, на светильнике с Иссык-Куля, ни тигр, ни горный козел не наделены дополнительными аксессуарами фантастического порядка. Реалистическая трактовка изображений составляет главную черту описываемых находок и позволяет нам датировать этот комплекс сравнительно ранним временем—V—IV вв. до н. э.

К памятникам сакского периода следует отнести и группу наскальных изображений из ущелья Чиимташ, под которыми и был найден в 1939 г. бронзовый котел скифского типа. Изображения состоят из отдельных рисунков домашних и диких животных, выполненных точечной техникой.

Мы перечислили выше группу археологических предметов, связанных с обществом VII—IV вв. до н. э., т. е. с саками. К вопросу о саках и непосредственно к их истории нам надлежит перейти и в связи с этим показать, в частности, почему мы эту группу предметов называем сакскими.

Территория Семиречья, в том числе и Тянь-Шаня, главным образом, еще с VI в. до н. э., как об этом свидетельствуют античные авторы, была занята кочевым племенем—саками. Область саков начиналась за Яксартом (Сыр-Дарья). Саки были кочевниками, но уже автор VI в. Хэрил сообщает— „И саки, пастыри овечьи скифского рода, но обитатели богатой пшеницею Азии, высланцы тех кочевых, что самые между людей справедливые“. Аналогично Хэрилу описывает саков и Геродот (V в. до н. э.). На бисютунском рельефе в числе послов, приносящих дань ахеменидскому царю, фигурирует кочевник-сак. Он имеет на голове характерный убор типа кочевнического башлыка, одет в кочевнического типа кафтан, сбоку—справа—короткий скифского типа меч—акинак.

Уже в указаниях Хэрила имеется намек на то, что

саки занимаются земледелием. Об известной оседлости саков говорит сообщение Диодора (I в. до н. э.—I в. п. э.), который приписывает сакской царевне Зарине организацию „городов“, верней—полуоседлых ставок саков. Любопытно и сообщение Арриана о том, что Александру Македонскому приходилось усмирять восстание саков, живших в городах, расположенных по левому берегу Сыр-Дарьи.¹

Будучи в основной своей массе кочевниками, часть саков, видимо, жила полуоседлой пастушеской жизнью и наряду со скотоводством занималась земледелием. Культура этих саков представлена раскопками городищ по правому берегу Сыр-Дарьи.² Культура поселений говорит об определенной оседлости здесь саков, занимавшихся земледелием и пастушеским скотоводством. Сравнительно высокое развитие в сакских городищах получило и ремесло. Но эти прияксартские саки³ не имеют отношения к Северной Киргизии, поскольку не являлись ее аборигенами. Видимо, эти саки и составили XV сатрапию ахеменидов и уплачивали 250 талантов дани. Территорию самой Киргизии населяли собственно кочевники, которые не вносили дани в 250 талантов серебра ахеменидскому царю. Памятники VII—IV вв. до н. э. с территории Киргизии резко отличаются от синхроничных памятников прияксартских саков. У последних захоронения были в катакомбах, в то время как у тянь-шаньских саков—в грунтовых ямах, и их тип погребений тесно связан с позднейшими памятниками этого района времени усуней (III в. до н. э.—I в. п. э.).

Наблюдения над сходством памятников кочевников VIII—IV вв. и III в. до н. э.—I в. н. э. над ритуалом погребений, а также и над отдельными предметами искусства, заставляют видеть непосредственную историческую преемственность между более поздним усуньским племенным союзом и ранними саками.

¹ Сообщения о саках античных авторов и ахеменидских клинописей см. в книге „Древние авторы о Средней Азии“, Ташкент, 1940.

² Г. Григорьев, Городище Каунчи Тепа, УзФАН, 1940. По всей вероятности, культура Каунчи все же—позже, чем предполагает Г. Григорьев.

³ Мы пользуемся термином Птолемея, называвшего обитателей Сыр-Дарьи яксартами.

О саках очень мало что сообщают древние авторы, тем более мало о них сообщений, которые мы могли бы отнести к тьянь-шаньским сакам. Еще до сложения ахеменидской монархии саки воевали с мидянами, а во время правлений ахеменидских царей—Кира I, Дария I и Ксеркса, войны персов с саками, сменяемые дружественными союзами, были неоднократны. Уже начиная с Кира I (558—530 гг.), саки вступают в сравнительно дружественные отношения с персами, участвуя в их походах против индийского царя Креза в 546 г. При Дарии I вождь саков по имени Сакуку был захвачен в плен, в дальнейшем саки принимают участие в походах персов против скифов (513 г. до н. э.), греков (490 г.). Характерно, что здесь саки выступают чаще всего в пехоте; очевидно, мы здесь имеем дело с саками приксартскими. Известно участие саков в персидских войнах в качестве конницы в битве при Платеях 491 г.

Период активного участия саков в военных действиях персов, относящихся ко времени конца VI и начала V в. мог явиться временем заимствования у персов зороастрийской религии, отражением чего и являются найденные на Иссык-Куле жертвенники.

Распад ахеменидской монархии под ударами Александра Македонского в 334 г. до н. э. не оттолкнул саков от политической жизни Средней Азии. Наоборот, древние историки сообщают не мало сведений об участии саков в многочисленных восстаниях и войнах против греков-завоевателей. С целью усмирения саков Александр Македонский предпринимает против них поход. Ему удалось переправиться через Сыр-Дарью, но саки откочевали вглубь страны и поход кончился для Александра неудачно. Ему удалось преследовать саков только в течение одного дня, а за это время он даже не мог достигнуть территории современной Киргизии.

При преемниках Александра грекобактрийцы стремятся расширить свои владения и на территории саков. При Эфтидеме (рубеж III—II вв. до н. э) власть Грекобактрии, по Тарну, якобы простирается даже до областей Восточного Туркестана и Монголии, до народа „серов и фаунов“,¹ но явных доказательств этого мы

¹ W. W. Tarn, *The Greeks in Bactria and India*, Cambridge, 1938, стр. 244 и сл. Ср. К. В. Тревер, *Памятники греко-бактрийского искусства*, Л., 1940.

не имеем. Характерно, однако, что с этого времени археология фиксирует проникновение в указанные области культурных явлений грекобактрийского происхождения. Таковы влияния в терракотах Восточного Туркестана, на шерстяных изделиях в гуннских курганах Монголии. На территории Киргизии имеются находки вещей с четко выраженным влиянием грекобактрийской культуры, например, брактеат с изображением сатира. Сакские племена принимают участие в движении кочевых племен против грекобактрийского государства, закончившемся падением Грекобактрии в 140 г. до н. э. Часть саков проникает в Северную Индию. Видимо, связь между кочевыми племенами в это время не исчезает. Характерно, что грекобактрийские шерстяные ткани найдены в Монголии в кургане начала н. э., в то время как сама Грекобактрия, как мы видели выше, пала во II в. до н. э. Эти обстоятельства указывают на то, что, скорее всего, вещи грекобактрийского типа попадали к кочевникам в период их войны с Грекобактрией и являются просто военной добычей. Такого происхождения, видимо, и киргизские находки.

Социальный строй поздних саков нам совершенно не известен. Для ранних саков, по отрывочным данным, мы можем установить племенные отношения с сильными пережитками материнского рода. Последнее предположение основывается на исключительной роли женщин, принимающих активное участие в политической жизни саков. Судя по тому, что со II в. до н. э. усунь обладали уже развитой системой патриархального строя на стадии военнодемократического союза, можно предположить, что у саков, предшествующих усуням, шло укрепление значения и роли патриархального рода.

К рубежу н. э. на территории Киргизстана упоминаются новые племена — скифские исседоны, в противоположность серским исседонам, жившим в Восточном Туркестане.¹ Исседоны, видимо, были одним из сакских племен, которые воспользовались ослаблением другой части союза, а так же уходом части племен саков на Запад, начинают выступать на политическую сцену. Исседоны, с нашей точки зрения, греческое

¹ Имеем в виду карту Птолемея (авт. II в. н. э.). См о ней А. Berthe'ot, *L'Asie Ancienne centrale et Sud-Orientale d'après Ptolomée*, Paris, 1930.

название племен, известных китайцам под именем усунь. По китайской версии, усунь пришли в Киргизию из Восточного Туркестана и вытеснили там ранее живших юедей и саков. Если бы было такое передвижение, то памятники материальной культуры Киргизии (VII—IV вв. до н. э. и III в. до н. э.—I в. н. э.) отразили это перемещение племен. Однако этого мы не наблюдали, и наоборот, между памятниками VII—IV вв. и III в. до н. э.—I в. н. э. наблюдается непрерывная линия развития. Видимо, о приходе новой этнической волны не приходится говорить, и лишь другие племена, но из сакского же союза, получили власть, а вместе с тем распространили свой этноним на все кочевые племена Киргизии. Событие это произошло во II в. до н. э., когда значительная часть сакских племен была на западе. Племена усуней-исседонов захватывают в свои руки власть и образуют новое мощное объединение кочевников, известное в истории под усуньским племенным союзом.

В процессе подъема политической роли исседонских племен, вероятно, произошло воссоединение их с восточно-туркестанской ветвью, количественно малочисленной, ибо они не отложили свой отпечаток на культуру Тянь-Шаня. Возможное движение восточно-туркестанских исседонов и могло послужить поводом для версии китайского источника о движении усуней-исседонов. Когда в конце I в. до н. э.—I—II в. н. э. в Тянь-Шань вторгаются племена Восточного Туркестана и монгольского происхождения (Кенкольский могильник), тогда не приходится сомневаться и в определении археологических памятников, ибо они содержат столь разительные отличия от местной культуры, сакской в основе, что вывод о новом культурном вторжении извне не нуждается в особой аргументации.

IV. УСУНЬСКИЙ ПЛЕМЕННОЙ СОЮЗ III ВЕКА ДО НАШЕЙ ЭРЫ—I ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ

С историей усуней исследователь Киргизии вступает на более твердую почву фактов, заключенных в письменных китайских источниках и в археологическом материале.¹

Возникший на рубеже III—II в. до н. э. Усуньский племенной союз приобрел значительную силу. Этому содействовало положение усуней в горных долинах Тянь-Шаня и его отрогах, их место на караванных путях из Китая на запад, проложенных не позже владычества грекобактрийцев и, наконец, их место среди варварских кочевых племен, являющихся своеобразным и очень опасным буфером между великими цивилизациями. История усуней весьма интересна и показательна. В течение трех веков они защищали свою политическую автономию, в связи с чем им приходилось вести борьбу как с Китаем, так и с непосредственными их соседями—гуннами. Заинтересованность Китая в установлении союза с усунями, которые им могли бы обеспечить в известной степени спокойствие караванного пути, послужила причиной к тесным взаимоотношениям Китая с усунями. К последним неоднократно приезжали китайские посольства и путешественники, китайские царевны выдавались за усуньских владык, почему китайские исторические сочинения содержат весьма подробные сведения об усунях.

¹ Перевод китайских известий об усунях на русском языке см. у И. Бичурина— „Собрание сведений о народах Средней Азии“, Спб., 1851, ч. III. Все неоговоренные цитаты из китайских источников взяты по И. Бичурину.

Характерна односторонность китайских сведений об усунях, ибо главное внимание китайцами уделялось политической истории усуней и вопросы социально-экономической жизни не получили в них освещение. Этот пробел восполняется данными археологии, которые дают основание судить о социально-экономической стороне жизни усуней с большей полнотой, чем это можно было бы сделать на основании только письменных источников!

Усуни занимали Северный Тянь-Шань, и их главная ставка Чигу находилась на берегу оз. Иссык-Куль. Совершенно несомненно, что склоны Заилийского Алатау (Алма-Атинская область) также находились во владении усуней. Во всяком случае, по речкам Малой и Большой Алма-Атинкам были раскопаны курганы, содержащие конструкцию погребения и инвентарь при покойнике идентичные погребениям усуней Чуйской долины и Иссык-Куля. Границей с юга был Восточный Туркестан, где обитали племена Гумо, с которыми усунни имели оживленные торговые отношения. На склонах Киргизского Алатау, по долине р. Талас проходила граница с племенным союзом Кангюй, а на юго-западе они примыкали к Давань (Ферганское государство). На севере установить границу трудно, но во всяком случае эта граница проходила севернее гор. Алма-Ата и, по всей вероятности, владения усуней доходили до бассейна р. Или (р. Чилик). За р. Чилик вскоре исчезают курганы усуньского типа, как это нам удалось выяснить в процессе наших исследований бассейна р. Или. Известным аргументом в пользу этой территории усуней является и китайская летопись, которая сообщает, что „земли ровные и травянистые... в горах много хвойного леса“.

Усуни были скотоводами-кочевниками. Об этом говорит трафарет китайской летописи, которая обычно характеризует кочевников следующими словами: „Усунь не занимаются ни земледелием, ни садоводством, а со скотом перекочевывают с места на место, там где трава и вода“.

Усунь—скотоводы и, главным образом, коневоды. „В их владении много лошадей, и „богатые содержат их от 4000—5000 голов“,— говорит китайская летопись „Хоуханьшу“. Кочевья усуней были распростра-

нены повсеместно, родовые кладбища ставились на зимовках, располагаемых обычно у горных ущелий, в защищенных местах. В этих случаях курганы весьма разнообразны по своему внешнему виду, отражая степень состоятельности покойного при жизни. Различные по величине курганы показывают имущественную дифференциацию усуней. Подтверждением этому служат указания китайских летописей о том, что „богатые содержат их (т. е. лошадей) от 4000—5000 голов“. Земли у усуней были в пользовании отдельных родов, но фактически ими распоряжались наиболее богатые, а потому и знатные члены рода. Так, например, один знатный усунь объявил: „чтобы никто не смел пасти свой скот на его пастбищах“. Из этого следует, что у усуней уже существовали определенные нормы землепользования.

Культура усуней была сравнительно примитивной. Раскопки усуньских курганов 1929 г.¹ показали, что усунь достаточно хорошо знакомы с гончарным искусством, обработкой металла, дерева, кожи и шерсти и т. п.

Сделанные усунями предметы не отличались совершенством выделки, и примитивность домашнего ремесла особенно подчеркивается при сравнении их продукции с китайскими вещами того же времени, в изобилии находимыми в усуньских погребениях. У усуней бытовала глиняная и деревянная посуда, в основном трех типов: закрытая, для хранения пищи—наибольших размеров, обычно с узким горлом; небольшие горшки для варки пищи и открытая посуда типа тарелок, причем последняя часто изготовлялась из дерева, преимущественно из арчи. Одежда часто украшалась золотом в виде вырезанных фигурных лепестков, а кроме того использовались привозные предметы роскоши алтайского и среднеазиатского происхождения. Вооружение состояло из лука со стрелами и обоюдоострого длинного меча. Стрелы имели трехгранные или трехреберные наконечники с черенком, свидетельствующие о большом тяжелом луке.

Ведущее значение скотоводства в хозяйстве усуней подчеркивается археологическим материалом, харак-

¹ М. Воеводский и М. Грязнов, „Усуньские могильники на территории Киргизской ССР“, ВДИ, 3/4, 1938.

терным для кочевников, а также свидетельствами китайцев. В песне китайской царевны, выданной замуж за усуньского владыку, говорится:

„Выдали меня родственники
В дальнюю сторону,
Отдали в чужое царство
За усуньского царя.
Живет в круглой хижине,
Обтянутой войлоками,
Питается мясом
Пьет молоко...„

Археологи М. Воеводский и М. Грязнов, на основании своих наблюдений, отвергают утверждение китайских летописей, что усунь не знают земледелия. По этому поводу они заявляют: „прежде всего этому противоречит нахождение большого количества тяжелой и хрупкой глиняной посуды, мало употреблявшейся у народов, ведущих чисто скотоводческое кочевое хозяйство. Кроме того, о наличии земледелия говорят остатки обугленных зерен и шелухи от них, прилипших ко дну одного из сосудов, и находка в одной из могил жернова“.¹ Все эти данные еще не говорят об усуньском земледелии. Зерна могли быть привозные, и жернов мог служить для растирания купленного или полученного в дань зерна. Торговли мукой мы в древности не знаем. Кроме того, жерновом могли растираться продукты собирательства. Наличие хрупкой керамики также ничего не говорит. Изучение кочевнической керамики из наших раскопок Беркаринского могильника на северных склонах Каратау показало, что кочевники избрали определенную форму сосудов, шаровидную, как лучше всего сопротивляющуюся на сжатие. Не отрицая возможности земледелия у усуней, мы не можем принять вышецитированные доводы М. Воеводского и М. Грязнова. Скорее можно о последнем полагать на том основании, что обеднение части усуньско-скотоводов вынуждало их к оседанию, где интенифицировались формы скотоводческого хозяйства и, наряду

с заготовкой фуража, постепенно выросло земледелие. Однако прямых археологических свидетельств по этому вопросу археологи не имеют и, видимо, не случайно. Развивающаяся впоследствии согдийская колонизация принесла сюда культуру земледелия, „освободив“ кочевников от необходимости заниматься им. Быть может, рабы, бывшие у усуней, а также китайцы, жившие у них, в значительном количестве принесли сюда впервые, до согдийцев, земледелие. Если бы у усуней было в каких-то размерах земледелие, как составная часть их хозяйства, то это отложило бы отпечаток на их культуру и стало бы известно китайцам. Чжан Цянь—китайский посол (II в. до н. э), который два раза был у усуней, подолгу жил среди них и составил подробное описание усуней, вряд ли не заметил бы этого явления. Повторяем, что условия для земледелия были. Это—оседлость беднейшей части усуней, наличие зимовок и ставок, постоянных поселений владья усуней. Эти ставки называются китайцами „чэн“, что свидетельствует об укрепленном валом поселении. Такого типа поселения уже говорят об известной оседлости не только обедневшего населения, но и знатных родовитых усуней.

Усуньское общество знало имущественную дифференциацию, об этом достаточно ясно говорит дифференциация в инвентаре в могилах, отмеченная М. Воеводским и М. Грязновым по курганникам Иссык-Куля и Чуйской долины. Эти же факты наблюдались нами при исследовании илийских курганов. Кроме того, они указывают, что курганники разделяются на богатые, расположенные „исключительно на широких долинах рек или террасах Иссык-Куля и у подножья предгорий, т. е. в местах зимовок“¹ и курганники, так называемые чильпекского типа, которые „расположены как на местах зимовок, так и высоко в горах, на горных пастбищах. В последнем случае они представлены обычно группами из нескольких небольших курганов. Могильники, исследованные у поселка Чильпек, отличаются и другими особенностями. Они занимают обширную площадь и заключают в себе очень боль-

¹ Ук. соч., стр. 177.

шое количество, до многих десятков, а быть может, сотен—курганов, расположенных без какого-либо порядка и представляющих собой небольшие насыпи с одиночными погребениями“.²

По мнению М. Воеводского и М. Грязнова эти курганы принадлежат „беднейшей части основных слоев свободных членов усуньского общества, или быть может, рабам“.³

Последнее положение о принадлежности чильпекских курганов рабам отпадает, ибо нам приходилось копать такие курганы в других местах (Кара-Чоко, Каргалы—в Казахстане), и тщательность захоронения, перекрытие могильной ямы большими каменными плитами, требующими для своего передвижения усилия многих лиц, вряд ли могло быть сделано при захоронении рабов.⁴ Далее, как отмечают и сами исследователи, в могилах были всегда находимы крестец барана, т. е. самая жирная и вкусная часть животного, что также трудно допустить при захоронении раба, для которого специально убивали бы барана. В-третьих, слишком обильны захоронения такого типа в Семиречьи—это весьма распространенный тип захоронения. Раскопки в Илийской долине такого типа курганов позволяют нам утверждать, что, возможно, часть курганов этого типа должна быть хронологически отнесена к более позднему времени. Основания для подобного суждения у нас следующие.

При раскопках курганов могильника Джуван-тепе Алма-Атинской области, в 20 км к востоку от р. Чилик, мы столкнулись с планом курганника подобно чильпекским курганникам. Под небольшими каменными насыпями, на очень небольшой глубине, до 50 см, были одиночные захоронения, ориентированные с запада на восток, с очень бедным инвентарем. Керамика—почти единственная находка в курганах—в основной своей массе была аналогична керамике усуньского времени, часто погребения имели накат из бревен, но среди это-

² Ук. соч., стр. 177.

³ Ук. соч., стр. 178.

⁴ Когда печаталась настоящая работа нам удалось ознакомиться с рецензией А. Тереножкина на указанную работу, в которой А. Тереножкин также оспаривает трактовку Воеводским и Грязновым чильпекской группы курганов. (См. „Известия УзФАН“ № 2, 1941).

го инвентаря встречалась керамика с лощением и красным лаком, известная нам на этой территории для более позднего времени. В некоторых случаях была керамика, сделанная на гончарном кругу, явно происходящая из городов не раньше VI в. н. э. Все эти обстоятельства заставили отнести джуван-тепинскую группу курганов к эпохе тюрок VI—VIII вв. н. э. К этому склоняет и план могильника, где курганы расположены бессистемно. Здесь мы наблюдаем распадение первоначальной цепочки курганов, бытующей в Семиречье вплоть до сарматского типа курганников. Лишь богатые курганы здесь расположены в цепочки, а бедные в беспорядке, хотя и можно выделить отдельные, более или менее компактные группы курганов. Аналогичные им по времени курганы в таких же могильниках (бессистемного расположения) раскопаны нами по дороге в Кегень в ур. Узун-Булак, где на поверхности находились каменные круглые и прямоугольные выкладки. Рядом с головой покойного находились крестец барана, посуда. Пряжки из железа и бронзы, обнаруженные у захороненных в области таза, были также тюркского типа (овальная рамка и подвижной язычок). Ко времени усуней относим мы ряд курганов, раскопанных в ур. Кара-Чюк, на правом берегу р. Или, около ущелья Каргалы, в 55 км. к западу от Алма-Ата. В этих курганах, как мы выше указали, ритуал погребения совершенно идентичен чальпекским курганам, но сложность конструкции захоронения, огромный труд, который был заложен в изготовление кургана — большая глубина могильной ямы, большие валуны, которыми была заброшена могильная яма, каменные плиты более 1,5 м. длиной, ее перекрывающие, и т. д. — не позволяют связать эти погребения с погребениями рабов. Кроме того, все эти в общем небольшие курганы расположены в цепочки.

Сходство в инвентаре курганов времени усуней и тюрок объясняется общей традиционностью техники кочевников, у которых в это время произошли весьма незначительные изменения в технических навыках, а аналогичные явления в области социального строя и идеологии также послужили причиной схожести самого погребального ритуала.

Наличие цепочек с грандиозными по размеру кур-

ганами, относящимися к усуням, и их расположение позволяет выделить районы, видимо, принадлежащие отдельным племенам усуней. Так, мы можем говорить о кочкорской группе курганов, южно-иссык-кульской, северно-иссык-кульской, чонкеминской, чуйской и илийской группах курганов. Наибольших размеров курганы достигают в трех районах: в Чуйской долине (Беловодское—Карабалты), на Тянь-Шане (Каракол, Тюп, Кочкор) и в долине р. Или (алма-атинские, иссыкские и тургенские). Быть может, эти группы являются памятниками трех орд усуней, о делении на которые нам сообщают китайские источники.¹

Если это так (а проверить это можно будет только в результате дальнейших исследований курганов), то мы по могильникам знати имеем указания на местоположение трех основных групп усуней: илийских, тяньшаньских и чуйских.

Политическую историю усуней, запечатленную китайскими источниками, можно начинать точнее всего с III в. до н. э. Летописи „Шицзы“ и „Цяньханьшу“ имеют свидетельства о том, что между 209 и 201 гг. до н. э. гунны разгромили усуней, а вслед за тем был еще, вероятно, поход прогив усуней, так как в письме Модэ шаньюя к китайскому двору от 176 г. усуня упоминаются как зависимые от гуннов, покоренные после войны с юечжами. Последние были покорены в самом начале царствования Модэ, в 209—208 гг. до н. э.

В истории усуней, записанной в истории младшей династии Хань, указано, что усуня были „под зависимостью гуннов“. Процесс возникновения усуней, как мы выше показали, был тесно связан с сакской средой, да и сами китайцы сообщают, что „первоначально эта страна принадлежала народу сакам“. Достоверные сведения об усунях к китайцам попадают со времени пребывания у них Чжан-Цяня, т. е. с конца II в. до н. э. В это время Чжан-Цянь застаёт у них верховного владыку—„гуньмо“—по имени Легоями, при котором в 168 г. до н. э. происходит разделение орды усуней на три

¹ Усунская культура в Ташкентском округе, т. н. Бугурлюкская, является, видимо, окраинной культуры усуней, а потому и архаичнее по виду, но вряд ли древнее, даже, наоборот, скорее I в. до н. э. См. А. Тереножкин в „Известиях УзФАН“, № 8, но об этом—в другом месте.

части. Одной предводительствует гуньмо, другими двумя—его сыновья Далу и Сэньцзу, подчиненные гуньмо. Таким образом, власть сосредотачивалась в руках одного рода, хотя в выборах вождей учитывались их качества как военных вождей. Так, например, про сына гуньмо Далу говорили, что он „по телесной силе мог быть предводителем“. Миссия Чжан-Цяня была направлена на то, чтобы усунь вступили в союз с Китаем, обеспечив этим самым неприкосновенность движения караванов. Усунь не сразу склонились на сторону Китая, ибо более близким их соседом были гунны, не желавшие этого союза. Заключение союза, однако, состоялось и союз был скреплен браком усуньского гуньмо на китайской царевне. С этих пор китайские царевны неоднократно были в ставках усуней и имели значительное влияние на судьбы усуньских племен. Значительна их роль и в проникновении китайской культуры к усуням, которая попадала не только в результате торговли или через дани и подарки, но от многочисленных свит царевен, в среде которых были искусные ремесленники. Этими обстоятельствами объясняются находки в усуньских погребениях многочисленных предметов китайского происхождения — лака, шелка и. т. д.

В 73 г. до н. э. усунь испытали сильный удар со стороны гуннов, занявших у них области Чэяньвушэ(?) и забравшие много пленных и добычи. В союзе с Китаем в 71 г. усунь берут реванш. Взаимная борьба усуней с Китаем против гуннов усиливает блок усуней с Китаем, достигший в это время при усуньском правителе Унгуями наибольшей силы. Эти налаженные отношения усуней с Китаем ослабевают при преемнике Куан-Ване (64 г. до н. э), когда Китай, воспользовавшись внутренними волнениями в усуньской орде, попытался организовать через своих царевен и силами их свиг покушение на Куан-Вана. Организацией покушения на Куан Вана Китай пытался устранить оппозиционные элементы. Вместе с тем в усуньской орде противоречия не стихают, а, наоборот, усиливаются. Имущественная дифференциация родов и отдельных семейств ведет к тому, что к власти стремятся представители разных родов.

Борьба за „престол“ вызывает нарастание между-

усобиц. В них активно участвует Китай, который в 50-х гг. руками своего полководца Чжан-ло-хэу Хой делит усуней на две части. Причинами междоусобной борьбы были, в частности, борьба за экономические превосходства одного рода над другим, борьба со старыми традициями в экономике. Знать пыталась закрепить за собой пастбища. Так, гуньмо Цылими производит раздел пастбищ и этим вызывает очередную полосу восстаний усуньских племен. Распадение союза фактически завершается в первых годах I в. н. э. Распад сказанся, прежде всего, в уменьшении их военной и политической силы. Китай не получает сведений об усунях ввиду того, что с 8 г. н. э. Китай был отрезан от усуней благодаря завоеванию Восточного Туркестана гуннами. Усуни отходят на второй план и не представляют собой опасности для Китая. Возможно, что политическая власть здесь переходит временно к северным гуннам и к племенам кангюй.¹

О том, что усуня здесь не исчезли, говорят сообщения более поздней китайской летописи „Вэйшу“, по которой усуня еще в 436 г. отправляют дары в Китай. К этому времени усуня занимают, главным образом, горный Тянь-Шань и, по всей вероятности, их стоянки не спускаются ниже Иссык-Куля. Усуни в это время расселены, главным образом, по Иссык-Кулю, Кочкору, Джумгалу и Нарыну, возможно и по Чон-Кемину. Чуйская долина начинает заселяться согдийцами, Илийская занята племенным союзом юебань.

Ослаблению усуней, помимо вышеперечисленных причин, послужили также неоднократные их поражения со стороны восточных соседей, причем одной из главных и последних причин, повлиявших на исчезновение племенного названия усунь, был натиск со стороны племен вначале сяньби и тоба, а затем жужан.

Племенное название „усунь“, как известно, не исчезает. Оно отложилось в современных племенных названиях и известно, например, среди казахских этнонимов. Так, в Большой орде есть отделение „Сары уйшунь“.

¹ Характерно в этом отношении отсутствие в китайских историях специальных повествований об усунях, и, напротив, китайцы отмечают на Тянь-Шане в это время гуннов.

По мнению Н. Аристова, усунь являются частью кыргызов, их древнейшей западной ветвью. Доля правды в этой гипотезе есть. Несомненно, усуней следует учитывать при анализе этногенеза кыргызов. Но процесс участия усуней в этногенезе кыргызов несравненно сложнее, чем это представлял себе Н. Аристов. Он был опосредствован целым рядом племенных образований и исторических событий, среди которых роль северных гуннов особо значительна.

Благодаря нашим археологическим исследованиям 1938 и 1939 гг. эта часть истории Северной Киргизии, да и самих кыргызов, получила свое некоторое освещение. К этому вопросу мы теперь и перейдем.

V. СЕВЕРНЫЕ ГУННЫ НА ТЯНЬ-ШАНЕ I ВЕКА ДО НАШЕЙ ЭРЫ—II ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ

В своей статье „Из истории гуннов I в. до н. э. Хуханье и Чжи Чжи шаньюи“¹ мы подробно останавливались на причинах раскола гуннов на северных и южных и проникновении северных гуннов на территорию Средней Азии.

Во время археологических экспедиций в верховьях Таласа в 1938—1939 гг. удалось раскопать группу курганов, принадлежащих северным гуннам. Наиболее удачные раскопки 1939 г. уже нашли свое отражение в печати и останавливаться вновь на результатах работ здесь нет никакой необходимости.² Остановимся кратко на характеристике этой культуры в целом.

Курганы, раскопанные экспедицией, представляли собой земляную насыпь, иногда с небольшой каменной выкладкой внутри нее, над сложной конструкцией погребального помещения. Покойники клались в вырубленные в лёссе овальные в плане комнаты (катакомбы) размером 2,5×1,5×1,5 м. К помещению вела узкая галерея (дромос), постепенно спускающаяся, которая подводила к круглому входу в катакомбу размером 0,50×0,50 м. Такие катакомбы носят в Средней Азии название „ляхат“, а дромос—„айвон“. В катакомбах, как правило, находилось погребение мужчины и женщины. В одном случае были и дети 6 и 20 месяцев.

Рядом с захороненными находились: около мужчины, обычно, лук, стрелы, около женщины—посуда и другие

¹ „Советское востоковедение“, № 1, Л., 1940.

² А. Н. Бернштам, Кенкольский могильник, Государственный Эрмитаж, Л., 1940.

предметы домашнего обихода, сделанные из глины и дерева. В двух случаях были найдены позвонки крестца барана, скелеты собак. В расовом отношении погребенные отличались от местного населения. В то время как местное население — усунь, принадлежали к памир-ферганской расе, пришельцы имели монголоидные расовые черты с искусственно деформированными черепами. Деформация черепа была вызвана стремлением отличать свое этническое происхождение, а, быть может, и социальное превосходство. Дело в том, что местное население было в положении рабов у племен, вторгнувшихся на Северный Тянь-Шань, и которым принадлежит могильник.

Рабы приносились в жертву во время захоронения и находились либо в насыпи кургана, либо у входа в могилу. Исследование инвентаря погребенных, в частности китайского шелка, показало, что культура погребенных ведет свое происхождение из Монголии и Восточного Туркестана. Это — комплекс культурных явлений, целиком и полностью связанный с кочевым бытом и скотоводческим хозяйством. Изучение вскрытых погребений, ритуала погребения, свидетельствует уже о развитых формах патриархальной семьи и абсолютном превосходстве в семье мужчины над женщиной. Когда умирал мужчина, то женщина убивалась и клалась вместе с ним. Когда нельзя было оставить еще грудных детей без присмотра матери, то и они убивались и клались в могилу. Насильно умерщвляемых, вероятно, душили, что показывает одно из погребений, где рядом со стариком оказалось погребение женщины, лицо которой было закрыто шелковым платком.

Все наблюдения, сделанные над вскрытым материалом, показывают военнореспубликанский строй племен, оставивших эти погребения. В наших вышеуказанных работах приведена соответствующая развернутая аргументация.

Кенкольский могильник имеет чрезвычайно большое значение для истории Северной Киргизии и истории кыргызов. Через эту культуру удастся прощупать далекие связи Северного Тяньшанья и выяснить, хотя бы по косвенным данным, вопрос о первом заселении кыргызами Тянь-Шаня.

Чрезвычайно важным вопросом в истории кыргызов

является вопрос о том, когда они проникли на Тянь-Шань. По этому вопросу в литературе о кыргызах более всего колебаний в датировке переселения кыргыз на Тянь-Шань. В. Бартольд отрицал появление кыргыз на Тянь-Шане ранее XVI века. Он писал: „Только в XVI веке впервые упоминаются киргизы в той местности, где они живут теперь, причем, как мы увидим, нет никаких сведений о том, как и когда они туда пришли“.¹ Другие исследователи колебались в этом вопросе, считая, что кыргызы могли появиться на Тянь-Шане в период X века (В. Радлов)² или монгольского завоевания.³ Наиболее оригинальную точку зрения высказал русский ученый Н. Аристов, утверждавший, что появление кыргыз на Тянь-Шане следует относить к весьма древнему периоду. Теория Н. Аристова заключается в следующем: „...каракиргизы суть отделившаяся ранее III века ветвь кыргызского племени, кочевавшая в III столетии до р. х. между Танну-Ола и Восточным Тяньшанем и образовавшая на западной границе хуннов союз усуньской. Отсюда покоренные хуннами усунь, около половины II века до р. х., были двинуты в Западный Тянь-шань. Здесь усуньский союз после р. х. распался и составлявшие его роды и второстепенные союзы были последовательно подчиняемы турками — туюку, карлыками, кара киданями, монголами и, наконец, русскими“.⁴ Эту же мысль он высказывает и в другом месте, где он пишет: „каракиргизы занимали горные местности Западного Тяньшаня с половины II века до р. х. по настоящее время, принадлежавшие же им в усуньскую эпоху долина р. Или и земли до Таласа постепенно перешли от них дулатам и их родичам“.⁵

Наконец, в общем обзоре истории тюркских племен Н. Аристов прямо заявляет, что „нушиби были усунь“ и что „истинное их народное имя было всегда кыргыз“.⁶

¹ В. Бартольд, Киргизы, стр. 33.

² W. Radloff, Observations sur les Kirghis, *Jurnal Asiatique*, 1863, октябрь, стр. 317.

³ Howorth, The Kirais and Prester John, *JRAS*, 1889, т. ХСІ.

⁴ Н. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, СПб, 1897, стр. 121 § 22 (отд. отт. из журн. „Живая старина“ за 1896 г.).

⁵ Ук. соч., стр. 462. Ср. „Живая старина“ вып. 3—4. 1894.

⁶ Н. Аристов, Заметки..., стр 24.

Работу Н. Аристова весьма приветливо встретил В. Бартольд, характеризуя ее как „несомненно одно из самых отрядных явлений в нашей литературе по востоковедению“.⁴ В отношении вышепротитированной гипотезы Н. Аристова В. Бартольд писал достаточно ясно „теории автора об усунях-киргизах едва ли могут быть приняты“, и далее—„Итак вопрос о том, когда каракиргизы поселились на своей теперешней родине, должен, по нашему мнению, остаться открытым“.⁵

В. Бартольд считал, что ряд неприемлемых гипотез Н. Аристова явился следствием того, что последним не могли быть учтены некоторые источники, например, Гардизи, опубликованные позднее тем же В. Бартольдом. Однако отвергать гипотезу Н. Аристова, вернее—его мысль о раннем заселении Тянь-Шаня, нет никаких оснований. Ниже мы попытаемся обратиться к фактам, которые позволяют пересмотреть вопрос о появлении кыргызов на Тянь-Шане и нащупать далекие в древности связи енисейских племен кыргызов с Тянь-Шанем.

В 49 г. до н. э. известный гуннский шаньюй Чжи-Чжи выступил из Восточного Туркестана (точно место неизвестно) против усуней. Поводом к выступлению являлось то обстоятельство, что малый гунями Уцзюту—предводитель усуней, не согласился принять предложение Чжи-Чжи о военном союзе. Напротив, зная, что Китай поддерживает сейчас южного шаньюя Хуханье, в угоду Китаю Уцзюту убил посланника Чжи-Чжи, голову посланника отправил китайскому наместнику, а навстречу против Чжи-Чжи выставил 8000 человек конницы. Чжи-Чжи разбил войска усуньцев и после их разгрома повернул на север, где разбил племена уцзе. Племена уцзе покорились Чжи-Чжи и приняли участие в его последующем походе против племен цзянькунь, т. е. кыргызов. Источник, далее, сообщает, что после цзянькунь Чжи-Чжи покорила и племена динлин. Только после этой удачной войны, в результате которой он властвовал над уцзе, цзянькунь и динлинами, он начал отправлять войско против усунь. „Среди цзянькунь он утвердил свое местопребывание“, а последние, по координатам китайских источников, отстояли от ставки шаньюев (под-

⁴ ЗВО, т XI, в 1—4, стр. 341.

⁵ В. Бартольд, ук. соч., стр. 344.

разумеваётся Хангай) на расстоянии 7000 ли на запад и племен чешы на 5000 ли на север.¹

По этим двум координатам местообитание цзянькунь определить весьма трудно. Во-первых, эти сведения далеко не точные, во-вторых, неизвестно, о каких чешы, северных или южных, здесь идет речь. Если южные чешы, как свидетельствует Цяньханьшу, были в Восточном Туркестане в 835 ли (около 400 км.) от Карашара и в 8150 км. от Чанаань, то каким образом южные чешы были в северной части Восточного Туркестана. Так как все расстояния имеют чисто условное значение, то можно принять южную часть района Карашара за отправную точку для измерения расстояния до цзянькунь. На север 5000 ли от Карашара приведут, с координатой из Монголии на запад, не на Енисей, где обычно помещали кыргызы, а на много западней.

В самом деле—Чжи-Чжи пошел против усуней. Но усунь жили в Северной Киргизии и, возможно, распространяли свою власть и к северу, в сторону Или; от них он повернул на север, где разбил уцзе. Но тогда уцзе попадают в район Илийской долины, на Заилийское и частично на Джунгарское Алатау. При помощи войск уцзе Чжи-Чжи на западе разбивает цзянькунь.² Как бы ни были неправильны направления стран света в китайских источниках, но цзянькунь не могут, по этим данным, попасть на Енисей, и локализовать их следует на севере от Джунгарских гор, к западу от Западного Алтая, где-то в районе Прибалхашья, скорее всего—северного. Дальнейшее описание его походов на динлин не дает данных для уточнения локализации цзянькунь, ибо динлинами назывались вообще все северные племена, но, таким образом, племена древних кыргызы для данного времени попадают в районы, тяготеющие к Тянь-Шаню и его отрогам, а не к хребтам Саяно-Алтайского горного узла, или к горам Танну-Ола и Хангая. Среди западных цзянькуней обосновался Чжи-Чжи шанью и отсюда он совершил свои походы на усуней, т. е. на юг. Здесь его войска врезались клином по р. Талас в целях обеспечения спокойствия на восточных

¹ ЦХШ, 846, л. 5а.

² ЦХШ, гл. 946, л. 56.

окраинах кангюйского союза. Племена кангюй его призывали с целью создать себе буфер между своими владениями и владениями усуней. Но здесь опять любопытный факт. Когда кангюй отправили к нему во владения цзянькунь посольство и попросили его помощи, то Чжи-Чжи, ответив согласием, последовал со своим войском на запад к кангюй.¹ Таким образом, Чжи-Чжи напал на усуней, выйдя от цзянькунь с востока. Принимая во внимание неточность всех ориентаций китайских летописцев, исключаяющих все северо-восточные ориентации, надо следующим образом понимать вышеперечисленные три похода Чжи-Чжи против уцзе, цзянькунь и динлинов. Чжи-Чжи пошел от усуней на северо-восток, где разбил уцзе (т. е. в район Западного Алтая), отсюда на северо-запад, где покорил цзянькунь (левый берег Иртыша). Отсюда движение Чжи-Чжи на усуней по призыву кангюй будет иметь действительно западное направление.

Чжи-Чжи из страны цзянькунь отправился прямо на усуней и, следовательно, племена цзянькунь участвовали в его войсках в этом военном походе, происходившем зимой 47—46 гг. Приглашение от кангюй он получил в 47 г. и пострадал сильно в походе от морозов. В каком районе был Чжи-Чжи, на это указывает сообщение Цяньханьшу о том, что Чжи-Чжи должен был вклиниться по границе между кангюй и усунями. Эта граница проходила по р. Талас. В верховьях Таласа были открыты Гейкелем, а затем нами, могильники северных гуннов, о которых (могильниках) мы выше сообщали. Некоторое сходство с культурой катакомбного могильника кенкольского типа содержат могильники, обнаруженные на Енисее в местах коренного местопребывания племен цзянькунь; имеем в виду таштыкскую культуру на Енисее (Оглахтинский могильник).² Одна такая могила, приближающаяся к катакомбе, вернее грунтовая могила с подбоем, открыта М. Грязновым в 1939 г. в Центральном Алтае, в Усть-Канском аймаке у Яконура.³ Эти немного-

¹ ЦХШ, гл. 94, л. 7а.

² Г. Сосновский, О находках Оглахтинского могильника, „Проблемы истории материальной культуры“, № 7—8, 1933.

³ М. Грязнов, Раскопки на Алтае, „Сообщения Государственного Эрмигджа“, 1940.

численные археологические данные тем не менее достаточно ярко показывают цепь культурных связей между Енисеем и Тянь-Шанем. Здесь речь может идти о Северном Тянь-Шане, совершенно точно—о Киргизском Алатау, так как Чжи-Чжи шаньюй, который имел свои кочевки на восточной окраине земель кангюй, обосновался на р. Далуй (Талас).¹ Здесь он был разбит китайскими войсками под предводительством Ганьяньшоу и Чэн-Тана в 36 г. до н. э. Таким образом, 47 г. до н. э. является первой бесспорной датой проникновения какой-то части племен цзянькунь вместе с северными гуннами на территорию Тянь-Шаня.

Эта передвижка племен цзянькунь послужила основанием для другого сообщения китайской летописи уже начала (первой трети) III в. н. э.—источника Вэйлио. Этот источник лег в основу сведений Мадуаньлина о племенах цзянькунь и динлинах. Согласно этим сведениям, цзянькунь являются соседями племен кангюй. Разбирая источник Вэйлио, Ф. Хирт приходил к мнению, что древние кыргызы доходили до Сыр-Дарьи.² Не исключал этой возможности и Э. Шаванн, первый переводчик и комментатор источника Вэйлио. Э. Шаванн, локализуя цзянькунь между хребтами Саянским и Танну-Ола, не исключал возможности, что цзянькунь в это время „разветлились“ (ramifications) и одна часть их была в районе Хами и Карашара на юге, а другая в сторону Аральского моря. К последнему предположению о разветвлении цзянькуней его приводят сообщения Вэйлио и Таншу.³ Источник Вэйлио и его сообщения достаточно самостоятельны, но его сведения в основном совпадают с вышеприведенными показаниями Цяньханьшу. Из этого мы делаем вывод, что согласно утверждению двух источников о западном распространении цзянькунь заслуживает всяческого внимания. Но более ранний источник—Цяньханьшу, дает более подробные сведения, по которым мы можем утверждать, что цзянькунь совершенно

¹ Первое отождествление Талас—Далуй, см. у De Grott'a.

² Nachworte zur Inschrift des Tonjuquq, ATIM, Zweite Folge, стр. 41. Ср. его же. Hunnenforschungen, Revue Orientale, T. II, 1901, стр. 83.

³ Ed. Chavannes, Les pays d Occident d apres le Wei Lio, Toung Pao, Ser., II, n. VI, стр. 551—560

ясно были в районе Киргизского Алатау. Другой вопрос, были ли они здесь в III в. н. э. Так как мы исходим из того, что Вэйлио источник самостоятельный, но в своем описании соединяет факты, относящиеся к более ранним эпохам и ему современной, то трудно определенно утверждать, что сведения о западном распространении цзянькуней можно относить не только к I в. до н. э., но и к III в. н. э. Как мы показали выше, Э. Шаванн признавал эту возможность. В таком случае, если не на территории современного Киргизстана, то в непосредственной близости от него находились цзянькунь и в III в. н. э. Впрочем, решить эту проблему сможет опять же лишь археологический материал. Сообщение Мадуаньлина о цзянькунь, несмотря на свою краткость, содержит любопытную деталь. Оно гласит: „Цзянькунь известны со времени династии Вэй. Местопребывание их от Канцзюй на запад. Победоносного войска 20 000 человек. Следуя там, где вода и трава пасут домашний скот, много соболей, имеют хороших лошадей“.¹ То, что цзянькунь известны с династии Вэй (386—581)—это неверно, они известны еще со старших Хань, точнее—со времени между 209—201 гг. до н. э. Находятся они от кангюй не на запад, а, видимо, на север, впрочем—этих вопросов мы уже касались выше. Но важным здесь указанием является, во-первых, свидетельство, что это—скотоводы (видимо, коневоды) и западная ветвь их была сравнительно небольшой—всего 20 000 человек, когда усунь имели 630 000, во-вторых, важно указание, что в их стране много соболей. Если теперь соболь является редким животным в Северной Азии, то раньше он был чрезвычайно распространен, и не исключена возможность его пребывания в лесистых районах Тянь-Шаня, где скорее всего и мог быть соболь, так как его распространение в пустынных районах исключено. Этот зверь водится в лесистых районах и по берегам рек. Такими местами для западных цзянькунь, в стране которых водился соболь, могли быть лишь горные и листовенные районы Северного Тянь-Шаня и его отрогов, которые ближе всего были к восточным кангюй, в соседстве с которыми и кочевала западная ветвь цзянькунь.

¹ ВСТК, 339 л. 5а.

Таким образом, начинает вырисовываться определенная связь племен цзянькунь, во всяком случае, их западной ветви, с восточной окраиной Северной Азии. Факты, которые мы ниже будем разбирать, и которые относятся уже к эпохе владычества тюрков, т. е. к VI—IX вв., показывают, однако, непрерывную связь древних цзянькунь или позднейших хакас с Притяньшаньем.

Наш краткий исторический экскурс показывает, что есть все основания полагать наличие связи Северной Притяньшанья с кыргызами еще в I в. до н. э. Значение этого факта весьма велико, потому что он помогает понять процесс этнического формирования кыргызов, включивших в свой этногенез ряд самых разнообразных племен. Исследование Кенкольского могильника вместе с тем показало, что к этому времени относится формирование всех типических черт кочевой культуры тюркского типа, характерной для кыргызов. Таковы покрой и одежды, чарыки, кочевническая колыбель, деревянная посуда и многое другое. К этому времени относится и начало расогенеза, формирование монголоидных черт кыргызского населения. Всего вероятней предполагать, что в области языка мы имеем этап формирования тюркской речи.

Как следует из вышеприведенного, этногенез кыргызов, в частности их тянь-шаньской ветви, проходил в условиях скрещения разнообразных этнических компонентов и отнюдь не был закончен в это время, а продолжался и много позднее. В последующих главах к этим вопросам мы еще возвратимся.

Останется открытым вопрос о том, под чьим политическим господством оставалась Северная Киргизия в первые века н. э. и, к сожалению, ни археологический материал, ни письменные источники, на этот вопрос вразумительного ответа не дают.

По всей вероятности, господствующая роль здесь принадлежала гуннам и их потомкам, о чем имеются отдельные указания китайских летописей, сообщающих, что из Пулей (Баркуль, Восточный Туркестан) до Каспийского моря все народы находятся под властью гуннов. В V в. известно господство здесь племенного союза юебань, центр которого, однако, находился северней Тянь-Шаня, скорее всего в районах Джунгарского и Зайлийского Алатау. В это время, II—

V вв. н. э., племенные союзы Семиречья, в том числе Тянь-Шаня, не играют особой политической роли в Средней Азии и их значение ограничивается тем, что они представляют собой заслон, защищающий Среднюю Азию от набегов номадов с Востока.

В самом Семиречье происходит аккумуляция новых сил. Процессы распада первобытнообщинного строя ведут к формированию нового объединения, но уже на государственной классовой основе. К VI в. возникает Западно-тюркский каганат, его возникновение протекает в тесной связи с согдийской колонизацией Семиречья, в синтезе кочевой и оседлой части населения.

VI. СОГДИЙСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ V - VII ВЕКОВ И ЗАПАДНО-ТЮРКСКИЙ КАГНАТ VI—VIII ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ

Вопрос о согдийской колонизации Семиречья, в том числе Северного Притяньшанья, имеет огромное значение для истории Северной Киргизии. Предположение о том, что Семиречье заселялось согдийцами уже в I в. н. э., видимо, сейчас отпадает. К этому нас склоняют и наблюдения над археологическим материалом и анализ письменных источников. Критику предположения о раннем проникновении согдийцев в Семиречье мы дали в специальной работе.¹ Наиболее вероятной датой заселения согдийцами Семиречья, в частности Чуйской долины, остается V век. К этому времени относится исключительно интересное городище в 32 км к востоку от гор. Фрунзе, у с. Красная речка. Краснореченское городище, в древности гор. Сарыг (см. ниже, гл. VIII), представляет собой сложный исторический комплекс. Это поселение первоначально было крупной согдийской колонией, состоящей из нескольких десятков отдельных укрепленных домов, представлявших собой сильно укрепленные усадьбы отдельных семейств. Дома эти были двух (или трех) этажные, сложенные из набивного дувала, крепко сбитого и сделанного из чистой лёссовой глины. Размеры таких глиняных блоков достигали $1,0 \times 1,0 \times 1,20$ м. В кладке участвовал также сырцовый кирпич размерами $0,22 \times 0,22 \times 0,06$ м.; $0,25 \times 0,25 \times 0,08$ м.; $0,26 \times 0,10 \times 0,08$; $0,28 \times 0,13 \times 0,10$ м. для возведения

¹ А. Бернштам, Согдийская колонизация Семиречья, „Краткие сообщения ИИМК“, № 6, стр. 34 и сл.

перекрытий и выравнивания линий фундамента. Стены были более мощные внизу и утончались кверху, что создавало впечатление несколько убегающей внутрь стены. Помещение делилось на ряд продолговатых комнат размером 6—8×2 м. Они были перекрыты полуциркульным сводом, выложенным из сырцовых кирпичей, положенных на ребро по поперечному сечению свода. Раскопанный дом в Красной речке имел 6 комнат и хозяйственные пристройки. Стены были глухие, и только нижние стены имели продолговатые прорезы размером до 0,50 м., функции которых несколько непонятны—были ли это бойницы или вентиляционные окна.

К дому примыкал небольшой, также обнесенный стеной, двор, часть которого была занята семейным кладбищем. В одном таком доме, целиком раскопанном нашей экспедицией, были открыты погребения в оссуариях семиреченского типа.

В силу особых причин гибели поселения, вызванной, видимо, переселением жителей в другие места, материала в самих домах почти нет. Это, в частности, показывает, что исчезновение жизни в них было не в результате катастрофы и ушедшие жители могли взять с собой все домашнее имущество. Однако при раскопках на городище встречаются вещи, явно относящиеся к этому периоду (V в. н. э.). Такова находка плоской вертикальной ручки большого сосуда с согдийской надписью вязью— „да будет полным“¹; ручка такого же типа с наклепным медальончиком, имеющим изображение человека в кушанской трактовке; венчик сосуда с письмом согдийского шрифта. Сосуды—прекрасной выделки, вытянутой формы, имеющие аналогии в керамике как Восточного Туркестана, так и Согдианы, несущие на себе характерные черты и технические приемы согдийцев. Среди отдельных находок должен быть отмечен и золотой брактеат, где в типично сасанидском кругу из горошин имеется изображение лица какой-то знатной особы в пышной тиаре с бантом на левом плече. Несколько монголоидный тип изображения придает исключительный интерес находке.

Перечисленный выше материал из раскопок в сочетании с типом жилищ и их расселением с несомнен-

¹ Перевод надписи см. А. Фрейман, ВДИ, 1939, № 3.

ностью свидетельствует о принадлежности древнейших слоев краснореченских развалин к эпохе проникновения в Чуйскую долину согдийцев. Достаточно ярко показывают находки и дату этого культурного комплекса—V—VII вв. н. э.

Тип расселения в отдельных укрепленных домах не имеет себе аналогий в более поздних поселениях, относящихся к периоду после арабского завоевания. Такая особенность расселения целиком и полностью связана с особенностями социального строя переселенцев. В самом деле, все укрепленные дома краснореченских развалин представляют собой самостоятельные „оikosные“, замкнутые хозяйства. Они отвечают духу натурального хозяйства патриархальной семьи и базируют свое благополучие на эксплуатации принадлежащих им рабов, против которых были сделаны мощные стены домов. Борьба с возможными восстаниями рабов требовала укрепление домов. Весьма интересно и нахождение внутри дома семейного кладбища, что так особенно характерно для идеологии такой патриархальной семьи, инкорпорирующей внутри своего дома весь мир своих чувств и представлений. Укрепленные дома получают свое разъяснение особенно в связи с изучением дальнейшего роста поселения, о чем мы уже останавливались в печати и что будем разбирать здесь несколько ниже.¹ На смену укрепленным домам вскоре будет развиваться город с его характерными составными частями, сельские поселения и феодальный замок. Последнее нами лучше всего было прослежено на археологических материалах Таласской долины. Такую смену типов поселения наблюдал С. П. Толстов на исключительно ярких материалах Хорезмского оазиса.² Мы объясняем способ расселения в отдельных укрепленных домах, как следствие рабовладельческого способа производства согдийских переселенцев.

Укрепленные дома не являются принадлежностью лишь иранских переселенцев. Совершенно очевидна по ряду деталей тесная связь уже первых переселенцев Чуйской долины с местным кочевым населением. Наиболее выразительны в этом отношении найденные

¹ Ср. А. Бернштам, Памятники старины Таласской долины, Алма-Ата, 1941.

² С. Толстов, ВДИ, 1939, № 3. Ср. А. Тереножкин, в Советской Археологии, № 6.

здесь оссуарии. Оссуарии эти, в противоположность мавераннахрским (самаркандским и катта-курганским), представляют собой овальный в плане гробик размером 0,60 × 0,30 м. со стенками высотой 0,29 м. Он перекрывается сферической крышкой, имеющей в центре купола ручку. В целом оссуарий имитирует кочевую кибитку. Для большей выразительности борт оссуария сделан зубчатым, что весьма напоминает окончания кереге в кибитке. На поверхности стенок оссуария и на крыше нанесены линии, подражающие рисунку плетения остова кибитки (кереге, уки, чангарак). Фасад оссуария покрыт белым ангобом и имеет тонко вырезанный растительный орнамент. В данном случае мы воспринимаем последний, как попытку передать аппликации кочевнических кошм, но здесь вместо рисунка бараньих рогов даны, вероятно, изображения священного зороастрийского цветка—гаомы.

Любопытна деталь на одном из оссуариев. На фасаде оссуария вырезаны две колонки с капителями. Как известно, последние не характерны для кибитки. Иранский мастер, изготовляя оссуарий, внес в кибитку свои представления об архитектуре, постройке оседлого типа. Эта своеобразная техническая инерция со всей убедительностью показывает скрещение техники согдийского мастера с запросами новой среды, принявшей зороастризм,—среды кочевников. Краснореченские оссуарии в идеологическом плане показывают, что уже в первую пору связей кочевников и земледельцев в Чуйской долине мы сталкиваемся с тесным переплетом, синтезом этих двух обществ.¹ В дополнение к сказанному можно привести еще целый ряд фактов. Выше мы отметили золотой брактеат, где в сасанидском орнаменте дано изображение явно тюркского лица кочевника. В обломке достархана, подобранного на городище Ак-Пешин, в сасанидском орнаментальном кругу были изображены горные козлы в позе, характерной для кочевнического звериного стиля. Все эти археологические факты с несомненностью свидетельствуют о начинавшемся органическом сращивании

¹ Характерно, что в самих оссуариях, по определению Е. Жирова, были положены костяки, принадлежащие иранцам. В трех оссуариях были найдены костяки мужчины и старухи свыше 60 лет и мальчика 6—8 лет.

идеологии кочевников и земледельцев, что является следствием их социально-экономической близости. Впрочем, последнее уже достаточно выявлено и по письменным источникам. В своем исследовании о „Тирании Абура“ С. П. Толстов¹ показал это единство кочевой и оседлой части Средней Азии, и памятники Чуйской долины лишь подчеркивают это положение.

В конце VI в. на территории Семиречья по бассейнам р.р. Таласа, Чу и Или возникает Западно-тюркский каганат, имеющий тесные связи с Согдианой. Следствием этих связей, а также внутренних процессов в самой Согдиане, в VI—VII вв. вновь в Семиречье проникают значительные группы согдийского населения. Ими был основан целый ряд городов, и один из них на реке Талас под именем Хамукат. Точно местоположение Хамуката, созданного бухарскими выходцами, неизвестно.

Во время полевого сезона 1940 г. мною было осмотрено городище Майтюбе к югу от пос. Серафимовка на территории колхоза Майтюбе.

Городище это предварительно было обследовано научным сотрудником Джамбульского археологического пункта Г. И. Пацевичем. Развалины принадлежат старому поселению. Конструктивно городище представляет собой переходный тип от краснореченских домов к городскому типу поселений. Эти конструктивные особенности заставили нас связать один из древнейших городов Таласа Хамукат с этими развалинами. К согдийским поселениям следует отнести целый ряд и других развалин Чуйской долины. Таковы развалины Карабалтинского городища (о нем см. ниже), несомненно, первоначально бывшем согдийской колонией, а также городище Ак-Пешин. Цепь согдийских поселений обрывается в Чуйской долине и в основном идет по левому берегу р. Чу. На правом берегу р. Чу мы можем отметить, как самую северную колонию согдийцев, городище Кысмычи, на территории колхоза „Трудовик“. Все эти колонии дали впоследствии города так называемого мавераннахрского типа, т. е. с цитаделью, шахристаном и рабадом. Крайняя восточная колония была на месте развалин Ак-Пешин, которые мы связываем с поздней-

¹ „Исторические записки“, вып. 3.

шим городом Баласагуном. Не случайно, что Махмуд Кашгарский указывал на Баласагун, как на крайнюю восточную границу распространения согдийского языка в Семиречьи.¹

В результате археологического обследования Семиречья удалось, таким образом, точно оконтурить границы согдийских колоний. Они начинались у Чимкента, занимали всю Таласскую долину до р. Талас, по Чуйской долине доходили по левому берегу до Токмака, а на правом берегу Чу отмечены лишь в одном месте. Эта локализация согдийского населения отвечает показаниям древних авторов от Сюань-Цзана (VII в.) до Махмуда Кашгарского (XI в.). Значительно реже в этом районе встречаются памятники тюрков. Строго говоря, их почти нет, и обследование показало, что центрами распространения тюрков оказались горные долины: Верхний Талас, Чон-Кемин и Иссык-Куль. В долине Чон-Кемина обнаружен город Суяб, могильники тюрков с балбалами. На Иссык-Куле обнаружены каменные бабы, в Верхнем Таласе, по р. Кенкол около ур. Терскул, — тюркский могильник.

Согласно историческим сведениям, преимущественно китайским, эти районы занимали тюрки, называемые в тюркских рунических текстах „дестистрельным народом“, т. е. состоящим из десяти частей. Это сообщение тюркских текстов подтверждают китайские сведения, добавляя, что пять из этих племен под названием дулу населяли бассейны р. Или—Чу, а пять—нушиби—бассейны р. Чу—Талас. Видимо, этим племенам и принадлежат открытые экспедицией памятники. Позднее, в 704 г., племена дулу и нушиби теряют свою политическую власть над этими районами и их сменяют в 704 г. государство тюркшей, в 766 г. разбитое карлуками, которые удерживают здесь господство, видимо, до караханидов. Таким образом, в интересующий нас период мы имеем дело с господствующей здесь тюркской кочевой средой. Им обязаны своим происхождением кибиткообразные оссуарии, подражающие в своей форме жилищу кочевников, и ряд других явлений, отмеченных нами выше.

¹ Об этом см. у Бартольда—„К вопросу об языках согдийском и тохарском“, ИРАН, т. I.

Анализ письменных китайских источников о древних кыргызах и мусульманских авторов о Семиречьи и стране кыргыз дает возможность полагать, что какая-то часть кыргыз населяла Тянь-Шань, а более значительная жила с ними в соседстве.

Некоторые из этих фактов позволили еще В. Бартольд¹ выдвинуть положение, что в X в. „кыргызы выступали в качестве союзников карлуков, против токуз-огузов и заняли часть Семиречья, своей теперешней области“.¹ Несомненно, что дальнейшее изучение археологических памятников поможет и на вещественном материале найти этому подтверждение. Укажем сейчас на то положение, что в верховьях Таласа были найдены камни с руническими надписями—типичными надгробиями тюрков.² Текст этих надписей и палеография письма не только похожи, но почти буквально идентичны аналогичным надписям на Енисее.

Такую аналогию имеют и буквы на деревянной палочке, найденной на перевале Киргизского Алатау,³ и надпись на китайском зеркале из Урджара (Казахстан).⁴ Все эти факты подтверждают гипотезу о заселении Тянь-Шаня кыргызами в VIII—X вв. Не случайно и кыргызский каган, живущий на Енисее во второй половине VIII в., происходил из племен тюргешей (мать тюргешка), а жена его была дочерью карлукского ябгу. Не случайно автор X века Истахри и безымянная рукопись X века Худуд-ал Алем указывают на кыргыз, как на жителей Тянь-Шаня, граничащих с тухси (Чу) и чигилями (Иссык-Куль). Все эти факты с несомненностью говорят, что какая-то часть кыргыз еще в X веке занимала области Тянь-Шаня.

Политическим возвышением кыргыз в VIII—IX вв. можно датировать вторую стадию перехода кыргыз на Тянь-Шань.⁵

К сожалению, памятники собственно кочевого насе-

¹ Очерки истории Семиречья, стр. 20; его же, Киргизы, стр. 19—20.

² С. Малов, Древнетурецкие надгробия с надписями бассейна р. Талас, ИАН, 1929.

³ См. „Материалы Узкомстариса“, вып. 6—7, М. Л., 1936.

⁴ Зеркало с надписью хранится в отделе Востока Государственного Эрмитажа.

⁵ Подробней об этом см. в нашей работе—„История кыргыз и Киргизстана“ т. I. (румп.).

ления Северной Киргизии еще очень мало изучены.¹ Наиболее яркими памятниками являются каменные балбалы, или „каменные бабы“, на характеристике которых мы сейчас и остановимся.

Каменные бабы в Северной Киргизии встречаются повсеместно. Граница их распространения, вероятно, доходит до Таласа. Недалеко от гор. Джамбула в ур. Улу-Тас В. Бартольд отметил самую западную каменную бабу Семиречья.

Наибольшее их количество мы можем отметить в ущелье и долине Большого Кемина, в Малом Кемине и на северном берегу Иссык-Куля. Каменные бабы представляют собой изваяние знатного противника погребенного, который был покойным убит или захвачен в плен. Как правило, эти изваяния имеют монголоидный, тюркский тип. На них часто высекаются детали костюма и вооружение. Ввиду многочисленных междоусобиц, бывших среди тюркских племен, неудивительно, что изваяния имеют черты, родственные самим погребенным. Возможно, что тщательно отделанные изображения имеют портретное сходство и обозначали самого погребенного.

Таковы изваяния, обнаруженные около Уйтала. В большинстве случаев изображения очень примитивны. На уйталских изваяниях хорошо прочерчен длинный кафтан, в ушах серьги, на поясе небольшой нож и длинный меч с перекрестием. Видимо, эти детали и составляют характерные черты внешнего вида тюрка-воина. В Чонкеминском могильнике примитивные изображения расположены цепочкой от кургана-захоронения с юга на север, причем вначале стоит изображение, а затем следует просто поставленные на ребро камни. Среди изображений нами было найдено в 1939 г. лицо с большой окладистой бородой. Художник-скульптор явно пытался придать лицу сходство с иранцем. В условиях Семиречья такое изображение не должно вызывать удивления. По поводу обычая ставить в ряд изображения и камни напомним слова китайской лето-

¹ По материалам случайного происхождения из долины Кочкара можно утверждать о сильном влиянии енисейских кыргызов в области обработки металла. Вещи хранятся в Эрмитаже. На материалах из тюркских курганов Северного Тянь-Шаня, раскопанных Фетисовым (хранятся в Историческом музее в Москве), видно влияние китайской культуры.

писи, описывающей обычаи кочевников-тюрков, что, в здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойного и описание сражений, в которых он находился в продолжении жизни. Обыкновенно, если он убил одного, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи¹. Полную иллюстрацию этому мы видим в грядах камней на Чонкеминском могильнике. Возможно, что грубые без деталей изображения следует относить к таким балбалам, а тщательно отработанные с „портретным“ исполнением лица типа уйгальских изваяний к „нарисованным обликам покойного“.

Не случайно, что на Алтае, по свидетельству С. Киселева, содержимое в одной вскрытой им могиле целиком и полностью отвечало предметам, изображенным на каменном изваянии, стоявшем у могилы.

Мы лишены возможности дифференцировать культуру кочевников Северной Киргизии по эпохам и племенным группам, т. е. выделять то, что относится к Западно-тюркскому каганату, тюргешам и карлукам, а поэтому отметим сразу же ряд культурных явлений, в целом связанным с кочевниками VI—IX вв. н. э.

К таким явлениям следует отнести открытый нашими экспедициями новый тип бронзовых монет китайского образца с дырочкой посредине и круговой легендой. В ней всегда указывается „тюргеш-каган“, а затем следует имя кагана.

Таких монет открыто несколько типов.² Ясно, что они чеканились по заказу кочевых владетелей и относятся к господству тюргешей в этом районе, т. е. к периоду 704—766 гг. Роль Китая для этого времени повлияла на выбор формы монеты, как известно, китайской. Политическая история кочевников VI—VIII вв. показывает, что тюрки доходили на Западе вплоть до Византии, всячески борясь за преобладающее значение на торговых путях. С этой целью они отправляют специальное посольство в Византию и принимают ответное посольство Земарха еще в 576 г. Этим связям с Византией обязаны находки варварского подражания восточно-римскому солиду V века, найденном в Таразе, а

¹ И. Бичурин, ук. соч., ч. I, стр. 270.

² А. Бернштам, Тюргешские монеты, „Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа“, т. II, 1940.

также сосуду с сирийской надписью, указывающей на проникновение сирийцев в Семиречье. К аналогичным находкам относится и обнаруженный в Северной Киргизии, у с. Покровское, клад серебряных вещей,¹ в котором имеются местные подражания византийским клеймам.² Это подражание византийским клеймам показывает на наличие вкусов местного потребителя к продукции византийских ремесленников, не оказавших, впрочем, существенного влияния на культуру кочевников Северной Киргизии.

Влияние кочевников мы отмечали выше и при анализе согдийского материала. Подобно тому, как это нами было выяснено при раскопках Тараза, и здесь, в Чуйской долине, значительное место в развитии керамики и ее форм сказались вкусы и требования кочевников. Так и здесь, как на Таласе, бытовали кочевнические котлы. Характерен и резной орнамент ранней керамики (дополивной).

Вся культура кочевников была опосредствована в условиях Северной Киргизии и, главным образом, в Чуйской долине, согдийцами. Они ее не только совершенствовали, но вносили в нее свои представления и навыки. Вот почему здесь так трудно выделить, что-нибудь чисто кочевое, равно как и, обратно, чисто иранское. Количество согдийского и даже китайского оседлого населения здесь было чрезвычайно велико. Второе, видимо, особенно сильно здесь развилось со времени успешного завоевания края китайскими войсками во главе с Су-Дин-Фан'ом в середине VII в. (654 г.). Изучение культуры поселений VIII—XII вв. показывает, что в дальнейшем культурная роль целиком переходит в руки оседлых поселений, и там уже отделить кочевую культуру от земледельческой буквально не представляется возможным. Культурную историю района приходится строить исключительно по остаткам городов, получивших свое особенное развитие после арабского завоевания.

¹ Ср. В. Городецкий, Серебряные сосуды из курганов с. Покровского, Пишпекского уезда, „Известия Средазкомстариса“, в 1, Ташкент, 1936.

² L. Matzulevitch, *Bizantische Antike*, Berlin und Leipzig, 1929. Ср. К. Тревер, Памятники грекобактрийского искусства, Л., 1940, где она неправильно датирует находки временем Грекобактрии.

Экспедиции Комитета Наук и ИИМК 1938—1940 гг. дали в руки историка богатый в этом отношении материал. Поскольку последние являются главным источником ознакомления с культурой этого периода, постольку мы специально остановимся на их описании и локализации.

Прежде чем перейти к вопросу о роли и значении городской жизни, остановимся на исторической топографии Северной Киргизии.

VII. ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ СЕВЕРНОГО ПРИТЯНЬШАНЬЯ В VIII—XII ВЕКАХ НАШЕЙ ЭРЫ

Ко времени арабского завоевания и в первые годы после него в Северной Киргизии окончательно сложились поселения городского типа. В свое время мы дали обзор развития городов по Таласу, где выяснили древние названия городов и указали расположение их по Таласу и на запад от Тараза до Мирки¹. Напомним, что по верхнему Таласу, начиная от пос. Кировск, были расположены 4 города: Шельджи (развалины Садыр-Курган), Сусы (развалины Чалдавар у одноименного поселка), Куль (развалины Джаман-Курган у пос. Орловка) и Текабкет (развалины Ак-Тюбе у пос. Талас). На территории Среднего Таласа в пределах современной Киргизии следует еще отнести Хамукат (развалины Май-Тюбе, к югу от с. Серафимовки) и Атлах, которому скорее всего соответствуют развалины Джуван-Тюбе к югу от с. Солдатское. Наши соображения об отождествлении майтюбинских развалин с Хамукатом мы выше приводили.

При обследовании 1938 г. мы в этом районе осматривали случайно вскрытый строительными работами водопровод, состоящий из гончарных труб в форме вытянутого слабо выраженного конуса, витого в виде жгута. Такого типа трубы весьма архаичны. Топография майтюбинских развалин, представляющих сочетание небольшого города и замков, также весьма архаична. Поселение не успело развиться в типично сред-

¹ Памятники старины Таласской долины, Алма-ата, 1941.

невековой город и, видимо, прекратило свое существование. Это и соответствует Хамукату, который в источниках позже X века не фигурирует. Его дробная структура развалин, состоящих из отдельных тепе, отвечает замкам тех дихкан, которые под влиянием инцидента с Аbruем вынуждены были эмигрировать из Бухары. Позже они возвратились обратно и город опустел, причем развалины Майтюбе и сохранили нам этот недоразвившийся план поселения. О городе Хамукате наиболее подробно сообщает Нершахи. Нельзя не отказать в путанице этого сообщения. Оно гласит: „По прошествии некоторого времени, власть Аbruя возросла, он стал жестоко править этой областью так, что терпение жителей истощилось. Дихканы и богатые купцы ушли из этой области в сторону Туркестана и Тараза, где выстроили город и назвали его Хамукат, потому что великий дихкан во главе переселившихся назывался Хамук, что на языке бухарцев означает жемчуг, а кат значит город, таким образом название это означало „город Хамука“. Вообще бухарцы „хамуками“ называли вельмож“.¹

Нершахи явно смешал названия городов, соединив Тараз и Хамукат в один. Уже Бартольд отмечал, что Хамукат и Тараз надо разделять на два города.

Основанием к этому служит указание Макдиси, который отдельно упоминает Тараз и Хамукат. О Хамукате, или Джамукате, Макдиси (автор X в.) пишет, что „Джамукат—большой город, вокруг него стена; соборная мечеть в ней (т. е. в медине), а рынки в рабаде“. Самые южные развалины Майтюбе имеют стены, огораживающие сравнительно большую площадь, отвечающую, видимо, центру—шахристану Хамуката.

Развалины Джуван, которые мы связываем с Атлахом, расположены на берегу р. Талас.

По сообщениям древних авторов, Атлах был большим городом. Макдиси пишет, что „Атлах—большой город, приближается по площади к главному городу; вокруг него стена. Большая часть его сады, а в рус-

¹ См. Мухаммад Наршахи, История Бухары. Перевел с персидского Н. Лыкошин, под редакцией В. В. Бартольда, Ташкент, 1897, стр. 12—13.

В дальнейшем все неоговоренные ссылки на мусульманских авторов взяты по переводам С. Л. Волина, печатающимся ныне в I томе Трудов экспедиции, проведенной под нашим руководством.

таке его преобладают виноградники. Соборная мечеть в медине, а рынки в рабаде“. Около него, как известно, на берегу Таласа разыгралась битва китайцев с арабами в июле 751 г. По сообщению Ибн-ал-Асира, Абу Муслим отправил против китайцев войска под предводительством Зияда Ибн-Салиха: „они встретились на р. Таразе.“ У Мутаххар Ибн-Тахар ал-Макдиси при описании этого события указывается, что войска Зияда Ибн-Салиха дошли до Атлаха и Тараза. Из этих сообщений явствует, что Атлах находился на левом берегу Таласа, ибо нигде не указывается, что арабы перешли реку.

В китайских источниках уазывается, что разгром китайских войск под предводительством Гао-Сянь-Чжи был у гор. Таласа. В данном случае мы отдаем предпочтение мусульманским сведениям по совершенно ясным причинам,—они были гораздо лучше знакомы с этой местностью. Вместе с тем обращает на себя внимание противоречие во всех источниках о месте битвы. Мы имеем упоминания, что она произошла на р. Талас, то около Тараза, то у Атлаха. Очевидно, что она действительно произошла на р. Талас, в сфере городов Атлаха и Тараза, видимо, находящихся недалеко друг от друга. Но Атлах был большим городом, по размерам приближающийся к Таразу. Такими развалинами крупного города являются развалины Джуван-Тюбе, кстати сказать, недалеко отстоящие от Тараза (12 км.).

Вся группа Таласских городов, ныне находящихся на территории Киргизстана, была экономически и культурно связана с городом Таразом, археолого-историческое исследование которого дало по этому поводу достаточно неопровержимые доказательства. К Таразу тяготели и города на востоке от него. Уже при исследовании предгорий Киргизского Ала-Тоо в 1936 г. удалось заметить, что, начиная с города Кулана (ст. Луговая, Турк-Сиб. ж. д.), намечаются культурные отличия в инвентаре поселений. Городища от Кулана на восток по своим культурным данным, полученным в результате раскопок, отличаются от Таласских. В последующие годы изучение поселений Чуйской долины показало, что действительно городища, начиная с Кулана и далее на восток, образуют особый

комплекс, который мы будем называть Чуйским комплексом городищ. О характерных культурных отличиях этих городищ мы будем говорить в следующей главе.

Сейчас мы остановимся на установлении местоположения основных городов, известных нам по сообщениям мусульманских авторов и их описаниям торговой трассы, проходившей через эти области. В связи с этими вопросами мы коснемся и типических их черт в разных районах и в разные времена.

Вопросы местоположения города Кулана и Мирки мы уже разбирали в своей работе „Памятники старины Таласской долины“. К востоку от Мирки, (соответствует современному городу Мерке, Джамбульской области, Казахской ССР), крупным городом был Аспара. И ныне грандиозные развалины этого города носят то же название. Развалины находятся против ущелья, носящего древнее имя Ашпара. Среди местного населения эти развалины известны еще под именем Асран-Тобе. Сохранившиеся ныне развалины несут в себе явные следы перестроек Тимура и поэтому будут описаны несколько ниже в специальной главе.

В 8 фарсах от Аспары, как это следует из маршрутников Кудама и Ибн-Хордадбега, находился Нузкет—„большое селение“. Упоминание о нем дано без всяких подробностей, известно только что он находился около горы. Сообщение это есть в безымянной рукописи Худут ал Алем и только упоминание о Нузкете у Макдиси. Такими развалинами, которые могут быть отождествлены с древним городом Нузкетом являются развалины Шиш-Тепе, расположенные к северу от с. Карабалты. Они отстоят от развалин Аспары в 45—50 км., что, примерно, соответствует 8 фарсахам.¹

В. Бартольд помещал Нузкет около Беловодского и значительно передвигал все города к востоку, не считаясь с археологическими памятниками, особенно этого района. Таким образом, он помещал города там, где не было вообще развалин городов, в тоже самое время пропустив такие развалины, как например—Крас-

¹ Городище у с. Старониколаевка, описанное в свое время А. Тереножкиным, принадлежит, по-моему, к комплексу Ашпары и вряд ли согдийского происхождения.

ная речка. Некоторое несоответствие в километрах между Аспарой и Нузкетом не должно нас смущать, ибо такие ошибки в географической литературе встречаются неоднократно. Кроме того, в определении расстояний мы теперь исходим из наиболее коротких современных, подчас шоссейных, дорог, в то время как в древности они, несомненно, были иными. Возможно, что в древности дорога шла ближе к горам, чтобы не проходить по безводной местности, какой является прямая линия Чалдовар—Карабалты. Кстати, на этом участке турткули типа караван-сараев находятся значительно южнее железной дороги, вдоль которой идет ныне дорога из пос. Чалдовар (развалины Аспара) в Карабалты (развалины Шиш-тепе).

Развалины Нузкета представляют собой обнесенное валом городище в виде прямоугольника с длиной сторон 530×540 м., ориентированное по странам света. Цитадель ее находится в юго-западном углу и очень хорошо сохраняет черты типичного согдийского замка. Великолепно видно как к этому замку пристроены были стены, образующие укрепленную территорию шахристана.

В 4 фарсах от Нузкета находилось другое поселение—Харран-Джуван. По сообщению Макдиси, „В нем преобладают неверные, а султан его мусульманин; вокруг него стена и среди нее цитадель, в которой живет дехкан“. Городу Харран-Джуван скорее всего соответствуют развалины к северу от с. Беловодского, находящиеся на правом берегу р. Аксу до впадения сюда речки Сухулук, около с. Сретенки.

Это городище представляет несомненный интерес, как по своим конструктивным особенностям, так и по своему местоположению. Городище, под названием Чалдовар, также имеет вид четырехугольника ориентированного по странам света. В центре городища находится цитадель, огороженная как бы двориком. Недалеко от цитадели находятся хорошо сохранившиеся два хауза. Городище расположено к северу от линии городов и поселений Чуйской долины, в км. 16 от сел. Беловодского. От этого городища к северу по левому берегу р. Аксу тянется бесцитадельные городища, возникновение которых обычно относится уже к караханидскому времени. Такого типа городища

известны в Илийской долине и в большинстве своем были нами обследованы в 1938, 1939, 1940 гг.

Цепь этих городищ тянется к известному броду через р. Чу под именем Тайкичу. Очевидно, что заселение этого края в районах от селений Предтеченского и Сретенки к северу, в направлении пос. Степное, произошло позднее, чем возникло поселение Харран-Джуван. Характерно, что освоение края оседлыми поселениями произошло в XI—XII вв., когда сами кочевники начали переходить на оседлость. Указание Макдиси о том, что „в городе живут неверные“, целиком и полностью оправдывается его местоположением. Оно из всех городов согдийского происхождения наиболее выдвинуто к северу, т. е. во владения кочевников. Весьма любопытно в этой связи и его название, несущее в своей второй части тюркское слово „джуван“ („большой“ „огромный“).

Аксуйские развалины бесцитадельных городищ показывают, что во время существования Харран-Джувана VI—X вв. его окружение было, вероятно, занято кочевниками, лишь впоследствии освоенное оседлыми поселениями, спустившимися по реке Аксу к Чу. Беспокойное окружение Харран-Джувана привело к необходимости укрепить этот район, что объясняет наличие здесь, через очень небольшие промежутки, серии укрепленных караван-сараев и рабатов. Сама территория Харран-Джувана была укреплена хиснами (крепостями), одна из которых находится непосредственно у с. Беловодского к северу от центра поселка, другая к западу от него. О наличии кочевников около Харран-Джувана говорят и значительные могильники-курганы с сырцовыми склепами, видимо, принадлежащие кочевникам IX—XII вв., и неоднократно отмеченные исследователями края. Харран-Джуван как мы уже отметили, находился в системе укреплений, рабатов и караван-сараев. К востоку и западу от него были зафиксированы селища с керамикой одновременно городским центрам. Одно из таких селищ (остаток сельского поселения) зафиксировано нами около с. Петропавловского.

От Харран-Джувана до Джуля так-же 4 фарсаха. Дорога, видимо, в древности совпадала с современным шоссе, вдоль которого и ныне можно отметить ряд

турткулей и более мощных укрепленных сооружений. Таково укрепление на Сухулукке, к северу от пос. Новотроицкого четырехугольное в плане, с башнями в середине стен и по углам.

Исключительно хорошо сохранились укрепленные стены в рибате, стоящем в центре с. Романовского. На расстоянии 30 километров от Харран-Джувана находится большое и своеобразное городище, известное под именем Чола-Казак. Это городище представляет собой концентрически расположенные два карре и занимает огромную площадь. Развалины Чола-Казак, которые В. Бартольд называет Пишпек-ата, отнюдь не современного, или кокандского происхождения. Подъемный материал позволяет связать это городище с весьма старыми поселениями Чуйской долины. Его расстояние от следующих развалин городского типа (Краснореченских) равняется, примерно, 45 км. что отвечает 7 фарсахам, которые разделяли Джуль от Сарыга.

Городища к востоку от гор. Фрунзе представляют особый интерес, благодаря своей сохранности и, видимо, более долгому существованию. Ввиду этого мы посвятим им больше внимания. Понимание этих городищ возможно лишь при учете расположения памятников в соседних территориях, в частности, в долинах Малого и Большого Кемина.

Городище Красная Речка расположено в 32 км. к востоку от г. Фрунзе и начинается непосредственно с восточной околицы села Краснореченского. Развалины представляют собой сложный комплекс. Бугры, окружающие городище (расположенное ближе к левому берегу р. Чу) в собственном смысле этого слова, представляют собой остатки древних построек, занимающих весьма большую территорию, примерно в 10-15 кв. км. Эти постройки различны по внешним признакам и делятся на три типа.

Первый тип — небольшое тепе с примыкающими к ним прямоугольными площадками, приподнятыми на два—три метра над окружающей местностью, второй тип тепе такого-же рода, но они стоят внутри четырехугольных укреплений, третий тип — обыкновенные малого размера турткули — четырехугольные постройки, образующие кварталы из нескольких таких построек,

вытянутых в одну линию. В то время как первые два типа не образуют строгого плана и разбросаны в беспорядке по всей обследованной территории, третий тип построек подчинен известному плану и они, в противоположность первым, стоят компактно, образуя как бы одну улицу.

Само городище стоит северней этих развалин, непосредственно над богатой растительностью поймой р. Чу. Городище имеет весьма сложный план. Оно обнесено двойным рядом стен и валов. На ее приподнятой части в юго-восточном углу—помещается цитадель. Западная часть обнесена еще прямоугольным валом, образующим дополнительное укрепление городища.

Таким образом, чисто конструктивно городище представляет собой сложный комплекс строительных сооружений разных типов и, видимо, разнообразных функций.

Раскопки Краснореченского городища выявили весьма интересную историю этого сложного комплекса поселений. Совершенно ясно, что образованию города здесь предшествовало заселение района отдельными „виллами“, укрепленными домами типа согдийских кешков, о чем мы уже выше писали (см. гл. VII).

Ко времени, близкому к арабскому завоеванию, вероятней всего не ранее VII века, т. е. ко времени увеличения здесь политической роли тюрков, начали вымирать эти „кешки“. Без катастрофы, постепенно они опустели за счет развития городского типа поселения—городища Красная Речка. Брошенные дома были использованы как кладбища. К этому времени, т. е. к VII—VIII векам, относятся остатки зороастрийских погребений и сложение мощного культурного слоя на городище (слой III), характерного позднесогдийской и неполивной керамикой и датированного тюркешскими монетами.

Однако полный свой расцвет город получает позднее, в саманидскую эпоху. К этому времени относится слой II, и раскопанная нами постройка с расписными стенами (Р. VI).¹ Здесь налицо характерные явления, позволяющие датировать постройки, — те же тюркешские монеты, бытующие при саманидах, полива, роспись, впущенные в землю постройки с

¹ P1, PII и т. д.—обозначает номер раскопа—шифр, принятый нами во время раскопок городища.

кирпичными полами, резьба и штамп на неполивной керамике. Наряду с шахристаном развивается и рабад (р. V), образующий значительный комплекс сооружений вне стен города.

Для караханидского периода мы особенного расцвета данного поселения фиксировать не можем, хотя несомненно, что в эту пору город продолжает свое существование, о чем кроме культурных слоев в городе с караханидскими монетами (слой I, P IV) свидетельствует караханидское кладбище, в некоторых случаях перекрывающее зороастрийское (P I, P III). Погребения датируются как комплексом находок (янтарь, коралл), так и поздние — саманидской монетой (P III). Палеоантропологические данные, собранные на караханидском кладбище, свидетельствуют об исключительном многообразии этнического состава населения. На это в известной степени указывает и факт находки согдийских и сирийских надписей, предметы с четко выраженными разнообразными идеологическими влияниями.

Встает естественно вопрос о названии этого города. Маршрутники Кудама и Ибн-Хордадбега отмечают большое селение Сарыг, отстоящее в 4 фарсах от Баласагуна (Ак-Пишин) и 7 фарсах от Джуля (в 8 км. от г. Фрунзе). Местоположение Краснореченского городища больше всего соответствует этим расстояниям (25 км. от Ак-Пишина, 45 км. от Джуля). Сложный вопрос встает в связи с тем, что имя города собственно известно для IX и X века, а затем оно исчезает. Только для начала XII в. в безымянной рукописи „Муджмиль ат теварих“ имеется указание, что в городе Салыге сидит царь Каладжур. Закономерность перехода „р“ в „л“, в тюркских языках вполне возможна и объяснима, однако здесь, если принимать оба названия как тюркские, резко меняется значение — в одном случае это будет обозначать „желтый“, во втором — форма подати.

Даже если допустить, что в XII в. город Сарыг назывался Салыг и был, вероятно, заселен тюркским племенем халаджами, отчего и произошло имя их правителя, то, начиная со второй половины X века и до начала XII в. мы не имеем в источниках упоминания этого поселения. Для нас несомненно, что

город потерял свое название Сарыг в конце X века и выступает под другим названием. Макдиси (конец X в.) и Махмуд Кашгарский (XI в.) называют около Баласагуна, к сожалению без ориентировки и указания на расстояние, город Урду, имеющий стену, ров и цитадель. Согласно описаниям и Макдиси и Махмуда Кашгарского позволяют отождествлять городище Красная речка с этими данными. Другого решения вопроса мы не находим. Обращаем внимание на то обстоятельство, что город оставляет за собой тюркское название, несмотря на то, что конструктивно (цитадель) он согдийского происхождения. В аналогичном положении город Баласагун, название которого, наоборот, неизвестно для ранних эпох (IX в.—середина X в.) и появляется лишь с конца X в. (Макдиси). До этого времени, видимо, он существует под названием „ставка тюргешского кагана“. О том, что Баласагуну соответствуют развалины Ақ-Пишина, мы здесь приведем соответствующие аргументы. В свое время достаточно убедительно уже по этому поводу высказался В. Бартольд.¹

Добавим еще ряд наших соображений. Городище Ак-Пишин находится в 24 км. от Сарыга, что соответствует 4 фарсахам—расстоянию Сарыг-Баласагун. Оно представляет собой типичное, согдийского происхождения, городище с цитаделью и шахристаном. Прямоугольное в плане, оно ориентировано по странам света и имеет в своей северной и южной стене ворота. Вокруг шахристана имеются тепе, при исследовании оказавшиеся разрушенными согдийскими замками. Согдийская керамика была обнаружена и на шахристане. Это целиком согласуется с указаниями Махмуда Кашгарского, когда последний заявил о согдийском характере Баласагуна.

Городище имеет чрезвычайно мощный слой завала строительного мусора, свидетельствующего о разгроме построек, а не постепенном их разрушении. В одном из согдийского типа тепе при раскопках, под слоем завала, был обнаружен погребенный под стенами человек. Эти факты, говорящие о разрушении города, объясняются сведениями письменных источников, в

¹ Бартольд, В., Отчет, стр. 38 и 39.

частности Джувейни, который сообщает, что каракитай при своем отступлении—под натиском войск Мухаммеда Хорезмшаха, столкнулись с тем, что жители Баласагуна не хотели открыть им ворота и впустить их в город. В отместку каракитай, взяв после осады город, разгромили его, вырезали до 7000 дихкан. Следami этого разгрома и являются вышеотмеченные факты. Далее, известно что Баласагун был столицей Караханидов в XI—XII вв. Сам характер и величина развалин наглядно свидетельствуют об этом. Следует указать, что находящиеся около него рибаты отличаются исключительной мощностью. В одном из таких рибатов находится минарет „Бурана“, являющийся классическим памятником караханидской архитектуры XI в. Скорее всего следует полагать, что такие памятники зодчества начала XI века находились вблизи столицы, которой и был Баласагун. Древнее название рибата—Кирмирау.

Во второй половине XII в. Баласагун был столицей каракитаев. Около городища Баласагун (Ак-Пишин) обнаружена каракитайская культура и это единственное городище, где она представлена. К юго-восточному углу городища примыкает вал, ограничивающий весьма большую территорию, больше чем площадь старого шахристана. На этой-то территории и обнаружена каракитайская культура, подробное рассмотрение которой будет дано ниже. Здесь были раскопаны в 1940 г. храм, начат раскопкой монастырь (?), зарегистрирован целый ряд каракитайских жилищ. Все эти данные вкуче с соображениями В. В. Бартольда позволяют утверждать, что развалины Ак-Пишин являются развалинами Баласагуна—древней двукратной столицы Средней Азии в XI—XII вв. Намеченное нами решение вопроса: Красная речка—Сарыг—Орду; Ак-Пишин—ставка тюркешского кагана—Баласагун; Орловка—Невакет соответствует маршрутным данным и укладывается в общую систему городов Семиречья.

Последним вопросом исторической топографии, связанным с Чуйской долиной, является вопрос о Суябе. Но прежде чем перейти к этому вопросу осветим итоги разведок от Ак-Пишина на восток.

К востоку от городища Ак-Пишин, примерно в 35 км., в сел. Орловка обнаружены развалины большого поселения, большая часть которых скрыта под совре-

мёнными постройками. При строительных работах на прокладке шоссе найдена старая посуда и т. п., следы культурного слоя. Местоположение этих развалин в 90 клм. от с. Чола-Казак, т. е. в 15 фарсах от Джуля, соответствует местоположению древнего города Невакета, от которого шла дорога на Суяб. В. Бартольд предполагал, что Суяб находился на правом берегу р. Чу в местности Карабулак. Однако, обследование Карабулака, долины Малого Кемина, ущелья Далпаран показало, что здесь нет никаких городских поселений. Небольшое поселение в районе Карабулака, на территории совхоза, где при строительных работах добывали обожженный кирпич, показало, что о большом поселении здесь не может быть и речи. В ущельи Далпаран была обнаружена тюркского времени курганная группа с каменными бабами, которые в последнее время часто выкапывают при полевых работах. Таких каменных баб на территории совхоза Ильича было нами встречено три. Все они тюркского типа. Две из них со сложенными на животе руками, держащими чашу. Черты лица оконтурены выемками. Одно изображение сделано на камне подпрямоугольной формы путем желобков. Лицо высечено весьма схематично и от первых двух экземпляров отличается исключительной примитивностью изображения.

В одном километре к западу от с. Новороссийского (в долине Чон-Кемина) расположено огромное городище. Городище представляет собой прямоугольник, ориентированный сторонами по странам света, с длиной сторон 500—600 м. Северная и южная стены больше западной и восточной. Стены имеют башни выступающие наружу. Городище без цитадели. Поверхность его покрыта мелкими буграми. Заложенные на городище два шурфа показали очень слабый культурный слой с грубой керамикой ранне-мусульманского типа. Среди керамики мало поливы. Найден один чирак темно-зеленой поливы. На другом берегу Чон-Кемина, против ущелья Тарсу, на правом берегу горной речки того же названия, стоит второе укрепление, квадратное в плане, со сторонами, ориентированными по странам света. Длина сторон 200 м. Подъемный материал на Тарсуйском городище тождественен керамике из шурфов Новороссийского городища. По распросным сведениям

удалось установить, что такого типа третье городище находится вверх по Чон-Кемину.

Впервые Суяб отмечается китайскими источниками для VII века, а как поселение он фигурирует главным образом с VIII века. В мусульманских источниках он отмечается авторами с середины IX в.—до середины XI века, т. е. от Хордадбеха до Гардизи. Суяб был ставкой каганов, начиная с западных тюрок, возможно племен дулу,—вплоть до тюргешей и карлуков. Суяб находился, по Кудаме, в 4 фарсах от Невакета, и судя по другим авторам (Гардизи) был в горах. Для того, чтобы достичь Суяба, следовало переправиться через р. Чу. Весьма ценно показание о Суябе Сюань-Цзана. Вот, что он о нем сообщает: „Проехав, примерно, 500 ли на северо-запад от озера Цзин-чи (Иссык-Куль) он достиг города на р. Чу-е (Чу). Этот город имеет в окружности от шести до семи ли, он является местом встречи купцов, приезжающих из различных государств. Почва пригодна для развития красного проса, пшеницы и винограда, садовая растительность редкая. Так как климат здесь холодный и свирепствует леденящий ветер, жители носят одежду из валяной шерсти. К западу от Су-е расположено около десятка изолированных поселений, находящихся под управлением начальников, друг от друга независимых, но подвластных тукю (тюрькам).“ Нетрудно видеть из этого описания и выше приведенных данных, что открытое экспедицией Новороссийское городище более всего можно отождествить с Суябом. Во-первых, оно находится от Невакета—Орловка в расстоянии около 35 км, что почти соответствует 5 фарсам Кудамы и Ибн-Хордадбеха (других городищ в этом районе нет), и к западу от него расположены все города Чуйской долины, во-вторых, общая длина стен Новороссийского городища равна примерно 3 километрам, что полностью соответствует 6—7 ли, указанных Сюань-Цзаном, в-третьих, Суяб существовал, судя по письменным данным, с середины VII до середины XII века, чему соответствуют культурные остатки городища, в-четвертых, по Кудаме, Суяб состоял из двух частей—Сагур-Кубала и Кубала что опять соответствует городищам у с. Новороссийского и около ущелья Тарсу, в-пятых, Суяб не согдийского происхождения, а ставка кочев-

ников— чему соответствует культурный слой, безцитадельность городища, и окружение тюркскими кладбищами, наконец в-шестых, нельзя не видеть в описании климатических, условий Суяба, своеобразных по сравнению с Чуйской долиной более суровых климатических условий долины Чон-Кемина.

Как ставка кагана кочевников Суяб перестал существовать весьма рано, видимо, после разгрома карлуками в 766 г. Ставки каганов переходят на запад, они были в Невакете, Баласагуне (ставка тюркешского кагана), Орду (бывшем городе Сарыге).

Положение Суяба недалеко от впадения р. Чон-Кемина в р. Чу объясняет, по-моему, и своеобразное происхождение этого тюрко-согдийского названия— Су-яб. Река Чу была сплошь освоена согдийскими поселениями, р. Чон-Кемин всегда оставалась в руках кочевников-тюрков. Слияние этих двух рек повлияло и на оригинальное образование древнего названия р. Чу, которая, выходя из ущелья в долину, несла в себе скрещенные названия—тюркского и согдийского происхождения.

Знакомство с местностью дало возможность также найти один древний перевал, который вел от Иссык-Куля в Суяб; этот перевал имеет характерное название—Калмак-Ашу. Известно, что термин „Калмак“ обычно относится местным населением к явлениям весьма древнего происхождения. Несомненно, что этим перевалом пользовались в древности для выхода из Иссык-Кульской долины к р. Чон-Кемину, (перевал приводит к Иссык-Кулю, к западному его берегу—ныне районный центр Балыкчи-Рыбачье). Если считать, что Сюань-Цзан прибыл к Иссык-Кулю в район Барскаунского ущелья или Тонского городища (южный берег Иссык-Куля) и перевалил через горы до Суяба (в ставку кагана), пройдя 500 ли, то это более всего соответствует маршруту через Калмак-Ашу. Тем более, всего вероятней этот путь, так как Сюань-Цзан, переваливал через горы, в то время как Буамское ущелье не является собственно перевалом.

Кроме Калмак-Ашу из Чон-Кемина были еще перевалы, которыми в древности пользовались для прохода к Иссык-Кулю. Таким перевалом был, вероятно, Кугойрок, выводящий из Чон-Кемина на северный

берег Иссык-Куля около пос. Чолпон-Ата. Что этот перевал имел более важное значение, чем Калмак-Ашу, нас убедили следующие соображения, возникшие в результате обследования Чон-Кемина и Иссык-Куля.

От Невакета, который, мы связываем с развалинами в с. Орловка, исчезают оседлые поселения по левому берегу р. Чу, которая, кстати сказать, зажимается скоро Буамским ущельем. На правом же берегу Чу около пос. Советского — имеется турткуль, который может быть отождествлен с торговым селением Керминкет, принадлежавшем карлукскому поколению Лабан. Серия турткулей идет, затем, вверх по Чон-Кемину. Таковы турткули на территории колхоза „Каинды“ в 7 км. от с. Новороссийского и в колхозе имени Карла Маркса (в 2,5 км. от с. Новороссийского), турткуль под названием Кугарагай в ур. Джиган-Биит, около перевала Когойрок. Таким образом, долина Чон-Кемина была насыщена в древности поселениями и караван-сараями. В отличие от Чон-Кемина, все Буамское ущелье, а также северный берег Иссык-Куля от Буамского ущелья до Чолпон-Ата и по южному берегу до Ак-терека, не говоря уже о болотистом западном берегу с речкой Кутемалды, лишены каких-либо следов, хотя бы малых по размерам, турткулей. Пустынные берега этого района Иссык-Куля заняты редкими группами курганов и не имеют никаких следов оседлых поселений.

Совершенно очевидно, что вряд ли в таких пустынных берегах могла проходить караванная дорога. Она шла не по Буамскому ущелью, а через Чон-Кемин и выходила через Кунгей в районе между пос. Чоктал и Чолпон-Ата. Отсюда начинаются следы оседлой жизни, зарегистрированы экспедицией турткули, которые подводят к большому городского типа поселению на берегу Тюпского залива. Это поселение является первым поселением в серии городов области Верхний Барсхан. Пустынные же берега Иссык-Куля и Буама заселяли джикили.

Вопрос о Верхнем Барсхане издавна интересовал востоковедческую науку, но до сих пор не имел удовлетворительного решения. Область Верхний Барсхан, расположенная на берегах оз. Иссык-Куль, состояла из 4 больших и 5 малых городов. Однако

Лишь одни развалины привлекали внимание исследователей, да и не только их—это подводные развалины у Койсары на южном берегу Иссык-Куля. Нашей экспедиции 1940 г. удалось обнаружить целый ряд городищ вокруг Иссык-Куля, Это, во-первых, Тюпское городище и городище около устья р. Джаргалан, которые несомненно, входили в группу городов Верхнего Барсхана, во-вторых, подводные развалины у Койсары; затем следует отметить городище между ущельями Барскаун и Тамга, городище на правом берегу р. Тосор, городище на берегу Иссык Куля километрах в 20 к востоку от пос. Кольцовки и, наконец, городище к юго-западу от пос. Кольцовка и около с. Турткуль в районе Тонского залива. Характерно, что, начиная с Тонского залива, городища стоят на самом берегу, хотя, несомненно, берег в древности был дальше современного. Об этом говорит, например, городище между р. Тамга и Барскаун, стены которого уже частично разрушены волнами Иссык-Куля. От городища на восток озеро наступило еще больше на берег, в результате чего в районе Койсары город уже оказался под водой. Видимо, на участке от Тамги до Койсары и погибли остальные поселения Верхнего Барсхана.

Исключительный интерес представляет стена у пос. Кольцовки. Стена эта идет в направлении от северо-запада на юго-восток, закрывая здесь подход к берегу Иссык-Куля и Тонскому заливу. Прекрасно используя местные горные условия, она фактически преграждала в древности проход в сторону современного Каракола из второй половины южного берега Иссык-Куля. За ней к востоку начиналась область Верхний Барсхан.¹ Около самой стены расположено небольшое городище. На пути к Верхнему Барсхану по южному берегу городищ нет. Только в двух случаях были встречены маленькие турткули, вероятно—караван-сарай (у Ак-Терека и у юго-западной оконечности озера). По западному берегу Иссык-Куля, как следует из сообщений Гардизи, жили джикили. Караван-сарай вели, видимо, не к Буамскому ущелью,

¹ Впервые эта стена описана С. Дудиным. Об этом см. в указанном отчете В. Бартольда.

а стояли на дороге в горный Тянь-Шань, которая, огибая Терской, выходила в долину Кочкара и Джумгала. Не случайно, что в долине Кочкара, у р. Каракол на левом его берегу, было встречено экспедицией большое городище, расположенное в 4 км. к северу от ур. Кочкар-Ата. Обследованное здесь городище (местным населением называется „Турткуль“) безцитадельное, имеет 870×400 м. длину стен, ориентировано по странам света. Оно расположено в непосредственной близости от известных гумбезов „Кырк-Чоро“. Ныне валы сильно оплыли и частично разрушены. Лучше всего сохранились западная и северная стена. Среди подъемного материала были типично караханидские черепки. Видимо, описанное городище начинается собой серию центрально тяньшаньских поселений типа Кошой-Кургана и т. п.

Возвратимся, однако, к Барсхану. Благодаря разведке экспедиции 1940 г., стали совершенно ясны границы поселений Верхнего Барсхана. Они начинаются на южном берегу Иссык-Куля у Тонского залива, где они очерчены прекрасно сохранившейся боевой стеной, сложенной из набивного дувала, и идут вдоль южного берега где частично смыты озером. Поселения огибают озеро с востока и кончаются у Тонского залива, далее идут лишь караван-сарай, которые за Чолпон-Ата перекидываются через Кунгей в долину Чон-Кемина. Расположение поселений от Чуйской долины до Иссык-Куля показывает, абсолютно точно, трассу всемирно известного торгового пути из Средней Азии в Китай. От Иссык-Куля он шел, видимо, через перевал Сын-Тас в район Каркары и далее в Восточный Туркестан. Что он проходил именно здесь, в частности, указывает тот факт, что восточно-иссык-кульские городища наиболее крупные. Так например, Тюпское городище, расположенное на крутых берегах залива, окружено глубоким рвом, где и поныне течет вода, проведенная из озера. Естественные берега были искусственно подрезаны и усилены боевыми стенами. Город стоял как бы на острове и его связывала с сушей земляная перемычка у восточной стены. Тюпское городище, как и все городища Иссык-Куля, Тянь-Шаня, Чон-Кемина, без цитадели, прямоугольное в плане, ориентировано сторонами по странам света,

Наиболее грандиозным из этой серии городищ является Суябское. В свете изложенного становится совершенно ясно, что только Новоросийское городище может рассматриваться как Суяб. Через него проходила караванная дорога и он лежал на самой трассе, а не в стороне от нее, как это могло казаться, если думать, что торговая дорога шла через Буам. Торговцы были заинтересованы итти через богатую, населенную кочевниками, долину Чон-Кемина, чем пустынным ущельем.

Для того чтобы окончить наш историко-топографический обзор остановимся еще на некоторых поселениях Чуйской долины.

Мы уже выше упоминали про правобережное городище Кысмычи, как самый северный памятник согдийской культуры. Городище это расположено на самом краю надпойменной террасы и использует весьма искусно систему естественных бугров.

Городище имеет цитадель и примыкающий к ней шахристан. Кроме того, шахристан окружает ломаная линия стен, тянущихся, примерно, на протяжении 10 км., которая обходит шахристан с запада, севера и востока, обрываясь на уступах надпойменной террасы. Последняя образует как бы последнюю южную стену городища. Между шахристаном и линией внешних стен поверхность сравнительно ровная, лишь один сай (старое русло горной речки) прорезает эту крепость. Вверху этот сай примыкает к старой оросительной системе, использованной впоследствии под Шортюбинский канал. Сложный комплекс городища Кысмычи позволяет выделить в нем два разновременные периода существования.

К первому, естественно, относятся цитадель и шахристан. Впоследствии жизнь на шахристане прекратилась и последний был превращен в кладбище. Раскопки на этом кладбище показали, что оно относится по всей вероятности, к караханидскому времени. К этому склоняет нас тип керамики, характер погребений, перекрытых сырцовыми кирпичами, стратиграфия, т. е. его отношение к культурным слоям городища. С отмиранием городища—его первоначальной территории—население, видимо, группировалось у стен старого города и вторично укрепило свое местожительство большой внешней стеной. Стена не содержит в себе явных черт,

которые могли бы дать какой-либо материал для ее датировки. Весьма характерен ломаный периметр стен, приближающий ее к многограннику. Нам уже известно из вышеизложенных описаний что поселения, ведущие свое происхождение от согдийских колоний, а также городища эпохи караханидов, (что мы особенно хорошо проследили на материалах Илийской долины), имеют всегда прямоугольный или даже квадратный план, ориентированный либо сторонами, либо углами по странам света. Ломаную линию стен, там где она не вызывается особыми естественными условиями, мы наблюдали в двух случаях. Это, во—первых, внешняя стена городища Садыр-Кургана и, во вторых, внешняя стена городища Аспара. В обоих случаях эти стены принадлежат к тимуровской перестройке городов и, во всяком случае, позже XII века. Эти соображения позволяют нам выставить суждение, что изученное нами городище Кысмычи, по всей вероятности, во второй своей части является тимуровским и принадлежит к серии построек, которые воздвигал Тимур в Семиречьи в связи с подготовкой к походу в Китай. К тому, что это был укрепленный военный лагерь, склоняет нас, в частности, бедный культурный слой внутри внешних стен.

Определить древнее имя городища Кысмычи очень трудно. Среди городов Чуйской долины Макдиси упоминает Якалыг. Название, несомненно, тюркское и происходит от тюркского слова „яка“—край, берег. И в том и ином, значении этого слова название чрезвычайно подходит к местоположению городища Кысмычи. Оно действительно расположено на самом берегу реки и является крайним городищем согдийского и ранне-мусульманского типа.

Целесообразность организации здесь поселения военного лагеря весьма ясна. Во-первых, отсюда, также как из Харран-Джувана, могла производиться торговля с кочевниками Илийского края, во-вторых, в нем мог содержаться гарнизон, который охранял бы богатую здесь пойму р. Чу, несомненно, интенсивно использовавшуюся в прошлом. Об этом говорит Сюань-Цзан, указывая на большое количество китайских поселений по р. Чу. Китайцы могли здесь, в пойме, выращивать рис. Далее, об этом говорят поселения, огороженные валом, соответствующие тем „чэнам“, в которых, по

словам Сюань-Цзана, жили китайцы. Характерно, что местные дунгане в с. с. Кара-Кунуз, Дунгановка и Шортюбе до сих пор называют остатки этих малых поселений термином „чэн“, а городища типа Кысмычи „да-тинфан“, т. е. той терминологией, которой в древности эти укрепления называли китайцы.

О торговом характере городищ говорят караван-сарай, которые были здесь прослежены по одной линии от с. Чернореченского, по другой в сторону Каракунуза на перевал Кастек. К земледельческим поселениям, которые здесь были под эгидой описанного выше города, относятся поселения у пос. Дунгановка, около Шортюбе (в 6 км к западу от него), а также на левом берегу Чу, в самой пойме, на территории колхоза имени Фрунзе.

Подведем некоторые итоги в области исторической топографии Северной Киргизии.

Городища, ведущие свое происхождение от старых согдийских колоний, расположены по левому берегу р. Чу сравнительно прямо с запада на восток. В двух случаях (по р. Аксу и городище Кысмычи) они отходят к северу, являясь центрами укрепленных форпостов, уходящих в степи поселений, соприкасающиеся с исконными территориями кочевников. Все города Чуйской долины имеют цитадели, т. е. они, повторяем, согдийского происхождения и восточный из них—город Баласагун. Кочевое тюркское окружение наложило на эти поселения существенный отпечаток. Не только города, но караван-сарай, сельские поселения и, тем более, рибаты, тщательно укреплены. Тюркская кочевая среда явилась причиной тому, что городища в основном носят тюркские имена. Таковы „Кулан“—название дикой лошади; „Джуван“ (Харран-Джуван)—огромный, большой; „Джувль“—степь; „Сарыг“—желтый; „Баласагун“—вероятно, имя-титул.¹ Отметим, что названия Джувль и Джуван, совершенно точно передают западно тюркские формы этих слов, дошедших до современности в киргизском и казахском языках.

¹ „Бала“—известный тюркский термин. „сагун“, по сообщению Махмуда Кашгарского,—титул у карлуков, возможно, от китайского „сенгун“. Иное объяснение см. Умяков, Древнейшая турецкая карта мира, „Труды Самаркандского пединститута им. А. М. Горького“ т. 1,

За пределами Чуйской долины согдийцы, видимо, не имели постоянных мест пребывания и не только политическое, но и экономическое господство оставалось в руках кочевников. Этим объясняется иной характер городищ в Чон-Кемине, и на Иссык-Куле, и на Тянь-Шане, причем в районе Чон-Кемина и на Иссык-Куле возведение мощных стен поселений, видимо, не обошлось без искусных рук согдийских мастеров. Во всяком случае, городища Чон-Кемина и Иссык-Куля построены не раньше по времени, чем обычные бесцитадельные городища, которые возникают в караханидское время на территории кочевников. К последним принадлежат илийские городища, а на территории Киргизии — тянь-шаньские.

Только что сделанный обзор позволяет прийти к следующему заключению: на всем обширном пространстве Северной Киргизии ведущим районом в культурном отношении была Чуйская долина, где издревле обитали согдийцы.

В Чуйской долине экспедиции Комитета Наук и ИИМК производили большие раскопочные работы на городищах Сарыга и Баласагуна, а руководимая нами же экспедиция КФАН и ИИМК — на городище Кысмычи. Собранный богатый материал из раскопок и позволяет нам перейти к обзору культуры Северной Киргизии, главным образом, Чуйской долины.

VIII КУЛЬТУРА ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО ПРИТЯНЬШАНЬЯ В VIII—XII ВЕКАХ НАШЕЙ ЭРЫ

Из предшествующей главы видно, что в период VIII—XII вв. городская жизнь и вообще оседлость в Северном Притяньшаньи достигли своего наибольшего расцвета.

Прежде всего, следует отметить нарастание различных этнических компонентов в населении этой страны. Мы здесь имеем местное тюркское население, само явившееся результатом скрещения разнообразных этнических (усуни, цзянь-кунь, уцзе, кангюй, северные гунны) и расовых групп (памиро-ферганская, монголоидная). К середине I тысячелетия н. э. сюда вклинивается мощная иранская струя в лице согдийцев. В это же время происходит приток китайского населения, сначала в виде военнопленных, а затем, во второй половине VIII в., в виде поселенцев. В конце XII века Северное Притяньшанье знакомится с тунгусо-маньчжурским расовым типом, представленным каракитаями.

Из этого сложного и пестрого племенного и расового состава формировалось население Северной Киргизии. Характерно, что почти все эти расовые типы были обнаружены нами при раскопках кладбищ XI—XII вв. на городище Красная речка. Представленные расовые типы в основном отвечают трем наиболее крупным народам, которые здесь обитали, — тюркскому, согдийскому и каракитайскому. Бесспорные свидетельства наиболее ранней оседлой жизни по археологическим памятникам у нас связаны с иранским согдийским населением,

Для времени, которое мы сейчас будем разбирать, расовый и этнический состав городов уже был разнообразен.

Мы уже показали в предыдущей главе, что города и поселения Северной Киргизии разбиваются по типам на ряд групп. Наиболее классическими городищами в смысле их сходности со средневековым городом являются чуйские городища. Прекрасную картину сложения средневекового города, возникшего от старого согдийского поселения, представляет собой город Сарыг (городище Красная речка).

Раскопками на этом городище, помимо вышеотмеченных находок и развалин, относящихся ко времени согдийской колонизации V—VII вв., были вскрыты и строения VIII—XII вв.

Ко времени VIII—X вв. относится раскопанное в шахристане здание (Р. VI), стены комнат которого были украшены резьбой по глиняной обмазке стен. Сюжет резного орнамента—плавная волнообразная линия с развивающимися концами и восьмилепестковыми розетками. Кроме того, имеются четкие геометрические фигуры в виде шестигранников. В дополнение к резьбе стены были раскрашены черной, синей желтой и другими красками техникой альсеко. Манера украшения стен весьма ярко напоминает иранскую технику резьбы и раскраски в жилых зданиях Самарры, раскопанных Герцфельдом и Зарре. Многочисленные находки в этом здании (тюркешские монеты, керамика, черные с прожилками бусы, украшения из металла) позволили датировать его временем не позднее X в.

К этому же времени относится и другое здание стоявшее вне стен шахристана (Р. VIII), в котором были обнаружены обломки росписи стен также альсеко, но иного происхождения, чем в первом здании. Здесь на гладко обмазанную стену здания в верхней ее части был помещен фриз, состоящий из букетов цветов астры и изображения будды. Богатая палитра красок, смелые штрихи художника говорят об исключительном его мастерстве. По технике и сюжету роспись, несомненно, восточно-туркестанского происхождения. Чрезвычайно любопытна и одна находка в этом же здании—китайское зеркало танско-сунского времени с изображением четырех симметрично распо-

ложенных (крест-накрест) бодисатв, сидящих на фениксах. Пустые пространства между бодисатвами заполнены изображениями облаков и диких гусей.

К переходному периоду—X—XI в. относится здание в шахристане (Р. II) около южных ворот. Пол здания был выложен жженым кирпичем. Здание погибло в пожаре, крыша лежала на полу и находок в нем было чрезвычайно мало. Отметим находку железной с черенком стрелы, семян пшеницы, обломков керамики караханидского времени, а также фрагменты алебастровых украшений со следами резьбы и раскраски.

XI—XII в. могут быть датированы остатки здания, перекрывающие постройку с китайской росписью (Р. VIII, см. выше), в стенах которых наличествуют каналы—желоба для прохода горячего воздуха, которым отеплялось здание.

Целиком была раскопана постройка в рабаде древнего города Сарыга, датируемая монетами Арслана (XI в.). В этой постройке наибольший интерес, помимо разнообразной керамики, представляет вскрытое раскопками сооружение для изготовления вина в виде чана, где давился виноград. Чан имел выводной проток, сделанный из гончарной трубы. Сусло по трубе стекало в хум, вкопанный тут-же в землю и перекрытый шестигранной крышкой.

Сооружение для раздавливания ягод, также как и само здание, целиком сделано из сырцового кирпича, а внутренние стены оштукатурены.

Соответственно этим периодам развития города открыты и кладбища. Для VIII века, возможно и более позднего, характерны погребения в хумах, перекрытых богато орнаментированными крышками (налепной и штампованный орнамент). XI—XII векам соответствуют грунтовые могилы, почти без инвентаря у взрослых и с богатым инвентарем (украшения) при детских костяках. Так, у одного детского погребения было найдено большое количество разнообразных бус (среди них коралл, стекло, паста, перламутр, раковины каури), металлические бронзовые подвески и саманидская монета Насра II (932 г.), использованная как украшение. Иногда эти погребения имели шатровые перекрытия. Подобные захоронения были открыты экспедицией в

городище Кысмычи, Пантусовым при раскопках несторианских кладбищ и Гейкелем в Верхнем Таласе.

В предшествующей главе мы подвели итоги развития Краснореченского городища в плане истории города и здесь нет смысла повторяться на этих вопросах. Мы остановимся на вопросах культурного развития поселения, характерного для всей Чуйской долины. Ранее мы достаточно ясно видели, как в период VIII века исчезала жизнь в согдийских укрепленных домах и вырастал шахристан. Уже к концу согдийского периода жизни поселения в согдийскую культуру проникают влияния окружающей среды — тюрков-кочевников, что получило достаточно ясное отражение в таких предметах, как оссуарии, брактеаты и т. п.

Несомненно, что эта связь кочевников и земледельцев все более нарастала, но, как это не парадоксально, она становится все менее и менее ощутимой в памятниках материальной культуры. Объясняется это тем, что втягивающиеся в городскую жизнь кочевники уже настолько восприняли развившуюся здесь культуру, что она почти целиком, без „кочевых поправок“, становится составной частью их быта. Тем более становится трудно уловить здесь какие-либо отличия, что на всю культуру в целом наложен сильный отпечаток мусульманской культуры; через эту мусульманскую культуру трудно пробиться тем разнообразным влияниям, из которых слагалась культура чуйских поселений. Однако в целом это создавшееся новое культурное явление носит в себе коренные отличия от западных центров, например, от того же Таласа. Особенно ярко это сказалось в керамике. Здесь меньше всего можно наблюдать классические формы мусульманской керамики.

Для анализа особенностей развития культуры Чуйской долины нам придется ее рассматривать в связи с окружающими районами, дабы яснее стали ее специфические черты. Для выяснения конкретных особенностей отметим те основные явления, которые отличают культуру чуйских городищ от западных и северо-восточных соседей.

Время после арабского завоевания, т. е. эпоха вызревания феодализма в условиях Семиречья, четко

выражается на памятниках материальной культуры. Не касаясь сейчас черт, характерных для всей Средней Азии, отметим следующие особенности в отношении Семиречья.

Наиболее восточным выразителем культуры саманидо-караханидского периодов, культуры принятой называть мусульманской, был Тараз.

Уже к востоку от Тараза, как мы указывали выше, на городищах, начиная с Кулана, намечается различие прежде всего в керамике. В то время как в Таразе господствует полива, главным образом самаркандского экспорта для саманидов и местная для XI-XII вв., на городищах к востоку от Тараза поливы чрезвычайно мало. Так например, если в Таразе на 100 кв. м. раскопа жилых построек XI-XII вв, было свыше тысячи фрагментов керамики, то на городище Красная речка на те же 100 кв. м, при тех же условиях слоя (жилой комплекс), было меньше двух десятков черепков. Несмотря на условность этих цифр, принимая всяческие поправки на случайность, нельзя пройти мимо этих фактов. Незначительное количество поливной посуды сразу бросается в глаза на всех городищах, которые нам приходилось копать в Семиречьи. Еще разительней эти явления в Илийской долине, где полива редкость, а там, где она представлена (Кайлак, Талгар), она тускла, плохого качества.

Вместе с тем в этих районах характерным приемом украшения является штамп и особенно резьба по неполивному телу сосуда. В некоторых случаях эта резьба особенно глубока, массивна, очертания орнамента сделаны лекалом крупно. Этот, как мы называем „изразцовый“ орнамент, величина и интенсивность которого зависит лишь от величины самого сосуда, опять же ограничена Чу-Таласским междуречьем и очень слабо представлена в Илийской долине. Естественно видеть в этом факте зависимость культурного приема украшений посуды от искусных гончаров иранского происхождения. Сам же тип орнаментации и развитие этого приема мы видим в прямом влиянии кочевников, донныне еще придающий столь большое значение богато украшенной резьбе на деревянной двери кибитки. С этим фактом мы связывали происхождение того приема декорировки зданий, который получает особенное развитие

в XI—XII в, при господстве тюркской, кочевнического происхождения династии караханидов. Декорированный изразцом портал, лишь с караханидов получивший свое распространение в архитектуре Средней Азии, воспроизводит резьбу по дереву. С этим фактом мы связываем процесс подготовки архитектурного изразца, прошедшего предварительную школу в „изразцовом“ орнаменте на глиняной посуде, имевшим особенно широкое распространение в Северном При Тяньшаньи. Здесь, в междуречьи Чу—Талас этот орнамент получил свое особенное развитие, поскольку здесь формировались силы караханидов, была их столица—город Баласагун.

Хочется отметить и тот факт, что особенно в XI—XII вв. в массу городского населения вливается большое количество бывших кочевников-тюрок. Они внесли в культуру городищ много архаичных элементов, которые представлены в слоях наряду с обычными и уже высокоразвитыми формами. Таковы, например, котлообразные сосуды для варки пищи, архаичные налесты. Выделяется еще один тип керамических изделий, так называемых каракитайских. На городище Баласагуна, в киданьском квартале, обнаружена полуциркулярная черепица сероватосинего излома, имеющая себе аналогии в китайской черепице, в черепицах из Маньчжурии и амурских поселений времени киданей и чжурчженей (городище Фурдучэн). Несомненно, что черепица обязана своим происхождением времени господства каракитаев в Средней Азии.

С ней связаны и круглые орнаментированные налесты, также дальневосточного происхождения, с той лишь разницей, что наружная поверхность украшена орнаментом не китайского типа, а иранского, подобно налестам на саркофагах тюркских каганов в Монголии. Эти объекты являются пока единственными находками собственно каракитайской культуры не только в Средней Азии, но и в Семиречьи. Впрочем, в последнем к группе каракитайских явлений культуры мы еще относим особый тип неполивных чаш в виде опрокинутого и усеченного конуса с массивным венчиком. Распространение этих чаш весьма характерно, они встречаются на городищах Илийской долины и отчасти Чу (на городище Баласагуна) и совершенно неизвестны в Мавераннахре. Подробней о каракитайской культуре мы

скажем ниже, она не ограничена указанными объектами, но в других предметах, связанных с каракитаями, четко прослеживаются источники происхождения каракитайской культуры, в целом ведущей свое формирование из китайских, тангутских, восточно-туркестанских и среднеазиатских компонентов.

Следует отметить также особенности в области поселений Семиречья. Прежде всего, характерна топография. В Чу-Таласском междуречьи города и поселения многочисленны и занимают основные оазисы, вытеснив кочевников в горные ущелья и долины. Культура городищ частично отражена в тюркских могильниках и, будем надеяться, дальнейшие раскопки дадут в этом направлении новый материал. Здесь кочевники не только в культурном отношении, но, мы бы сказали, и топографически, подчинены оседлой земледельческой культуре.

Талас и Чу прежде всего освоены земледельцами. Совершенно иная картина в Илийской долине, где удельно незначительная земледельческая культура занимает места горных речек, топография поселений подчинена трассам торговых путей—южно-илийскому, или восточно-туркестанскому, северо-илийскому, или монгольскому. Кочевники занимают все основные районы долины.

Наиболее существенной чертой различия между городищами Чу-Таласского района или Или является то, что в первом случае городища конструктивно не отличаются от городищ Мавераннахра, имея одну и ту же архитектуру (цитадель, шахристан, рабад, караван-сарай, рибаты и т. д.), илийские городища бесцитадельны, не связаны с теми характерными комплексами, которые мы видим в чу-таласских городищах. Эту черту мы объясняем, во-первых, поздним происхождением илийских городищ (не раньше IX—X вв.), во-вторых, кочевническим характером той первоначальной ставки, которая, будучи обнесена валом, стала впоследствии городом.

В керамике илийских городищ встречаются тамги—излюбленный прием клеймения собственности кочевниками, не наблюдаемый нами в чу-таласских городищах. Важно еще одно обстоятельство, связанное с городищами. В то время, как чу-таласские городища да-

ют в своих культурных слоях почти равномерное распределение костных остатков домашних животных всех видов, в городищах Или, особенно в Кайлаке, подавляющее количество костей принадлежит барану.

К особенностям илийских городищ следует также отнести незначительное количество поливы и исключительное однообразие форм грубых и обычно крупных сосудов для варки и хранения пищи. Такие формы, как пиала, кеса, очень редки и явно не имели широкого распространения. В орнаментации неполивной керамики господствует волнистая линия, наклепной жгут, редкая, не образующая сплошного покрытия, резьба.

Следующей характерной чертой культуры чуйских городищ является более сильное влияние здесь собственно китайской культуры. Это сказывается в увеличении удельного веса в находках вещей китайского производства. Напомним такие находки, как китайское зеркало на Красной речке, изделия из нефрита на городище Кысмычи. Кстати, на последнем были найдены пряжки из нефрита, не отличающиеся особой тщательностью отделки. Более того, одна из пряжек имела следы незаконченной отделки—отсутствие шлифовки, не до конца просверленные отверстия. Благодаря тому, что были найдены две пряжки, путем сравнения удалось подметить эти явления. В частности эти явления говорят о том, что, быть может, китайского типа изделия изготовлялись здесь, в Чуйской долине, китайскими мастерами. Однако такие вещи, как пряжки, еще не могут убедить в том, что китайские ремесленники были в Чуйской долине. Может быть, эти вещи могли попасть к ним из Восточного Туркестана. Более убедительными являются другие факты, говорящие о китайской ремесленной среде в Чуйской долине. Мы имеем в виду фресковую роспись и альсеко на стенах домов, раскрытых нашими работами.

Фреска и альсеко были встречены нами на городищах Красной речки и Ак-пишина во многих местах. О фреске Ак-пишина, как связанной с каракитайской культурой, мы будем говорить ниже. Альсеко Красной речки мы различаем двух типов. Первая представляет собой роспись глинобитных стен краской, типа пастели, в виде крупных очертаний растительного и геометрического орнамента в сочетании с росписью и резьбой.

Упомянутые нами выше такие росписи были обнаружены на шахристане Сарыга (Р. V) и относятся, видимо, к X в. К этому же времени относится и другой тип росписи, обнаруженной, главным образом, на раскопе VIII той же Красной речки. Здесь рисунок наносился на тщательно подготовленную подложку. Последняя производилась следующим образом. Сырцовая стена затиралась тщательно отмученной глиной, в трех направлениях. Один слой сверху вниз, второй поперек и третий опять сверху вниз. В результате излом такой подложки под рисунок имел вид фанеры. По последнему, третьему, слою черной краской, кистью наносился контур рисунка. Штрихи очень легкие, кисть тонкая и черты носят характерные обрывы, являющиеся особенностью китайской манеры письма. Исполненный таким образом рисунок расцветивался главным образом синей и желтой краской. Тематика росписи в основном — изображения букетов цветов, сделанных красной, черной и синей красками

Редко встречаются геометрические орнаменты — перемежающиеся цветные квадраты, сделанные синей и красной красками. В одном случае был обнаружен портрет будды. Обломок росписи, здесь подобранный, сохранил большую часть лица. Черной краской в той же манере нарисовано лицо, с явно буддийскими чертами. На голове шишка приподнимающая волосы (ушниша), на лбу изображение урны, уши оттянуты книзу. Лицо закрашено желтой краской, такой же, какой придан фон всему изображению. Платье и остальные части изображения даны синей краской. Тип изображенного, манера письма с очевидностью изобличают в росписи китайское изобразительное искусство. Само же лицо, особенно рисунок глаз, передает немонгольское лицо. Такого типа росписи, по словам местных жителей-кладоискателей неоднократно встречались во время их своеобразных „раскопок“ городища. Аналогичные росписи, по устному сообщению М. В. Воеводского, были встречены при его раскопках Краснореченского городища в 1929—1931 гг. Очевидно, что китайские росписи в Красной речке — явление не единичное, что говорит о наличии здесь в древности китайских мастеров искусства. Росписи мы датируем докараханидской эпохи, т. е. — VIII—X вв. Это положение

находит своё основание в следующем факте. Как мы выше указали, росписи находятся в постройках, непосредственно следующих за согдийскими домами. Последние опустели, вероятно, в VIII в. Постройки, в которых были найдены альсеко, перекрыты, в свою очередь, постройками XI—XII вв. и им, естественно, по времени предшествуют, т. е. возникли они ранее XI в. Весьма показательна также и манера росписи, характерная и для фресок VIII—X вв., что нам хорошо известно из материалов Восточного Туркестана. Далее, из раскопок на Баласагуне удалось установить тип росписей, характерных уже для Семиречья XII в.

Установить более точную дату альсеко, чем VIII—X вв. сейчас чрезвычайно трудно, так как вообще этот вопрос не разработан археологами и искусствоведами.

Мы опускаем сейчас вопрос о китайском влиянии на культуру Чуйской долины в XII в. связанном с господством здесь каракитаев. Это настолько важный вопрос, что ему мы посвятим особое внимание особенно потому, что раскопки в городе Баласагуне дали исключительно ценный по этому вопросу материал. На описании последних мы сейчас и остановимся.

Городище древнего Баласагуна содержит в себе чрезвычайно интересный материал по культуре каракитаев или киданей. Значительная часть городища названа нами „Киданьским кварталом“ по наличию там остатков киданьской или каракитайской культуры. Центром жизни города в эпоху каракитаев был, видимо, не старый шахристан, а присоединенная к шахристану территория, обведенная валом. Здесь были раскопаны бугры, скрывающие в себе постройки XII вв.

Одна из таких построек, после вскрытия, дала небольшой буддийский храм, можно полагать, типа чатьи (?). Он представляет собой вытянутое в виде прямоугольника помещение из сырцовых кирпичей, с длиной сторон 6.45 м x 13.60 м. Вдоль помещения в центре тянется возвышение размером 11 x 3.25 м. при высоте 0.20—0.70 м. Постройка сильно пострадала от явно насильственного разрушения. По оставшимся фрагментам декорировки здания можно составить представление о его первоначальном облике. Все стены были украшены лепными из глины статуями и другими украшениями. К таковым принадлежали сделанные из лесса с сама-

ном статуи, фризы, полуколонки, налесты, карнизы имеющие растительные и животные мотивы. Удалось найти фрагмент птицеподобного существа, части человеческого тела с весьма характерными складками платья, напоминающие собой античную традицию трактовки одежды. Найден также фрагмент головы статуи с рисунком волос. Все фрагменты несут на себе следы интенсивной сплошной окраски, причем преобладают тона красный, голубой, черный, белый и желтый. В большом количестве среди этих фрагментов встречаются изображения лепестков лотоса.

Кроме глиняных фрагментов здесь также были найдены и фрагменты изваяний. Среди них должны быть отмечены следующие: цветок лотоса с сохранившимися на нем ступнями ног, видимо, будды и, наверное от него, часть головы с характерно трактованными волосами; фрагмент малого изображения, вероятно бодисатвы, сохранившегося по пояс; кусок карниза с изображением льва в геральдической позе, изображение льва дано в профиль с поднятой левой лапой; обломок черепахи, а также множество осколков лотоса и карнизов с растительным орнаментом. Весь характер находок и руины вскрытой постройки, ее план, а также отсутствие бытового инвентаря с несомненностью свидетельствует о функции вскрытой постройки—как о буддийском храме. Храм был весьма нарядной постройкой. Внешний его вид был весьма вычурно декорирован налестами, содержащими разнообразный орнамент.

Глиняные фрагменты статуй и части украшения здания находят себе аналогии в восточно—туркестанских образцах аналогичного искусства XI—XII вв. В известной мере аналогичен и план храма, особенно он сходен с Шикшинскими планами храмов. Несколько особо стоит группа изображений из камня. По Восточному Туркестану мы таких явлений не знаем, но зато найдем в китайской технике каменотесного дела Танской и Сунской эпох, и скорей всего в скульптурных образцах поздней Гандары (Северная Индия).

Во втором здании, еще до конца не исследованном, экспедиция вскрыла 4 комнаты и часть внутреннего двора, сложенных в основном из сырцевого кирпича. Как и на всех буграх киданьского квартала сначала

шла типично каракитайская черепица с налестами, указывающая на обвалившуюся здесь крышу. Кроме сырцевого кирпича, был найден также кирпич серо—синий в изломе, той же техники, что и черепица. Характер инвентаря, обнаруженного в помещении, был весьма разнообразен. Здесь была найдена керамика типично караханидская, местная—фрагменты поливных чаш с белой глазурью и подглазурным буквенным орнаментом. Затем, весьма любопытны обломки от больших хумообразных сосудов, покрытых двухсторонней коричневой плотной поливой. Такие сосуды известны нам из Харахото и эти фрагменты прекрасно свидетельствуют об элементах тангутской культуры. Не меньший интерес представляют и фрагменты китайской керамики сунского времени, белый плотный черепок с блестящей поливой и подглазурной росписью в виде подтеков, столь характерный для этого времени. Среди другого материала отметим китайские монеты, правда с датой „Кай-Юань“ (719—734), но как известно, бытовавшие вплоть до монгольского времени. Уже из перечисленных элементов культуры киданьского квартала Баласагуна наглядно выступает ее дальневосточное, китайское происхождение и скрещивание ее с местной культурой—среднеазиатской. Наибольшим показателем последнего являются налесты на черепице, тип которых подсказан китайским налестом, а орнаментация представляет собой типично среднеазиатский мотив—в сасанидском орнаментальном круге—растительный барельеф.

Постройка рядом с храмом состояла из сравнительно бедных комнат (разм. 1.80x1.65 м) с гладкими стенами и кухонного помещения, у очагов которого были найдены целые сосуды. Постройка вскрыта еще не вся, но по раскопанной части складывается впечатление, что мы здесь имеем дело с монастырем, малые комнаты постройки соответствуют кельям, а примыкающий к постройке и раскопанный нами храм был храмом общины живущих здесь же монахов. План здания увязывается с аналогичными памятниками Восточного Туркестана, например в Турфанском оазисе (Сенгим-Агыз).¹ Весь комплекс, будем условно называть, монастырских раз-

¹ Ср. С. Ольденбург, Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 гг., СПб, 1914, стр. 41—42.

валын, занимает площадку длиной 71x100 м, что почти соответствует размерам монастырей, исследованных С. Ф. Ольденбургом в Сенгим-Агызе. Аналогична и ориентировка здания углами по странам света. Своеобразная и яркая культура, исследованная в развалинах Баласагуна, несомненно связана с каракитаями или киданями, которые, по свидетельству письменных источников, во второй половине XII века имели в городе Баласагуне свою столицу. Обнаруженные памятники имеют выдающуюся ценность. История каракитаев совершенно почти не была известна науке. Лишь отрывочные сведения их политической истории имеются в китайских и некоторых мусульманских источниках. По вопросу о культуре каракитаев наши раскопки дали по существу первый, научно документированный, материал. Согласно ему можно сделать один важный вывод, выходящий за пределы Северной Киргизии. Каракитаян внесли в Среднюю Азию новую струю китайской культуры, но в условиях Чуйской долины сами претерпели сильное влияние среднеазиатской культуры. На этой базе создалась своеобразная киданьская культура, не успевшая развиться более ощутительно в виду поражения каракитаев в начале XIII века и недолговременного их здесь существования. Этим объясняется факт очень ограниченного ареала распространения киданьской культуры не только в Средней Азии, но и в самой Чуйской долине и лишь отдельные центры Чуйской долины сохранили нам ее следы.

Подведем краткие итоги развитию культуры в период VII—XII вв.¹ Существенной стороной этого периода является резкое увеличение городской жизни и формирование типично-феодального города, где наряду с укрепленным центром богатых—шахристаном, вырастают торгово-промышленные предместья—рабады. Если сложение города относится к саманидскому периоду IX—X вв, то расцвет падает на эпоху караханидов XI—XII вв.

¹ Историческую характеристику эпохи см. В. Бартольд, Туркестан в эпоху Монгольского завоевания, ч. II, его же, Очерк истории Семиречья, Верный, 1898 г., его же— О христианстве в Семиречьи в домонгольский период, ЗВО, т. VIII, в 1—2.

В саманидскую эпоху в Северной Киргизии продолжают политически господствовать, по всей вероятности, кочевники. Особенно это относится к Чуйской долине. Иссыккульскую котловину занимают джикили, сохраняющие в большей степени кочевой быт, чем карлуки. Карлуки являются владельцами целых городов и селений. Видную роль продолжают играть и тюргеши. Саманиды, особенно в лице Исмаил ибн Ахмада, дошедшего до Тараза, не осуществляют политического контроля над Чуйской долиной. Показательным в этом отношении является отсутствие монет саманидского чекана и бытование здесь тюргешской монеты вплоть до илеков.¹ Отсутствие саманидской монеты говорит также о том, что по всей вероятности оживленная торговля с кочевниками, которая здесь происходила, была меновой. Торговые пути находились в руках кочевников и они заселили отдельные участки караванного пути. Так, например, кочевья карлуков были на участке между Таразом и Куланом, в местностях Кульшуб и Касри-бас, тюргеши по Чон-Кемину, джикили по берегам Иссык-Куля. Этнически разнообразное население городов в основном было ирано-тюркское. Иранцам принадлежала здесь ведущая роль в ремесле. В их руках было строительное дело, керамическое производство, земледелие, в известной степени и торговля. С саманидской эпохи в строительстве широко применяется сырцовый кирпич в кладке. Иранские художники украшают здания росписью и резьбой, при чем и в том и в другом случае преобладают мотивы геометризованного растительного орнамента в виде бегущей лозы, комбинирующейся с геометрическими виньетками. Наряду с иранцами бытует в произведениях художественного ремесла и рука китайского мастера, более вольного в тематике украшений и приносящего в росписи вместе с цветами и изображение человеческого лица, восходящего к буддийской иконографии. Иранские мастера являются мастерами в гончарном производстве. Им принадлежит выделка сосудов на гончарном кругу, в основном еще неполивных, но сделанных на продажу. Два типа сосудов преобладают в это время: баночнообразные со-

¹ А. Н. Бернштам, Тюргешские монеты, Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа, т. II, 1940 г.

суды для варки пищи и высокогорлые сосуды для хранения жидкостей. В быту имеет хождение и т. н. поздняя согдийская лепная посуда, с красным или желтым лощением и грубая с тестом плохого изготовления, с низкой температурой обжига, так же лепная посуда кочевников. Эта домашнего изготовления посуда принадлежит не ремесленникам, а составляет продукцию женского домашнего труда.

В области земледелия ведущее значение принадлежало иранцам, хотя по письменным источникам известно, что и часть тюргешей занималась земледелием. Еще для VIII века имеются указания китайских источников, что поля Чуйской долины орошаются снеговой водой, т. е. для полива использовалась главным образом вода горных рек, а не р. Чу. Воду последней, видимо, было трудно поднять на верхние террасы, где были расположены города. Вместе с тем осваивается пойма Чу, где имеются развалины укрепленных поселений, несомненно относящихся и к этому времени.

В конце X века в основном на территории Киргизии возникает новая династия средне-азиатского масштаба — караханидская. Прямым следствием этого процесса было приобщение Чуйской долины к мусульманскому миру. Если для саманидов Тараз в известной степени был включен в средне-азиатский мир, а Чуйская долина и все за ней последующее на восток сохранило автономность, то теперь и она оказывается втянутой в этот процесс. Фактически обе столицы первых караханидов мавераннахрского и семиреченского уделов находились на территории Киргизии — первого в Узгенде, второго в Баласагуне. Как первая, так и вторая столицы отмечены первоклассными памятниками архитектуры в частности минаретами мечетей, из которых минарет „Бурана“ более ранний памятник, чем узгендский. Будучи самыми ревностными покровителями ислама, караханиды определяют этим самым пути развития культуры и в Северной Киргизии. При них наблюдается увеличение единообразия развития культуры Чуйской долины во всей Средней Азии, хотя и не в полной мере, как мы это старались выше показать. Мы уже отметили классический памятник мусульманской архитектуры — минарет „Бурана“. Наряду с сырцовым кирпичем увеличивается использо-

вание в частных постройках жженого квадратного кирпича. Вместе с росписью альсеко появляется фреска, и штукатурные украшения внутри зданий, резьба по гипсовым лепным украшениям. Показателем мусульманского влияния является написанное в Баласагуне в 1069 г. дидактическое произведение „Кудатку билик“, в котором городская жизнь противопоставляется кочевой и трактуются формы феодальных отношений, как основное условие успешного процветания государства. Рост городов при караханидах имеет свое яркое выражение в росте рабадов и включении в ремесленную жизнь местного тюркского населения, о чем говорит и тюркская терминология „Кудатку билик“ и сообщение тюркского словаря того же XI в., составленного Махмудом Кашгарским. Сельское хозяйство продолжает развиваться. Наряду с возделыванием зерновых культур (ячмень) существует и виноградарство и винодельное производство.

Значительную роль в культуре семиреченских илеков играли уйгуры. С ними должно быть связано вероятно дальнейшее существование здесь китайской культуры в ее восточно-туркестанском варианте. Иранское мастерство в ремесле получает свое дальнейшее развитие и наряду с предшествующей керамикой появляется уже поливная посуда местного производства. Усиливающаяся оседлость документируется появлением новых городов. Последние свидетельствуют также и об организации новых торговых путей. Развитие и торговли и торгово-денежных отношений вызывает к жизни новый чекан монеты — караханидских дирхемов, целиком и полностью уже подражающих мусульманскому куфическому образцу. Чекан монеты был местный, в старых культурных центрах Семиречья. Наиболее близким к Чуйской долине монетным двором был Тараз, а употребление в чекане иногда уйгурского письма подтверждает влияние уйгур и преемственность от старого типа монет, где легенда монеты всегда была написана согдийской вязью. Наряду с монетным делом развивается и металлургическая деятельность.

На территории Северной Киргизии известен ряд горнодобывающих промыслов, организованных здесь еще в предшествующую эпоху, но продолжающих

существовать и сейчас, например, в Таласской долине. У города Шельджи были экспедицией обнаружены следы мощного железодельного производства, — шлаки, руда, печи, причем специалисты металлургии указывают, что в плавке железа местные мастера достигли высокого уровня, подойдя вплотную к изготовлению чугуна. Памятниками металлургического производства являются находки железных и бронзовых поделок. Тематикой последних (бронзовых украшений) были весьма архаические представления — солярный культ.

Развитие металлургического производства документируется терминологией словаря Махмуда Кашгарского, а также эпитафическим материалом.

Развитие оседлости и проникновение ее к кочевникам, доказывается не только наличием в городах большого количества тюркского населения, ассимилировавшее иранское, но и такими памятниками, как кочевническими погребениями верхнего Таласа, где под типично кочевнической курганной насыпью, могилы сделаны уже из сырцового кирпича, как бы воспроизводя сырцовую постройку, воздвигаемую кочевниками на своих зимовках. Среди этих кочевников существовали еще пережитки родового строя, о чем говорят коллективные захоронения в таких больших курганах, являющихся, видимо, родовым кладбищем патриархальной семьи.

Несмотря на эти пережитки, все же следует признать, что при караханидах наступает господство феодальных отношений, нашедшее свое яркое выражение в культуре описываемого периода. 1141 годом можно датировать крушение караханидов в Семиречьи, когда власть переходит в руки выходцам из Маньчжурии каракитаем или киданям. На территории Семиречья их первым правителем Елюйдаши было образовано государство западных каракитаев или киданей под названием Си-Ляо, т. е. „западное Ляо“. Те, пока немногочисленные памятники культуры каракитаев, которые стали известны благодаря нашим раскопкам, говорят о новой струе китайских влияний на Киргизию, но, видимо, опосредствованных культурой Восточного Туркестана. Важным фактом является для этой эпохи уменьшение роли мусульманства,

вытесняемого буддизмом. Весьма любопытным фактом является одна находка. За все время наших раскопок городов мусульманского времени только в киданьском квартале города Баласагуна были найдены кости домашней свиньи. Как известно, мясо последней мусульмане не употребляли, а каракитай разводили свиней, о чем говорят китайские источники. В манере каменнотесного дела и изготовления таких вещей, как каменный барельеф с львами, мы склонны видеть больше традицию иранского мастерства, идущего вглубь веков, чуть ли не к ахеменидским барельефам, чем в китайской технике плоскостного рисунка резьбы, идущей еще от Шаньдунских барельефов. На синкретизм каракитайской культуры и иранской-среднеазиатской мы выше указывали.

Активный процесс вытеснения мусульманства, усилившийся при последних каракитаях, а особенно при узурпаторе Кучлуке в начале XIII века, вызвал озлобление местных мусульман. Когда каракитай, в результате их войн с Хорезмшахом Мухаммедом, ослабли и когда покачнулась роль Кучлука в 1208 г. под влиянием успешных выступлений монголов, сначала под предводительством Хубилая, а затем Джебенойона, мусульмане дают реванш. Известны также восстания мусульман против каракитайских наместников, убийство последних и такие восстания, как в Восточном Туркестане восстание Бузара, вошедшего в родство с монгольскими правителями. Быть может памятником такого восстания и является раскопанная нами постройка, где явны следы насильственного ее разрушения и разгрома.

Время каракитаев имеет особый интерес для истории Киргизии и в другом отношении. Известно, что каракитайская империя распространилась от Енисея до Таласа. По имеющимся у нас сведениям и на территории Минусинского края в 1940 г. были найдены остатки киданьской культуры, что опять же подтверждают данные письменных источников. Киргизия при каракитаях оказалась связанной с Енисеем. Несомненно, что это было благоприятным условием для дальнейшей передвижки кыргызских племен Енисея на Тяньшань. Намечающиеся по археологическому материалу культурные связи Енисея и Тяньшаня, не

могли не быть обусловленными и связями этническими. Если для эпохи монголов имеются данные для утверждения вопроса о передвижении кыргызов на Тяньшань, то тем более это должно быть отнесено ко времени киданей. Здесь мы сталкиваемся с началом третьего этапа движения кыргыз к Тяньшаню.

IX КУЛЬТУРА СЕВЕРНОЙ КИРГИЗИИ В ПОСЛЕМОНГОЛЬСКИЙ ПЕРИОД.

Как и во всем Семиречьи, так и в Северной Киргизии в послемонгольский период осталось очень мало памятников старины. Объясняется это фактом монгольского завоевания во время которого были уничтожены городские центры и оседлая земледельческая жизнь. На р. Таласе продолжал свое существование г. Тараз, в Чуйской долине, по свидетельству Джувейни, еще продолжал свою жизнь Баласагун под новым названием Гобалык, т. е. „хороший город“. „Хорошим“ он был назван монголами потому, что он не оказал последним сопротивления. Этого сопротивления он и не мог оказать в силу тех обстоятельств, что он был разрушен и ослаблен борьбой жителей города с каракитаями в период борьбы каракитаев с Хорезмшахом Мухаммедом в начале XIII в. Монгольское завоевание оставило свой след в виде разрушенных городищ, следов пожара и разграбления. Города как центры культурной жизни прекратили свое существование. Видимо, получает свое развитие культурная жизнь позднее середины XIII века. Главным участником созидательной жизни этого периода следует считать христиан—несторианцев, которые в условиях монгольского ига, здесь, в Семиречьи, пользовались относительной свободой. О христианах ремесленниках упоминают западно—европейские путешественники, а наиболее ярким документом о наличии здесь в XIII—XIV вв. христианского—несторианского населения—говорят несторианские кладбища. В северной Киргизии и

есть два таких крупных кладбища, достаточно широко известные мировой науке: это, так называемое, Токмакское, около минарета „Бурана“ и Пишпекское к югу от города Фрунзе (см. выше гл. I). Несторианские надгробия представляют собой крупную гальку, в центре которой вырезан крест, а кругом него выгравирована надпись, сделанная сирийским письмом и на сирийском языке.

Несторианские надписи, как правило, относятся к монгольской эпохе. Среди них имеются явно более древние, — времени караханидов и киданей. Так древнейшая надпись датируется 1095 г. Имеются и надписи 1201 г., т. е. также еще домонгольского времени. Ранние надписи и внешне отличаются своими палеографическими данными — более крупным очертанием букв. Многочисленный эпиграфический материал, обнаруженный здесь, показал одну любопытную деталь, а именно, что среди несториан было большое количество тюрков, особенно племен канглов, принявших христианство. Об этом говорит ряд находок надгробных плит с крестами и надписями, имеющими тюркские имена. Эти же надписи дают иногда и титул умершего из чего мы заключаем, что несторианцы были и ремесленниками. Так, на городище Красная Речка было найдено надгробие, сделанное из обожженной глины (обычно все надгробия вырезались на гальке), где с христианским именем „Георгий“, имелся титул „темирчи“ — т. е. „кузнец“.¹ К вещам, изготовленным этими ремесленниками, следует отнести случайные находки типа „кашгарского“ блюда из Эрмитажа, стволы медных подсвечников, хранящихся в Фрунзенском музее краеведения. В них очень характерно сплетение мотивов христианского искусства с кочевническими орнаментами и мусульманскими надписями.

По существу, за исключением отмеченных выше несторианских памятников, для XIII-XIV вв. мы не имеем вещественных памятников материальной культуры этого периода. Абсолютно неясна и жизнь городов, которые в своей стратиграфии, кроме углей пожара, не отразили по существу ничего.

¹ Прочтена А. Я. Борисовым, старшим научным сотрудником Гос. Эрмитажа.

Некоторые сведения об оседлой земледельческой культуре по Или, Чу и Таласу сообщает еще Чан-Чунь, проехавший вскоре (1221 г.) после монгольского завоевания через эту страну. Он подтверждает сообщения своих предшественников Елюй чуцай (1219 г.) и Вугусунь (1220 г.) о том, что здесь еще была земледельческая жизнь и указывает, что в междуречьи Чу-Талас жители занимаются шелководством и виноделием, сохраняется еще поливное земледелие. Однако, к середине XIII в. исчезают почти все города. Об этом говорят не только археологические памятники, но и письменные источники, сообщения западноевропейских авторов—Рубрука (1253 г.) и китайских—Чжандэ (1259 г.) о развалинах городов и господстве пастбищ. Кочевая культура вытеснила оседлую. Характерно, что молчат о городской жизни и мусульманские авторы.

Не изменяется это положение и с падением монгольского владычества в 1347 г. и вхождением Киргизии в состав Могулистана, управлявшегося тюркскими эмирами Токлук Тимуром и Пуладчи. Жители страны получили в государстве Тимура и Тимуридов название „джете“, т. е. „разбойников“, чем подчеркивается отношение земледельцев к кочевническому населению.

Оседлая жизнь здесь возобновляется лишь при Тимуре в конце XIV века. Еще в 1370–71 г. Тимур доходит до Кочкарки, а первый крупный поход относится к 1375 г. После этого, походы Тимура идут почти каждый год в Могулистан, причем в основной своей части они связаны с Киргизией (1376, 1377, 1383, 1390 гг.). Готовясь к большому неосуществленному походу на Китай, Тимур решил обеспечить свой тыл возобновлением части старых городов, создав из них крепости и базы. Из серии обследованных нами городищ два из них имеют бесспорные следы восстановительной деятельности Тимура. Одно из них находится непосредственно на территории Северной Киргизии—имеем в виду городище Садыр-Курган на Таласе, в Кировском районе, другое в 3 км. от границы Киргизии и Казахстана в сторону Мерке,—городище Аспара.

Отмеченные городища отличаются своей исключительной монументальностью и обширностью. Так, например, цитадель Садыр-Кургана высотой в 12 м. от

подошвы, Аспара 18 м. Объясняется это тем, что Тимур, видимо, восстанавливал и надстраивал старые стены, укреплял их новыми башнями. Стены очень массивны и имеют, например в Аспаре до 5 м. высоты и 18 м. ширины у подошвы. Реконструированные Тимуром городища в первую очередь восстанавливались как крепости, военные лагеря. Видимо для содержания в последних большого количества скота и выстроены дополнительные стены, охватывающие огромные пространства в десятки га. Здесь нами не наблюдались следы долгой культурной жизни. Таковы огороженные площади в городищах, примыкающих к старому шахристану, — в Садыр-Кургане, Аспаре и Кысмычи. Эти площади не имеют следов культурного слоя, они служили местом где могли содержаться военные отряды со своими лошадьми.

Естественно в тимурских городищах была и своя городская, в буквальном смысле слова, жизнь. Доказательством этому служит раскоп на городище Садыр-Кургане, где была вскрыта часть жилой постройки. В ней оказались неполивная посуда „кухонного“ типа, в виде горшков с петлеобразными ручками у закраин, кувшины с вертикальными ручками и пр. Обращает на себя внимание сосуд голубоватой поливы с бедным орнаментом, украшенный налепами в виде шишечек. Такие шишечки имели магическое значение, и должны были, по представлениям того времени, отгонять злых духов от пищи, которая хранилась в сосуде. Среди находок характерны голубого цвета гладкие плиты, а также блюда и пр. Комплекс находок хорошо датируется монетами Шахруха, сына Тимура и показывает, что после Тимура городище продолжало свое существование.

Хорошо известно, что Тимур пользовался в целях своего воздействия на завоеванные им страны не только оружием. Наряду с последним он широко применял и меры идеологического воздействия, строя гигантские мечети, в которых он пытался передать силу и мощь своей персоны, опирающейся на ислам. К таким памятникам относятся прежде всего мечеть в г. Туркестане и сделанные для нее бронзовый котел и подсвечник. К меньшему по масштабу явлению следует отнести и относящуюся к эпохе Тимура построй-

ку в глубине Таласской долины известную под названием „гумбез Манаса“.

„Гумбез Манаса“ представляет собой квадратный в плане мавзолей с купольным перекрытием и богато орнаментированным порталом. Хотя портал украшен т. н. неполированным изразцом, характерным для карахандской эпохи XI-XII вв, вместе с тем орнаментальные мотивы, в которых явно преобладает рисунок растений, показывает более позднюю дату. К этому склоняет и надпись на портале, которая сообщает, что мавзолей построен в честь некой Кенизек-Хатун, дочери эмира Бука.¹ Последний вероятно был одним из сподвижников Тимура. Таким образом, описанный гумбез не имеет никакого отношения к Манасу и является памятником XIV-XV вв. Указанные надписи согласуются и с данными раскопок внутри гумбеза, в котором были обнаружены две могилы, видимо принадлежащие эмиру Буке и его дочери Кенизек-Хатун.

Этой группой вещественных памятников исчерпывается наше знакомство с памятниками эпохи Тимуридов в Северной Киргизии. К последующему времени мы можем отнести лишь случайные единичные и еще не изученные находки. К таковым могут быть отнесены находки кольчуги, случайно обнаруженной во время строительства дороги Калининское—Сусамыр, кольчуги вероятно XVII в. времени джунгар (XVI—XVIII). С территории Тяньшаня (Атбаш) известны лемеха плугов китайского происхождения, видимо тех же джунгар, при которых получает некоторое развитие земледелие. К несколько более раннему (XVI в.) времени следует отнести акуленские камни (около Иссык-Куля) с тибетскими и уйгурскими надписями религиозного буддийского содержания и целый ряд других им подобных находок, например, предметы ламаитского культа, буддийские статуэтки и пр.

В эпоху XVI—XVIII вв происходит последнее переселение кыргызов с Енисея, к кыргызам, жившим на Тяньшане издавна. Характерно, что Мухамед Хайдер для 1540 г. кыргызов считает уже аборигенами Тяньшаня. В XVIII веке заканчивается процесс освоения кыргызами Тяньшаня.

¹ Надпись читалась В. Бартольдом, М. Массоном, А. Беленицким.

В культуре недавнего прошлого киргизского народа уже этнограф мог наблюдать ряд явлений, исключительно ярко несущих в себе воспоминание древних времен. Нельзя в этой связи не вспомнить гумбезы Таласской долины у селения Орловка, которые в своей архитектуре, несут следы воспоминаний построек среднеазиатского средневековья. Удивительная по выразительности фресковая роспись внутри них, напоминает старые образцы, а изображения живых существ, столь запрещаемое исламом, прекрасно показывает происхождение художника из кочевой среды, далеко не являвшейся ревностным хранителем идей ислама. Руке такого художника, возможно, принадлежат и изображения техникой графитио людей, лошадей, горных козлов, выгравированных иногда на скалах, иногда внутри гумбезов. В начале второй половины XIX века начинается активное влияние русской культуры. Роль и значение культуры узбекской и русской выходит за рамки исследований археолога и становится предметом изучения этнографа. В XIX веке в культурную жизнь кочевников кыргыз проникает оседлая земледельческая культура узбеков в лице кокандской экспансии и появляются связанные с ней поселения (Пишпек, Токмак).

В материальной культуре кыргызов, ныне ставшей предметом изучения этнографов, мы наблюдаем ряд таких явлений, которые своими корнями уходят в весьма далекое прошлое, как культура Кенкольского могильника и многое др. Не случайно и киргизский народ, все памятники старины, частью отображенные в настоящей работе, связывает со своим прошлым, художественно интерпретирует в своем эпосе „Манас“. Совершенно ясно, что многочисленные памятники, которые связываются с именем Манаса, не имеют к нему никакого отношения, но тем более становится понятным близость киргизского народа к памятникам древности своей страны, в которых он живо ощущает свою богатую событиями прошлую историю.

Ленинград, декабрь 1940 г.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие редактора.	стр. 5
Введение	стр. 9
ГЛАВА I. Основные этапы археологического изучения Северной Киргизии	стр. 11
ГЛАВА II. Древнейшие этапы истории Северной Киргизии	стр. 18
ГЛАВА III. Скифы—саки Северной Киргизии VII-IV вв. до нашей эры	стр. 24
ГЛАВА IV. Усуньский племенной союз III века до нашей эры—I века нашей эры	стр. 34
ГЛАВА V. Северные гунны на Тяньшане I в. до нашей эры—II века нашей эры.	стр. 45
ГЛАВА VI. Согдийская колонизация V—VI вв. и запад- но—тюркский каганат VI—VIII вв. нашей эры	стр. 55
ГЛАВА VII. Историческая топография Северного Притянь- шанья в VIII—XII веках нашей эры	стр. 66
ГЛАВА VIII. Культура городов Северного Притяньшанья в VIII—XII веках нашей эры	стр. 87
ГЛАВА IX. Культура Северной Киргизии в послемонголь- ский период	стр. 106
Археологические карты.	
Таблицы.	

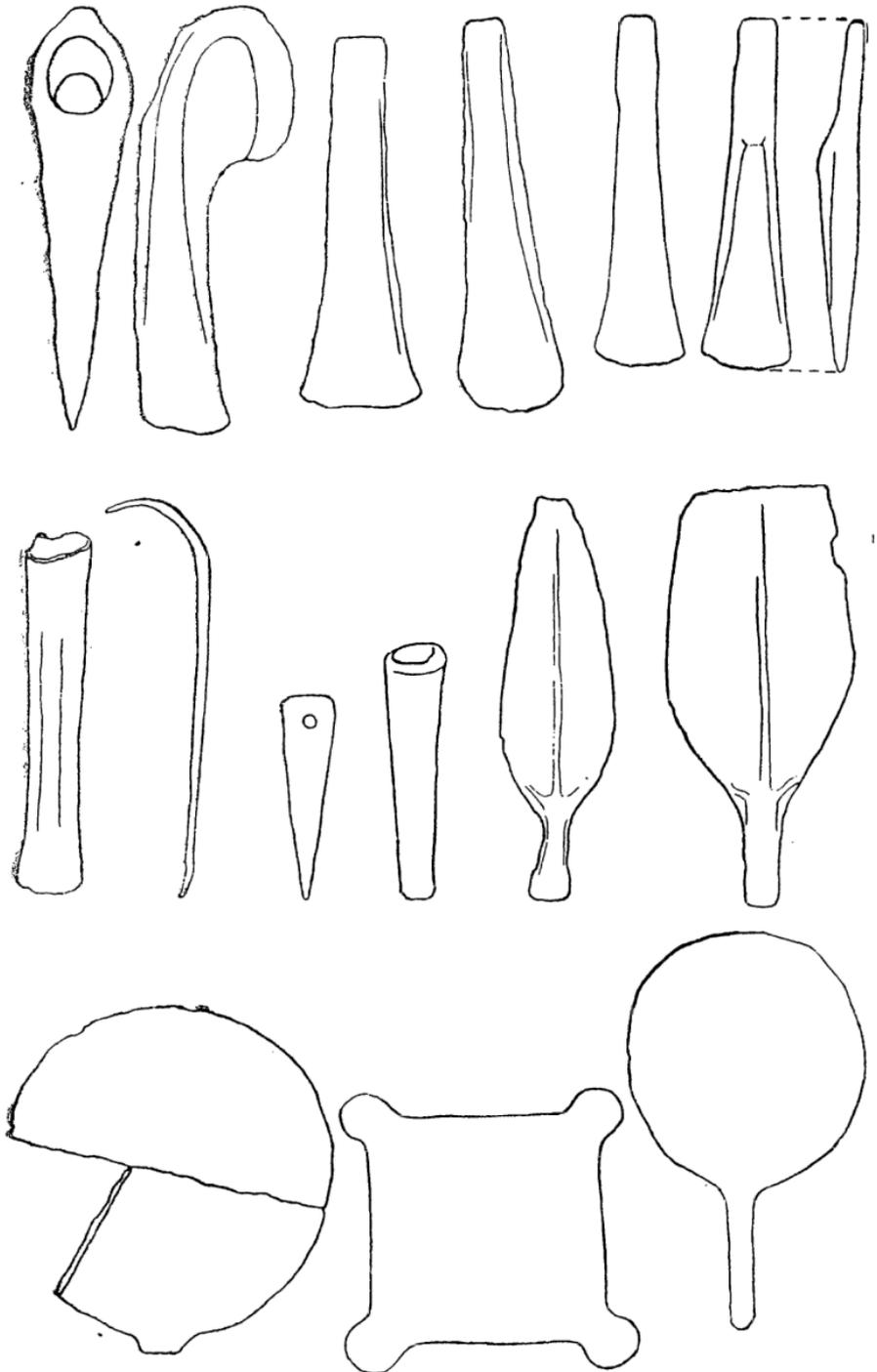
Тех. ред. Вепринский Г. А.

Корректор Князевский Б. П.

Подписано к печати 22-VII—1941 г. 9 п. л.,
36.100 знаков в печ. листе. Д 3738. Зак. № 721. Тираж 3000.

Типография Комитета Наук при СНК Киргизской ССР
г. Фрунзе, ул. Дзержинского, д. № 51

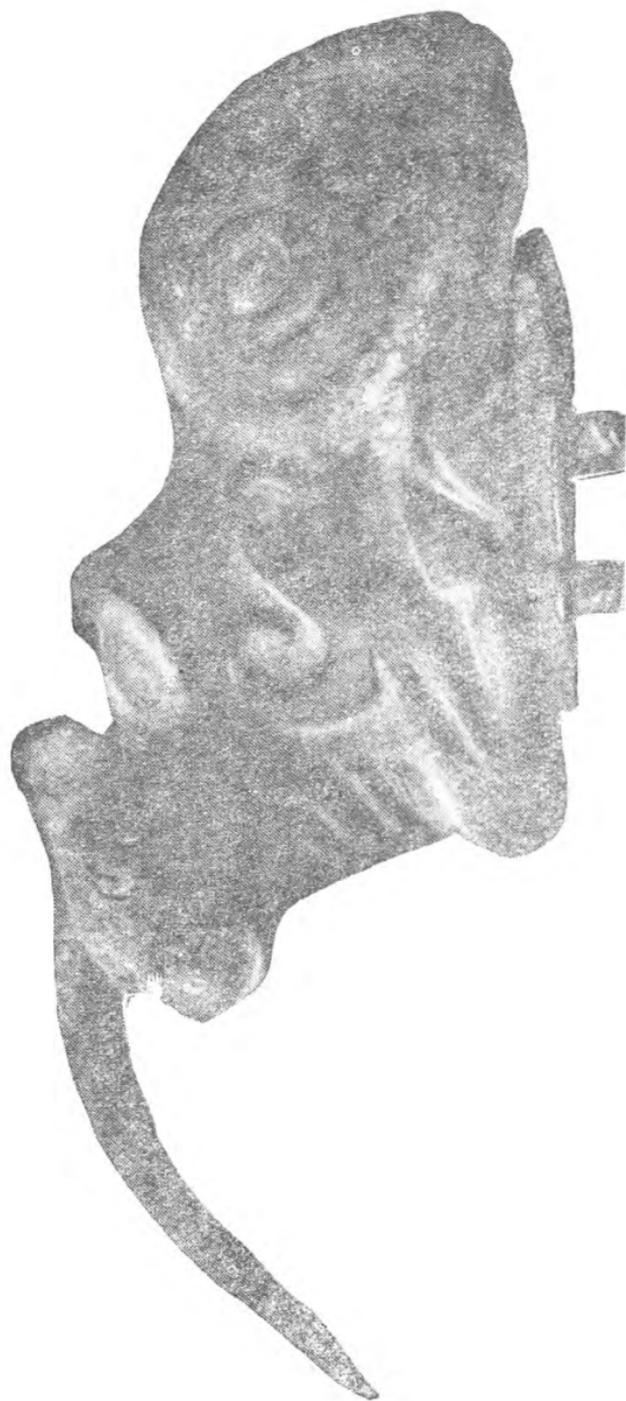
ТАБЛИЦЫ
ПЛАНЫ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КАРТЫ

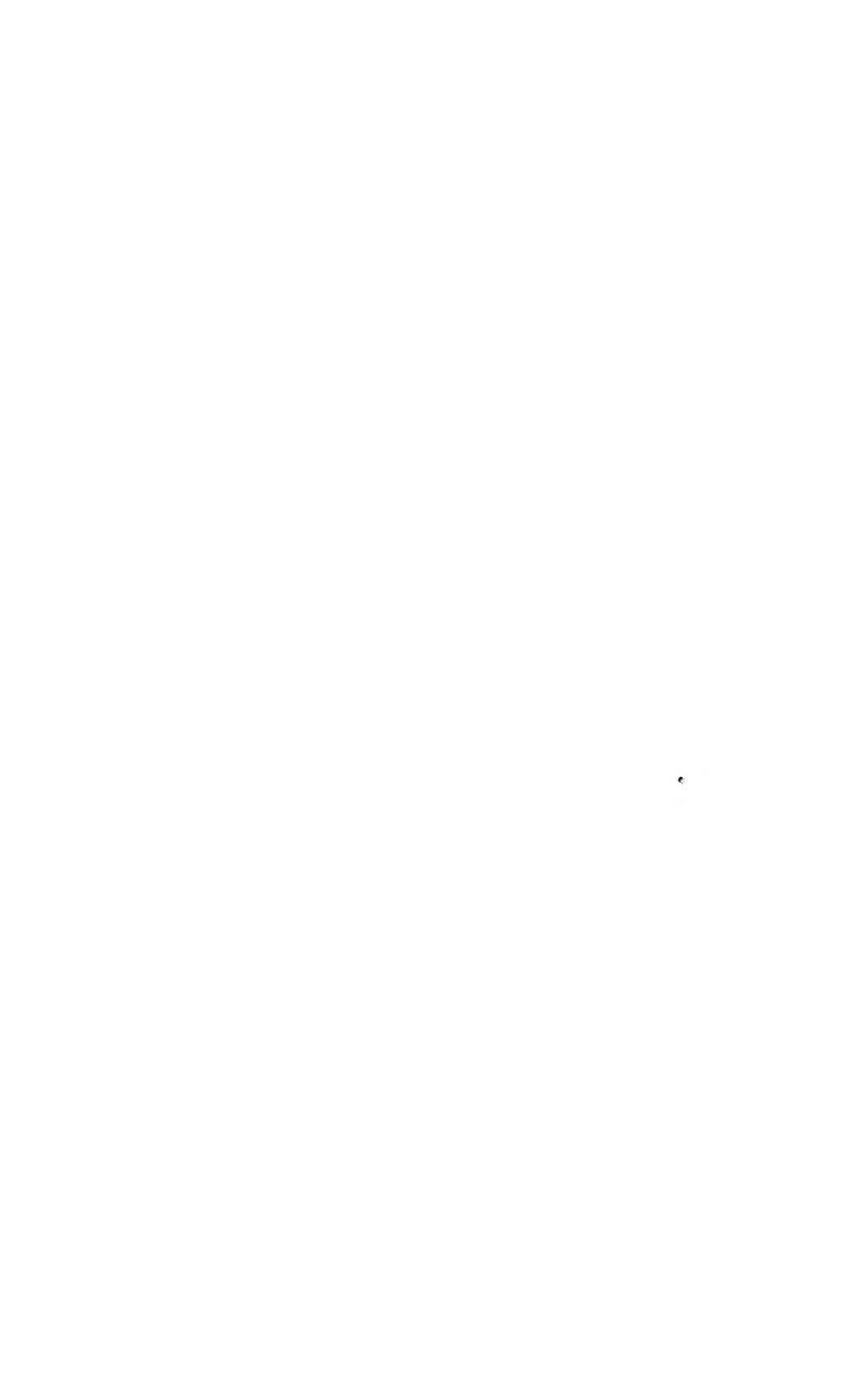
1. Предметы бронзового века середины II-го тысячелетия до н. э.
(Кагановичский район, р. Сукулук).

2. Светильник V—IV вв. до н. э. Бронза. Иссык-Куль.

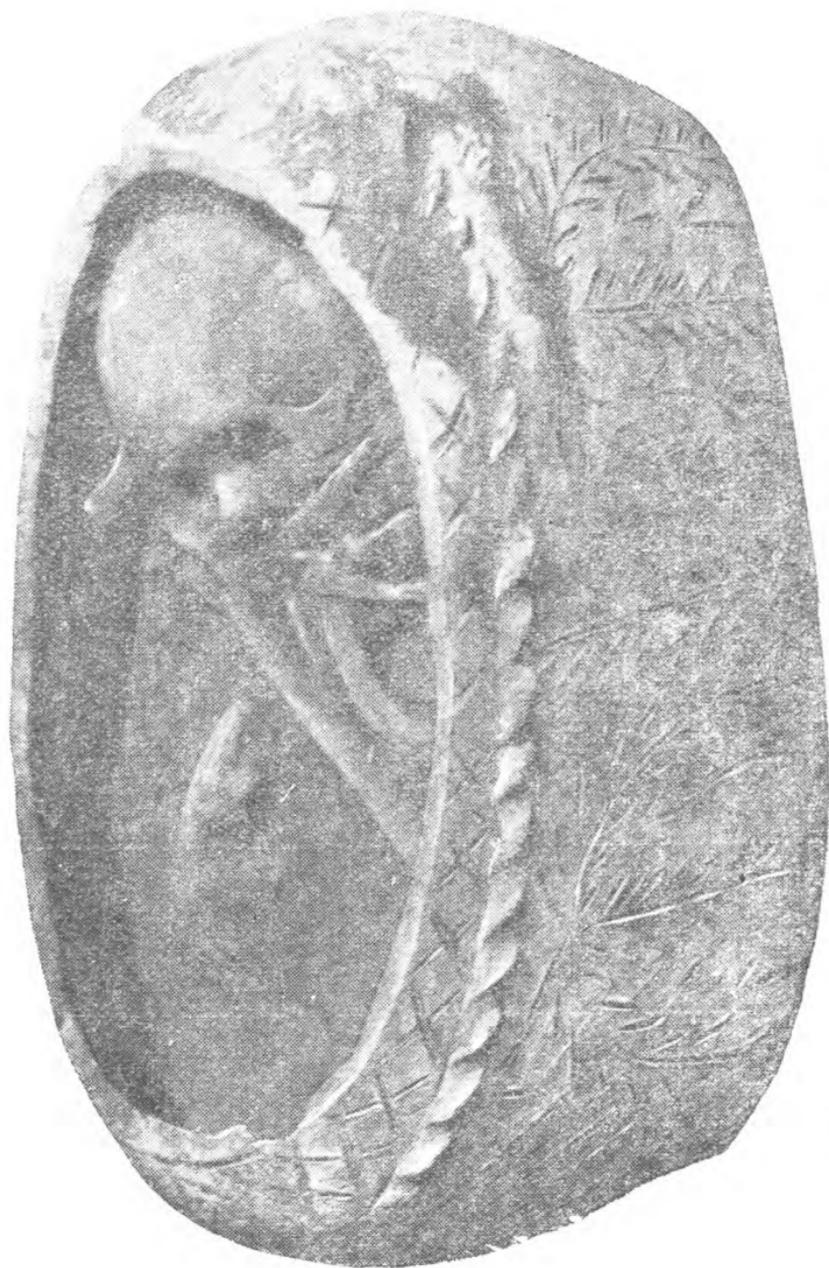
3. Бронзовая фигурка быка V—IV вв. до н. э. Иссык-Куль.

1. Оссуарий V—VII вв. г. Сарыг (Красная Речка) Р. 1. Снято во время раскопок.

•

5. Оссуарий V—VII вв. с костяком человека. г. Сарыг (Красная Речка) Р, 1.

6. Ручка с согдийской надписью: „Да будет полным“. VII—VIII вв. г. Сарыг (Красная Речка). Подъемный материал.

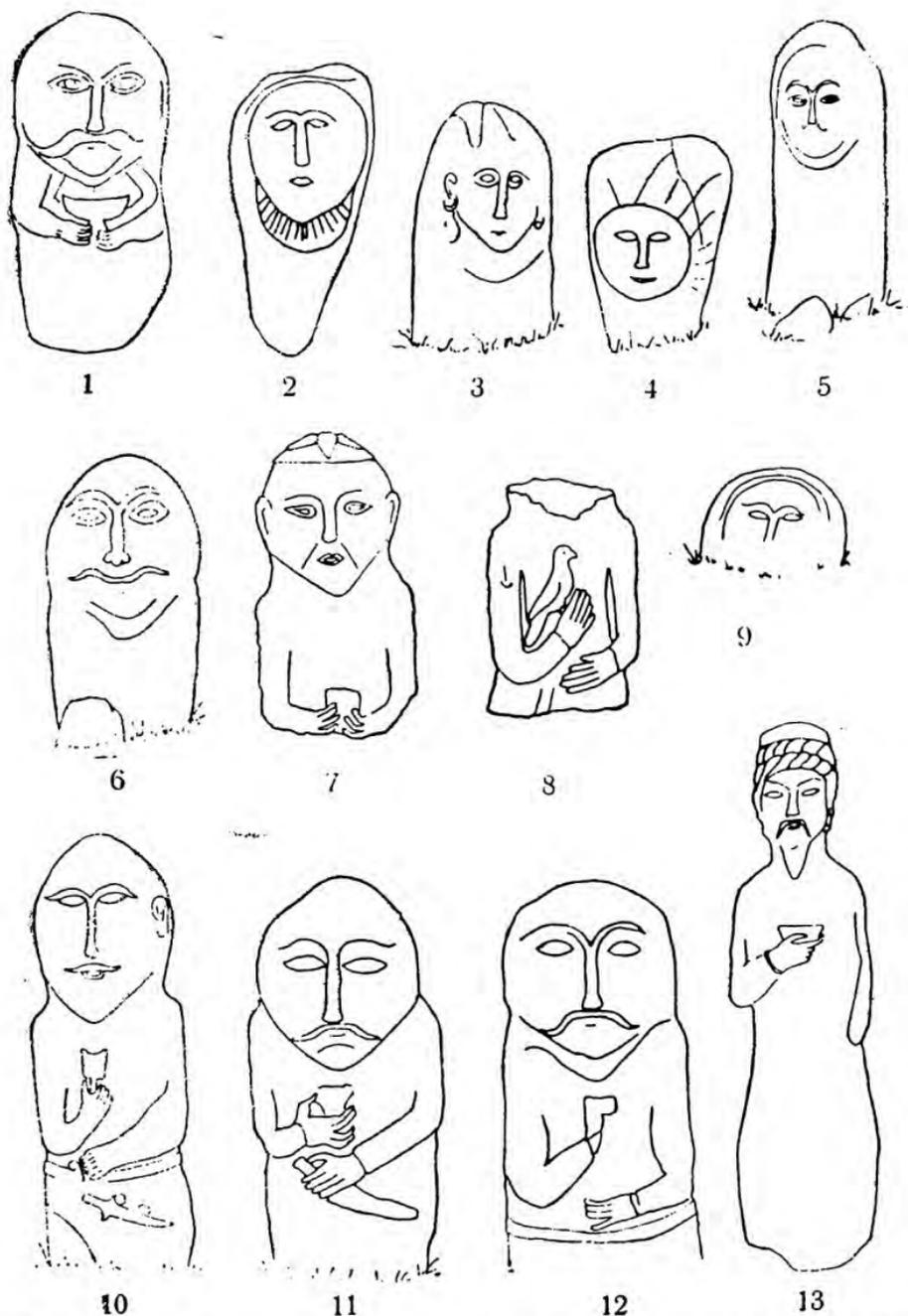
7. Ручка с изображением буддийского типа.
V – VII вв. г. Сарыг (Красная Речка) Р. II.

8. Сосуд VII в. г. Сарыг (Красная Речка) Р. IV.

9. Крышка от хума с погребением. VIII в. г. Сарыг
(Красная Речка) Р. I.

10. Каменные изваяния эпохи тюрков VI—VIII вв. (Большой и Малый Кемш р. р. 2, 3, 4, 5, 6, 9, 12. Уйтал 10, 11, Чуйская долина 1, 7, 8, 13).

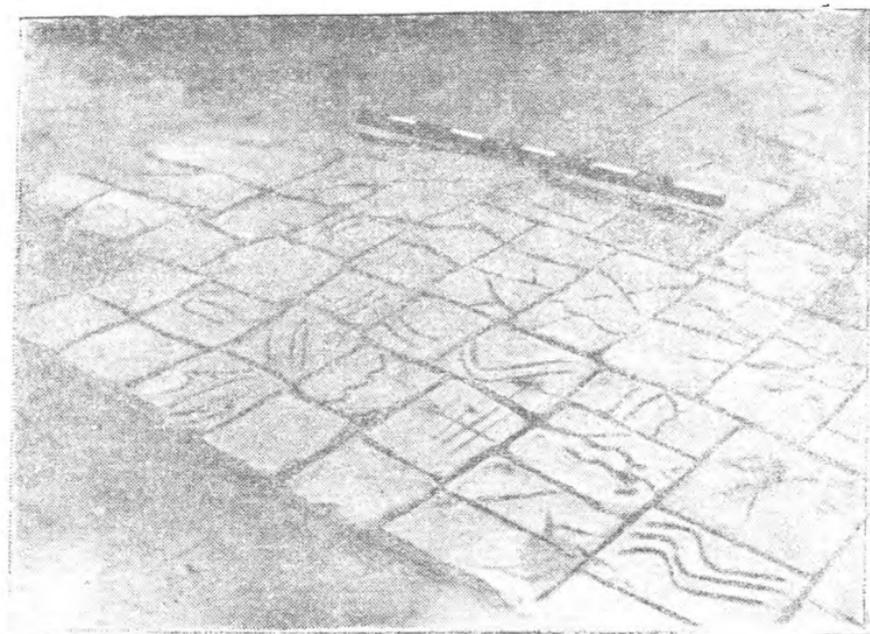
11. Изображение Будды. VIII—IX вв. Альсекко. г. Сарыг
(Красная Речка) Р. VIII.

12. Китайская роспись-астра. Альсекко VIII—IX вв. г. Сарыг (Красная Речка) Р. VII.

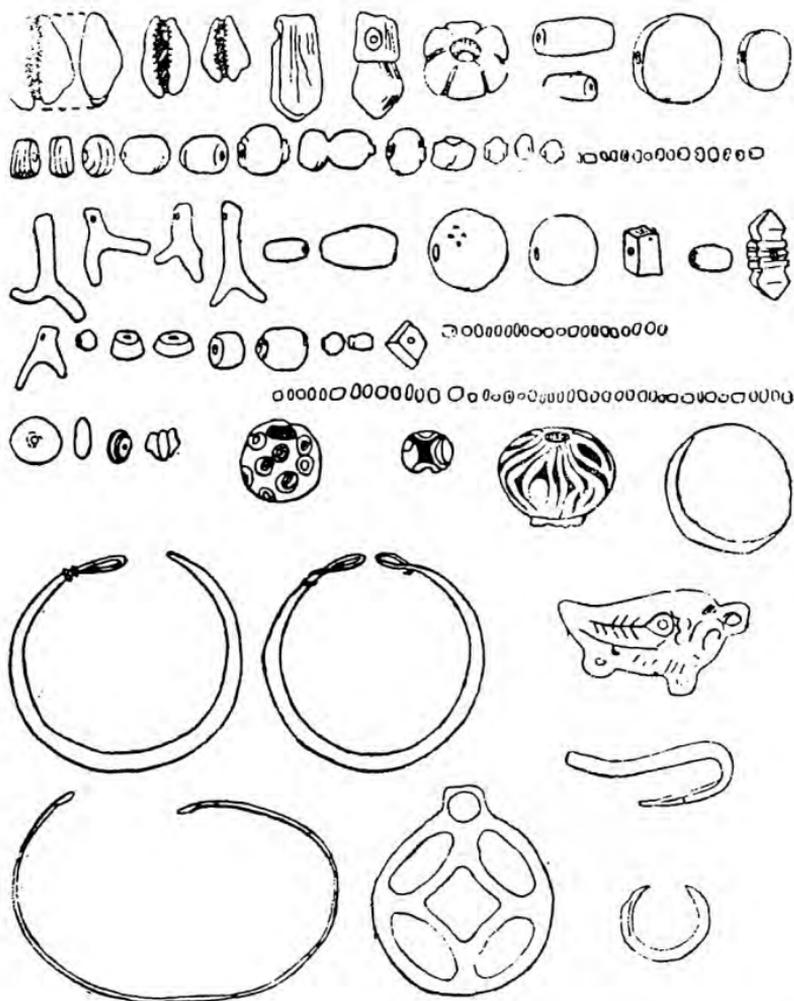
13. Обломок гліняного столика VIII в. г. Баласагун (Ак Ілшін).

14. Кирпичный пол в здании X—XI вв г. Сарыг
(Красная Речка) Р. II.

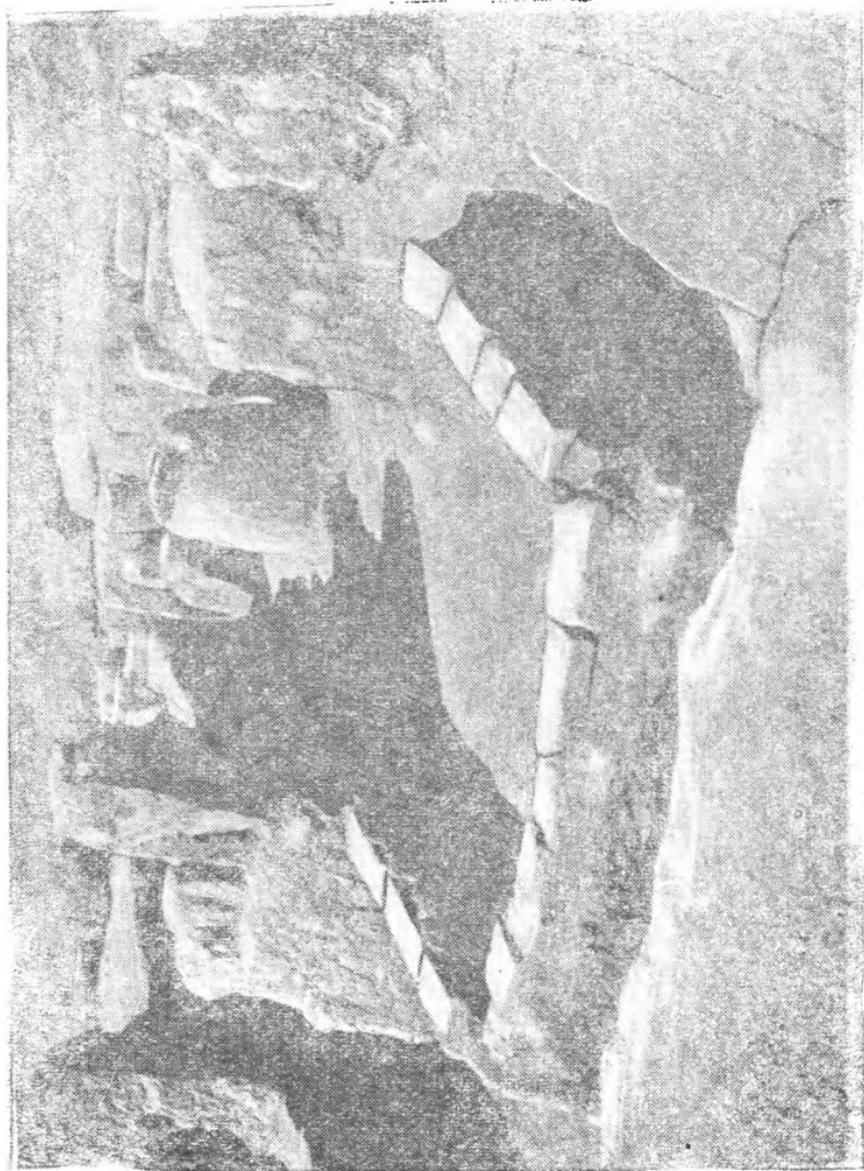
15. Сооружение для изготовления вина. г. Сарыг (Красная Речка) F. V.

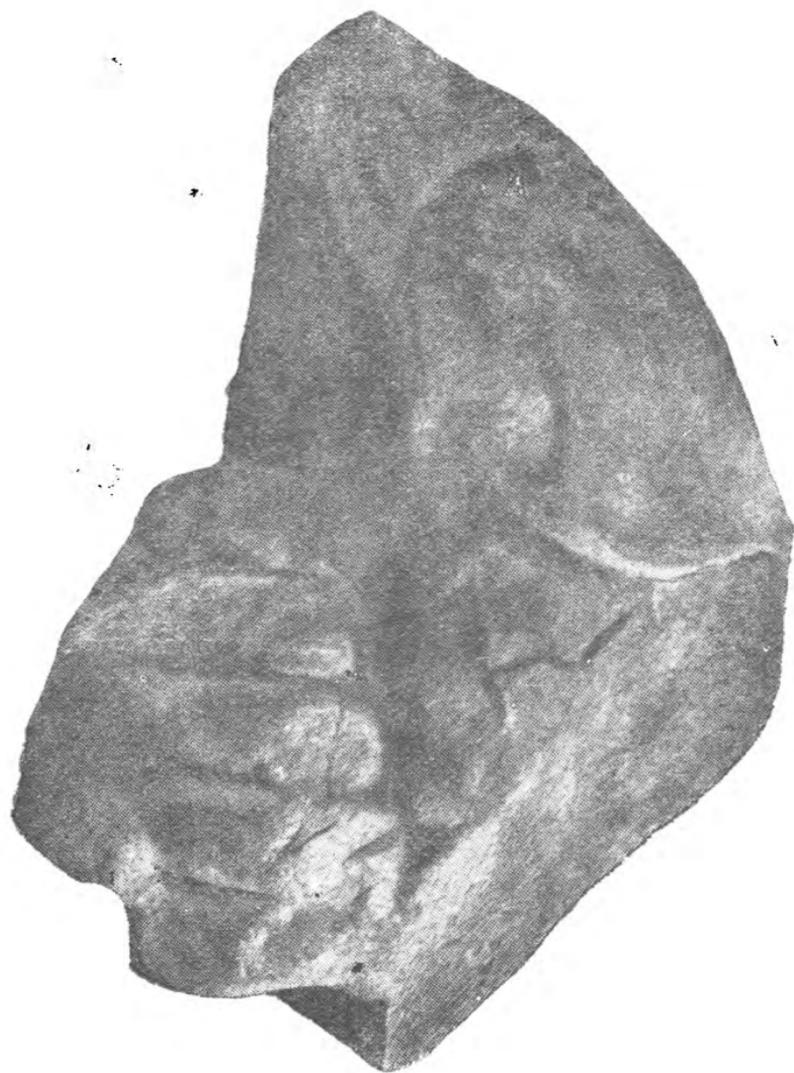
16. Украшения XI—XII вв. г. Сарыг (Красная Речка). Р. III и Р. I.

17. Надгробная сирийская надпись. XII в. Сарыг (Красная Речка).

8. Раскол монастыря (?) г. Баласагун.

19. Часть логоса со ступней Будды. XII в. г. Баласагун.

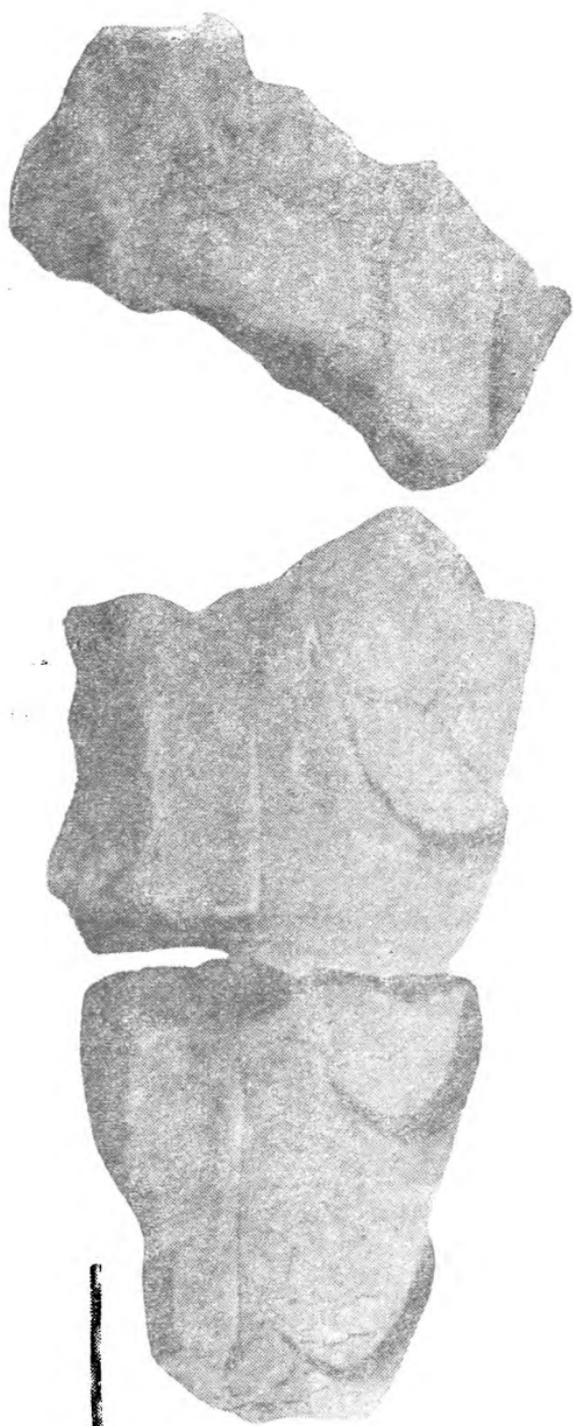
20. Часть барельефа льва с пьедестала Будды. XII в. г. Баласагун.

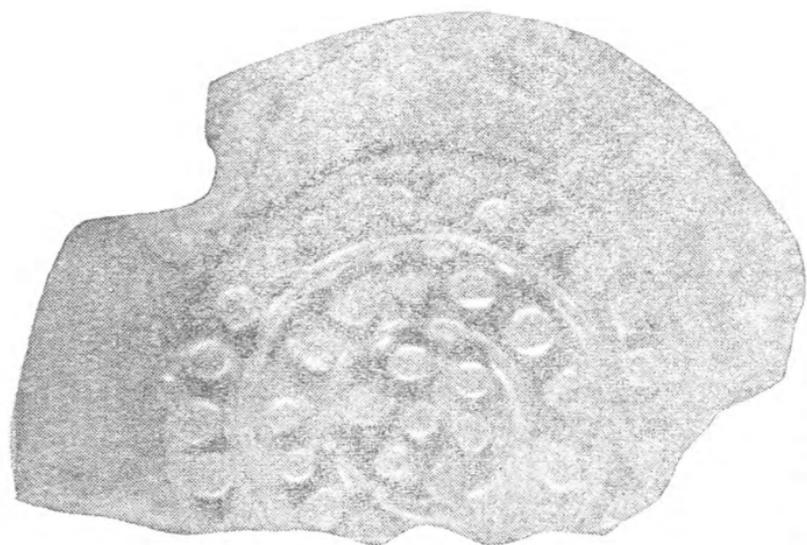
21, Бодисатва. XII в. г. Баласагун.

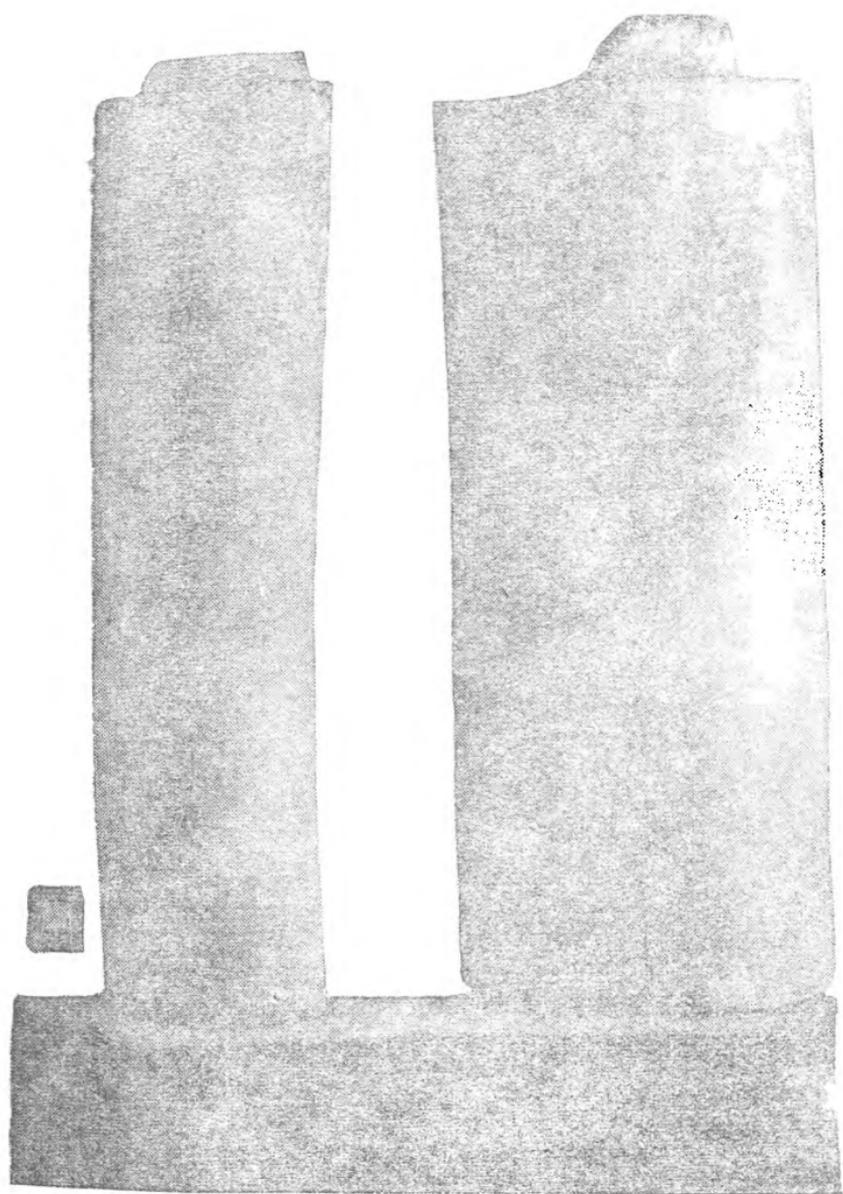
22. Буддийский храм. XII в. г. Баласагун.

23. Фрагменты глиняной статуи с изображением складок одежды. XII в. г. Баласагун.

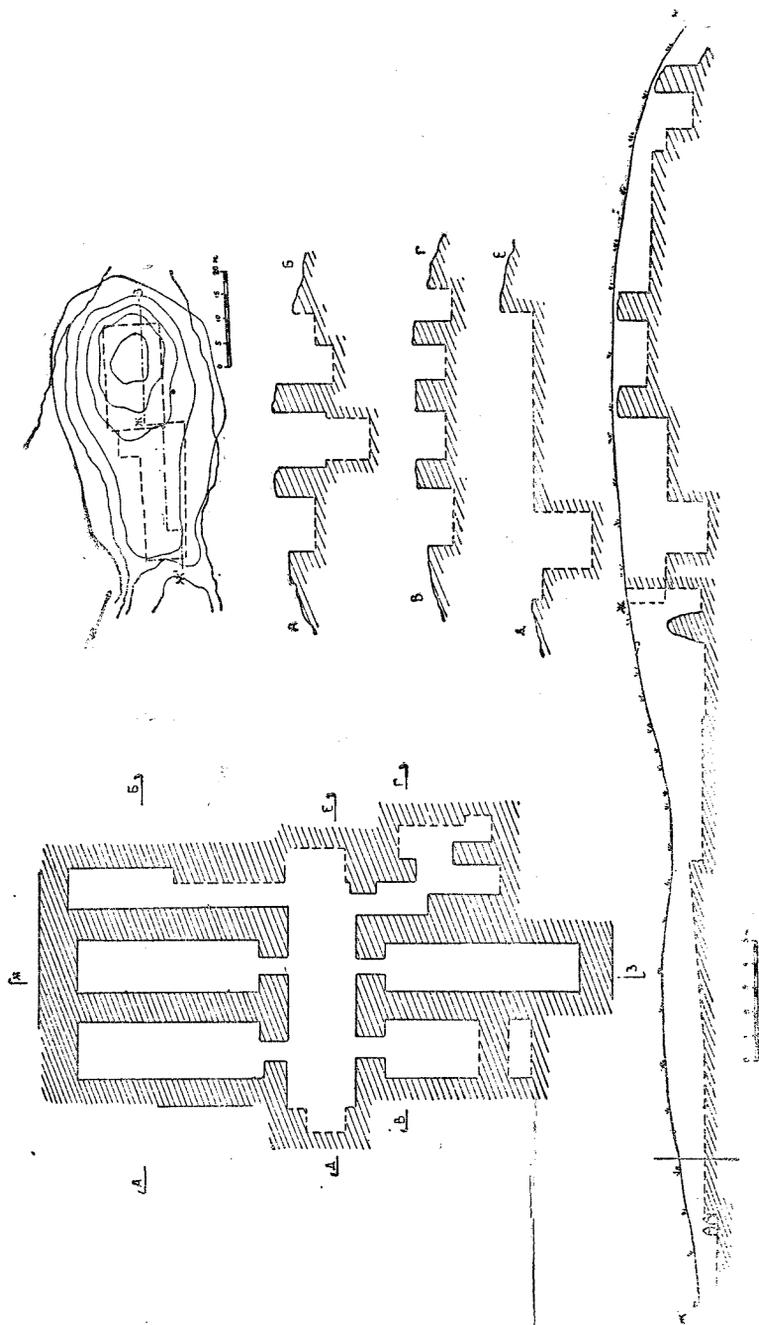
24. Глиняные печати на черепице. XII в. г. Баласагун.

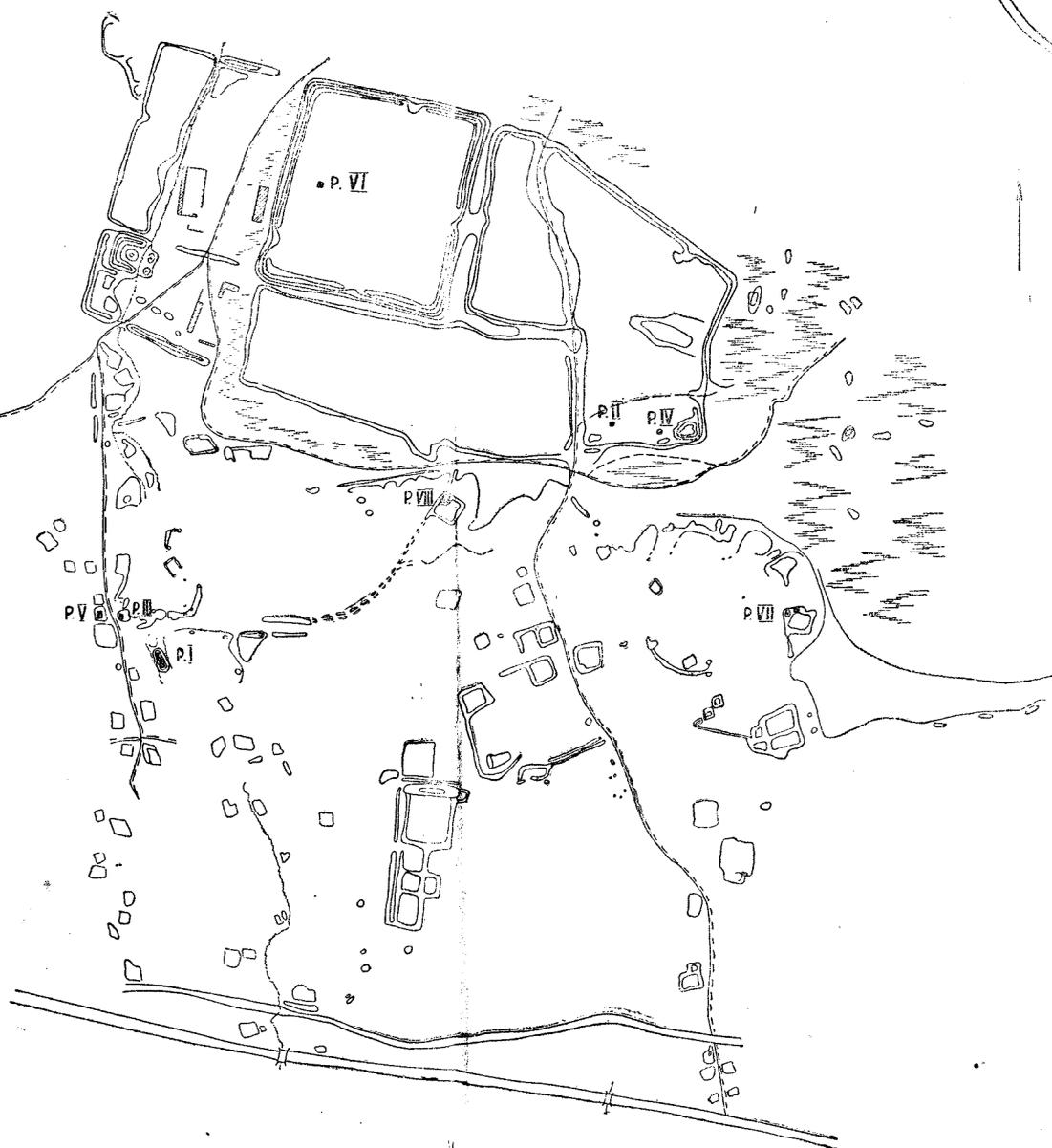
25. Черепица. XII в. г. Баласагун.

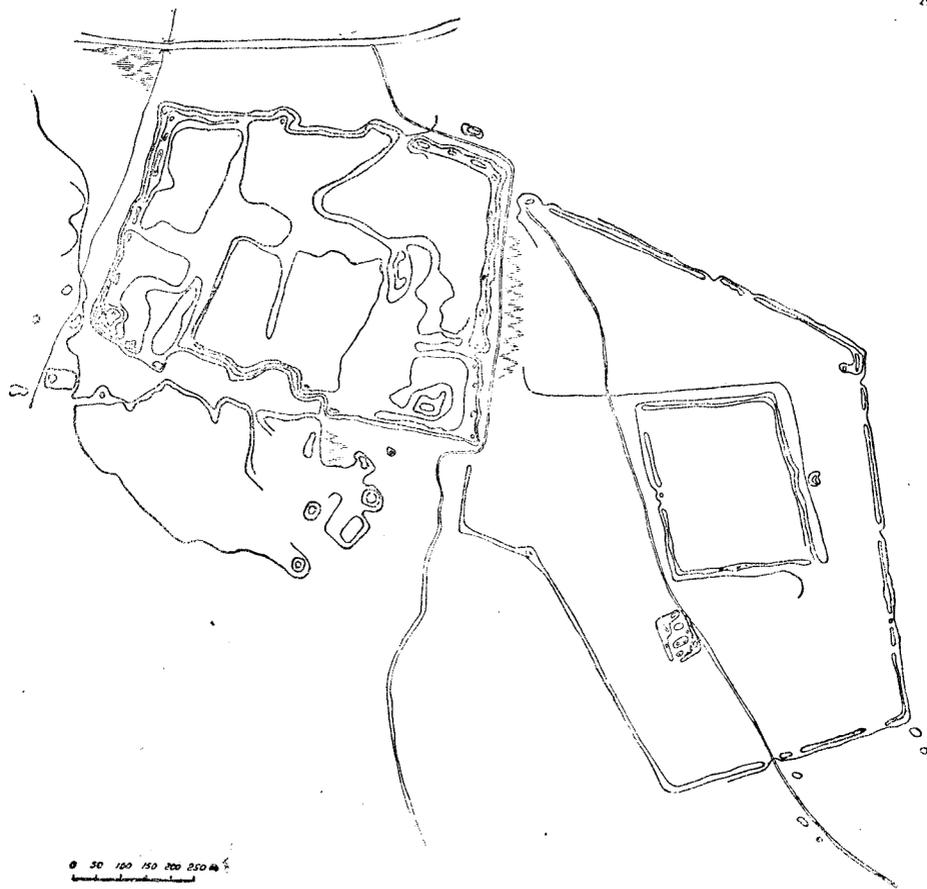
26. Сосуды XV века, г. Шельяги (развалины Садыр—Курган у п. Кировск).

План и разрезы согдийского замка г. Сарыг (Красная речка). Р. I.

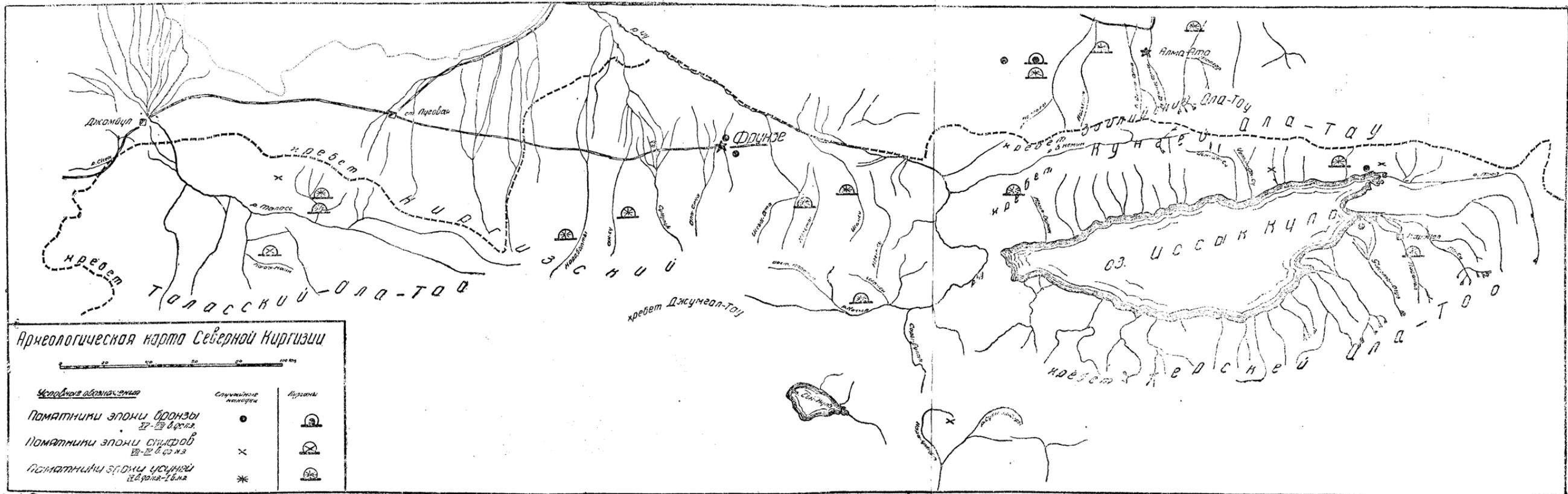
План древнего города Сарыга.

0 50 100 150 200 250 м

1951 год
Д. С. С.

План древнего города Баласагуна.

Памятники Северной Киргизии с эпохи бронзы до усуней включительно.

Цена 7 р. 50 к.